

ФАНТ-ХАБАР

2024

10

ФАНТ-ХАБАР

2024

10

3 Календарь. 2024. Ноябрь

10 Такие дела. Октябрь 2024

14 Голоса из Сетей

134 Источники

Первая страница:

Айзек Азимов. «Мечты роботов»

Иллюстратор Ральф Маккуорри, 1989

Редактор: БВИ

bvi@rusf.ru

<https://t.me/bratrAZUM>

<https://bvi.livejournal.com>

<http://bvi.rusf.ru/fx/fx010.pdf>

Арканар: Метагом, 2024

Календарь фантастики: Ноябрь

2 ноября: Автор Барраярского цикла

75 лет назад родилась **Лоис Макмастер БУДЖОЛД [Lois McMaster BUJOLD]** (р. 1949), американская писательница, автор циклов о Майлзе Форкосигане-Нейсмите с планеты Барраяр, «Шалион», романа-эпопеи «Разделяющий нож», романа «Кольца духов».

Буджолд о себе:

«Я была ненасытной читательницей всю мою жизнь, начиная с детских лет, когда в школе читала истории про лошадей. Детскую научную фантастику я начала читать в девять лет, унаследовав страсть к ней от моего отца. Он профессор-инженер и часто покупал всякие фантастические журналы и прочие тому подобные вещи. Круг моих интересов позже пополнился такими вещами как история, тайны, путешествия, войны, поэзия и так далее.

...Я быстро поняла, что писательство очень требовательно. Оно иссушает тебя до дна и мне требо-

валось одобрение серьезных писателей-профессионалов. Чтобы этого добиться, нужно было писать и переписывать, вырезать эпизоды, выслушивать замечания редакторов и пытаться снова. Это был очень насыщенный для меня период, когда я росла как писатель, но со стороны это было незаметно».

3 ноября: Рок и мультипликация

75 лет назад родился **Александр Борисович ГРАДСКИЙ** (1949-2021), российский певец, поэт, композитор, автор рок-опер «Муха-Цокотуха», «Мастер и Маргарита», автор музыки и исполнитель песен в м/ф «Принцесса и Людоед», «Охота», «Перевал».

Градский мечтал о таком воплощении оперы «Мастер и Маргарита»: «Мультфильм. Только анимация! Берется фонограмма и делается мультик. И всё. Мультик рисованный, живые люди. Понимаешь? Рисованные живые люди. Табаков в роли Семплеярова. Нарисованный. То есть человек Олег Табаков, он нарисован в роли Семплеярова. Градский нарисован в роли Кота. Градский же нарисован в роли Воланда. Та же морда, но только по-другому, как будто он загримированный. Тот же Градский нарисован в образе Мастера. Тот же Градский нарисован в образе Иешуа. Трансформированный, нарисованный, понятно, что это он, да, но в роли. Лена Минина нарисована в образе Маргариты. Фоменко нарисован, Коля, в образе Коровьева. И так далее. Это было бы здорово. Ты видел мультфильм по Диккенсу? Где герои – нарисованные живые люди? Потрясающее кино, просто невозможно оторваться! А здесь ещё была бы музыка».

5 ноября: **И детская, и ироническая...**

85 лет назад родился **Валерий Алексеевич АЛЕКСЕЕВ** (1939-2008), русский писатель, автор повестей «Кот – золотой хвост», «Выходец с Арбата», «Чуждый разум», «Удача по скрипке», «Остров Гарантии», «Проект “АЦ”».

Владимир Мильгунов на сайте «Лаборатория фантастики» так пишет о фантастике в творчестве Валерия Алексеева: «Постепенно проза Алексеева, оставаясь столь же лёгкой и ироничной, всё явственней приобретала черты фантазмагоричности, в реальность просачивались элементы фантастики: персонажи повести «Рог изобилия» заняты созданием программированного пособия по изучению русского языка; иронией и пародийностью пронизаны повести, включённые в его лучший сборник «На-

зидательная проза», где речь идёт то об использовании сотрудниками НИИ сомнительного субъекта с психоанатомическими аномалиями для доказательства научной гипотезы («Выходец с Арбата»), то о собирающем слухи инопланетянине в опять-таки научном Институте Конкретного Счёта («Чуждый разум»), то о продаже работницей проката своей бессмертной души в обмен на музыкальный гений сына («Удача по скрипке»). Повести детской НФ составили и сборник «Разноцветные континенты»: в «Острове Гарантии» герои придумывают планету Лориаль, а в «Проекте “АЦ”» – инопланетяне принимают земных детей в специнтернат для одарённых, развивая у них сверхъестественные способности».

8 ноября: Что за другой галактикой?

95 лет назад родился **Олег /Альберт/ Иванович БОРИСОВ** (1929-1994), русский актёр, исполнитель ролей в к/ф и т/ф «Нос» (Майор Ковалёв), «Крах инженера Гарина» (Гарин), «Рецепт её молодости» (Барон фон Прус), «Парад планет» (Костин), «Мастер» (Мастер; Берлиоз), «Искушение Б.» (Магистр), «Лебединая песня» (Мефистофель; Гамлет), «Мне скучно, бес» (Мефистофель; Господь Бог), в радиопостановках «Двойник» (Голядкин), «Вино из одуванчиков» (Мистер Джонас).

В дневниках (изданы под названием «Без знаков препинания») Борисов писал: «Мне всегда интересен предел, крайняя точка человеческих возможностей. А если предела не существует? Носители экстремизма, убеждён Либуркин (театральный режиссёр), всегда ищут этот предел. А за пределом – беспредел, бесконечность? Этой проблемой был озадачен и Гарин – достижением бесконечной власти над миром. На уроках физики я когда-то попытывался у своего учителя: «Мы видим небо, звёзды, а что за ними?» «Другая галактика», – неуверен-

но отвечал физик. «А что за другой галактикой? За другой цивилизацией? – не унимался я. – Где-то же должен быть потолок? А за этим потолком – следующий. А что за тем потолком, следующим?» Физик рисовал на доске крендель – лежащую боком восьмёрку, которая у них, у физиков, означает бесконечность. Смешные люди».

9 ноября: Неутомимый исследователь

90 лет назад родился **Карл САГАН [Carl SAGAN]** (1934-1996), американский астрофизик, лауреат Пулитцеровской премии за книгу «Драконы Эдема. Рассуждения об эволюции человеческого мозга», автор научно-популярной книги «Космическая связь: внеземная перспектива», новеллизации телесериала «Космос», романа «Контакт».

Интересы Сагана широки и не ограничивались одной лишь астрономией. Он изучал происхождение жизни на Земле, занимался экзобиологией, участвовал в экспериментах по моделированию

синтеза органических молекул в первичной атмосфере Земли, разработал парниковую модель атмосферы Венеры, сделал расчёты эволюции марсианского климата, исследовал вещество комет и органических аэрозолей на спутнике Сатурна Титане, подготовил послания внеземным цивилизациям, которые отправились на станциях «Пионер» за пределы Солнечной системы, руководил Планетным отделением Американского астрономического общества, был главным редактором журнала «Икар», посвящённого исследованию Солнечной системы.

12 ноября: Сказка – ложь, да в ней намёк

95 лет назад родился **Михаэль Андреас Хельмут ЭНДЕ (Андреас ХЕЛЬМУТ) [Michael Andreas Helmut ENDE (Andreas HELMUT)]** (1929-1995), немецкий писатель, автор романов «Приключения Джима Пуговицы», «Джим Пуговица и чёртова дюжина», «Момо», «Бесконечная история», «Пунш желаний».

Самый известный роман писателя – «Бесконечная история». При внимательном чтении об-

наруживается, что это не просто детская сказочка, а серьёзное философское размышление о связях реального мира с мирами нашего воображения. Сумасшедшие жители мира Фантазии – это люди из нашего мира, забывшие о реальности и сошедшие с ума. И наоборот, когда часть мира Фантазии поглотило НИЧТО, к людям на земле хлынул мощный поток лжи. Лучше мечтать, чем обманывать друг друга. Книга Энде наполнена множеством интересных выдумок и нестандартных фэнтезийных существ, множеством намёков и аллюзий, которые благодаря лёгкому повествованию служат для детей воспитательным уроком и примером для подражания. Роман учит нас контролировать свои желания, ведь дорвавшись до вседозволенности, легко забыть себя настоящего.

15 ноября: Лем и не только

75 лет назад родился **Пётр Яцек Ян КРЫВАК [Piotr Jacek Jan KRYWAK]** (р. 1949), польский литературовед, автор работ «Эволюция научно-фантастического творчества Станислава Лема», «Фантастика Лема: путь к «Фиаско»».

Деятельность Петра Кривака не исчерпывается глубокими и серьёзными исследованиями творчества Лема, в частности, он автор статьи «Рептильная фантастика», посвящённой весьма щекотливой теме, – публикациям фантастики на польском языке в годы гитлеровской

оккупации Польши, – в 1940-1943 годах. Их вышло совсем немного, 10 рассказов и повестей в журналах, которые выходили в это время. Все эти вещи, по словам Крывака, слабые, даже примитивные, но для исследователя и историка польской научной фантастики представляют несомненный интерес. Крывак в статье подробно излагает и обсуждает их сюжеты. Публиковались они, скорее всего, под псевдонимами, расшифровать которые ныне вряд ли возможно.

16 ноября: Питерский Странник

65 лет назад родился **Николай Юрьевич ЮТАНОВ (Ян ЮА)** (1959-2023), русский писатель, переводчик и издатель, астроном и футуролог, автор повестей «Оборотень», «Путь обмана» и др.

Выходец из литературного семинара Бориса Стругацкого, которому мэтр доверил написать задуманный Стругацкими роман «Белый Ферзь», так и не закончил эту работу, но сделал очень много другого. Он создал издательство «Terra Fantastica», активно участвовал в организации и работе Кон-

гресса фантастов России, конференции «Форум будущего», вручал литературные премии «Странник» и «Мечи», привозил в Россию Лоис Макмастер Буджолд, Пола Андерсона и Брюса Стерлинга, а в перерывах создал интернет-магазин «Озон».

21 ноября: Философ с окрестностей Сириуса

330 лет назад родился **Франсуа Мари АРУЭ (Гийом ВАД; Катрин ВАД; ВОЛЬТЕР)** [Marie François AROUET (Guillaume VADE; Catherine VADE; VOLTAIRE)] (1694-1778), французский писатель, философ и историк, автор философских повестей «Задиг, или Судьба», «Мемнон, или Человеческая мудрость», «Микромегас», «Кандид, или Оптимизм», «Простодушный», «Вавилонская принцесса».

Повесть «Микромегас», пожалуй, предвосхитила множество фантастических тем, развиваемых позже. Это и рассказ о жителях других планет, об их путешествиях во Вселенной, об их контакте с земными философами. Поскольку Микромегас, житель одной из планет в системе Сириуса, имеет рост в 36 километров, поначалу он решил, что хозяевами планеты Земля являются киты. Каково же было его (и его спутника с Сатурна, карлика высотой в 2 километра) изумление, когда они сумели разглядеть «козявок» и даже завести с ними философский разговор об «энтелехии души». Конечно, Вольтер не утруждал себя тем, чтобы повествование выглядело правдоподобным, чего стоит, например, использование Микромегасом комет в качестве попутного транспорта.

21 ноября: Одиссей из Ставрополя

80 лет назад родился **Василий Дмитриевич ЗВЯГИНЦЕВ** (1944-2016), русский писатель, автор многотомного цикла «Одиссей покидает Итаку».

Всего в эпопее «Одиссей покидает Итаку» вышла 21 книга. Основная тема книг – альтернативная история нашего мира. Попытки автора отойти от главных героев начальных томов закончились неудачей, так или иначе повествование вновь возвращалось в крепко проложенное русло. Попутно Звягинцев задал направление многочисленным сочинениям о попаданцах, которые предпринимают попытки исправить течение истории. Первая книга принесла автору премии «Аэлита», «Интерпресскон», Беляевскую премию и специальную международную премию «Еврокон». Последующие книги принимались далеко не всегда столь же восторженно.

24 ноября: Гений музыки XX века

90 лет назад родился **Альфред Гарриевич ШНИТКЕ** (1934-1998), русский композитор, автор музыки к к/ф «Сказка странствий», оперы «История доктора Иоганна Фауста», балетов «Жёлтый звук», «Пер Гюнт».

Валентина Холопова: «Неотъемлемой от него темой стал Фауст – и в публикации Шписа, и в трагедии Гёте. Фаустианство вообще считается свойством мышления европейской культуры. Шнитке создал и кантату «История доктора Иоганна

Фауста» на текст из народной книги, и его сюжет скрыто присутствует в концерте для фортепиано и струнных, сейчас постоянно исполняемом. В связи с этим сюжетом открывается многое в характере его музыкального языка. Прежде всего, действует мышление контрастами, антитезами. Здесь возникает этический контраст: Бога и дьявола (Мефистофеля), добра и зла. И это потребовало огромного расширения стилистики музыкального языка. Если для показа позитивной линии автор вполне владел передовым современным стилем музыки, то для воплощения зла он рискнул выйти за эти рамки в другую культуру – эстрадную, и для арии Мефистофеля (Мефистофелы – женщины) использовал танго, с его низкопробной развязностью».

26 ноября: Фантастический реалист

75 лет назад родился **Дмитрий Николаевич КАРАЛИС** (р. 1949), русский писатель, редактор, создатель «Центра современной литературы и книги» в Санкт-Петербурге, автор сборников «Ненайденный клад», «Самоваръ графа Толстого», «Роман

с героиней», «Чикагский блюз», «Феномен Крикушина».

Борис Стругацкий вспоминал: «Двадцать лет назад Дмитрий Каралис появился у нас на заседании семинара молодых писателей-фантастов со своей первой фантастической повестью – полный сил и творческой энергии, но явно сомневающийся, написал ли он то, что следовало писать, и вообще попал ли туда, куда следовало бы. Повесть была очень недурна для начинающего – в излюбленном мною жанре реалистической фантастики, с юмором, с приключениями, с живыми героями, добрая, весёлая, живая. Молодой автор, безусловно, понимал, как надо писать фантастику – понимал главное: суть и соль хорошей фантастики в максимальном реализме описываемого.

Но фантастом Каралис не стал. Он стал отличным прозаиком-реалистом, потому что суть и соль реалистической прозы он тоже понимал претотлично: мир полон замечательно интересных вещей и надо только научиться отбирать (из того, что знаешь) самое интересное и писать об этом правду».

Такие дела Октябрь, 2024:

3 октября: **Мишель Блан [Michel Blanc]** (р. 6 апреля 1952), французский актёр, режиссёр и сценарист, исполнитель ролей в к/ф «Компьютер, программирующий смерть», «Немо», «Книги Пропсpero», «Новые приключения Аладдина». 72 года. (*Википедия*)

3 октября: **Юрий Петрович Брехов (Юрий Астров; Юрий Астров-Зацарицинский; Юрий Туроверов; Камилл Яценко)** (р. 3 февраля 1947), любитель, знаток и критик фантастики, писатель, старейшина волгоградского фэндома. 77 лет. (*Александр Лукашин*)

4 октября: **Марина Константиновна Восканьянц** (р. 2 января 1934), художник-мультипликатор, работала над мультфильмами «Человечка нарисовал я», «Три толстяка», «Дюймовочка», «Машинка времени», «В стране невыученных уроков», «Щелкунчик», «Наследство волшебника Бахрама», «Волшебное кольцо», «Мария, Мирабела», «Тайна третьей планеты», «Два билета в Индию», «Трое на острове», «История одного города. Органчик», «Незнайка на Луне» и др. 90 лет. (*Николай Подсокорский*)

4 октября: **Ежи Эугениуш Мольга [Jerzy Eugeniusz Molga]** (р. 8 мая 1933), польский актёр, озвучивал роли в фильмах «Мэри Поппинс», «Двенадцать подвигов Астерикса», «Люди Икс», «Маска», «Человек-паук», «Скуби-Ду на острове мертвецов», «Каспер встречает Венди», «Астерикс и Обеликс против Цезаря», «Космический дозор. Эпизод 1», «Мой домашний динозавр», «Король Матиуш Первый». 91 год. (*Wikipedia*)

5 октября: **Роберт Лоуэлл Кувер [Robert Lowell Coover]** (р. 4 февраля 1932), американский писатель, автор метафикций «Универсальная Бейсбольная Ассоциация, Инс., Дж. Генри Во, Орг.», «Публичное сожжение», «Пиноккио в Венеции», «Жена Джона». 92 года. (*Николай Караев*)

5 октября: **Татьяна Васильевна Папорова** (р. 5 ноября 1941), редактор киностудии «Союзмультфильм», сценарист, принимала участие в создании м/ф «Вини-Пух», «Чебурашка», «Бременские музыканты». 82 года. (*Википедия*)

5 октября: **Димитриос «Мимис» Плессас [Δημήτριος «Μίμης» Πλέσσας]** (р. 12 октября 1924), греческий композитор, пианист, дирижёр, автор опер «Орфей и Эвридика», «Зевс», музыки к 104 фильмам и 70 спектаклям. 99 лет. (*Википедия*)

7 октября: **Николас Прайор (Николас Дэвид Пробст) [Nicholas Pryor (Nicholas David Probst)]** (р. 28 января 1935), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Ночной террор», «Омен 2: Дэмиен», «Рыбы, которые спасли Питтсбург», «Когда умирает мозг», «Голодные игры: Сойка-пересмешница. Часть 1», «Плохое сердце Бастера», «Доктор Сон», «Чужак». 89 лет. (*Википедия*)

8 октября: **Жоб (Андре Жобен) [Job (André Jobin)]** (р. 25 октября 1927), швейцарский художник, сценарист, создатель франкоязычных комиксов «Приключения Пифагор и Ко», «Якари». 96 лет. (*Википедия*)

17 октября: **Нисида Тосиюки [西田敏行]** (р. 4 ноября 1947), японский актёр и певец, исполнитель ролей в телесериале «Путешествие на Запад», к/ф «2199: Космическая одиссея». 76 лет. (*Википедия*)

18 октября: **Анатолий Васильевич Гридин** (р. 20 октября 1929), актёр театра и кино, артист балета, педагог, исполнитель партий в балетах «Каменный

цветок», «Сильнее смерти», «Зачарованный принц», «Спящая красавица». 94 года. (*Википедия*)

18 октября: **Натан Моисеевич Солодухо** (р. 18 марта 1952), философ, специалист в области метафизики, онтологии, гносеологии, автор работ «Философия бытия и познания», «От бытия до небытия», «Философия небытия». 72 года. (*Википедия*)

22 октября: **Линда Розен Обст [Lynda Rosen Obst]** (р. 14 апреля 1950), американская писательница, кинопродюсер фильмов «Король-рыбак», «Контакт», «Изобретение лжи», «Интерстеллар», сериала «Спираль». 74 года. (*Википедия*)

23 октября: **Владимир Борисович Микушевич** (р. 5 июля 1936), поэт, писатель, литературовед и переводчик, эзотерик и мистик, религиозный философ, автор романов «Будущий год», «Воскресение в Третьем Риме». 88 лет. (*Николай Караев*)

23 октября: **Аркадий Моисеевич Штыпель** (р. 14 марта 1944), поэт, фэн, рецензент, автор сборников стихов «В гостях у Евклида», «Вот стихи», «Ибо небо», переводчик стихов С.Лема, сонетов У.Шекспира. 80 лет. (*Николай Караев*)

24 октября: **Игорь Витальевич Москвитин** (р. 25 июня 1953), режиссёр, сценарист, постановщик сериала «Цвет пламени». 71 год. (*Николай Подосокорский*)

26 октября: **Димитриос Триантафиллидис [Δημήτριος Τριανταφυλλίδης]** (р. 9 декабря 1959), греческий переводчик, журналист, издатель, редактор, перевёл более 130 книг русских писателей, в том числе В.Аксёнова, М.Булгакова, В.Высоцкого, А.Грина, А.Платонова, В.Хлебникова. 64 года. (*Николай Подосокорский*)

28 октября: **Ариадна Павловна Бажова-Гайдар** (р. 10 августа 1925), историк, дочь П.Бажова, автор

книги «Глазами дочери». 99 лет. (*Николай Подосокорский*)

28 октября: **Эльжбета Зайонцувна (Эльжбета Уршула Зайонц) [Elżbieta Zającówna (Elżbieta Urszula Zając)]** (р. 14 июля 1958), польская актриса, исполнительница ролей в к/ф «Секс-миссия», «О-би, о-ба: Конец цивилизации», «Собачье сердце». 66 лет. (*Википедия*)

28 октября: **Пол Моррисси [Paul Morrissey]** (р. 23 февраля 1938), американский режиссёр экспериментального кино, постановщик к/ф «Тело для Франкенштейна», «Кровь Дракулы», «Племянник Бетховена». 86 лет. (*Дмитрий Волчек*)

29 октября: **Терри Энн «Тери» Гарт [Terry Ann «Teri» Garr]** (р. 11 декабря 1944), американская актриса и певица, исполнительница ролей в к/ф «Молодой Франкенштейн», «Близкие контакты третьей степени», в сериале «Звёздный путь». 79 лет. (*Википедия*)

30 октября: **Джованни Чанфралья [Giovanni Cianfriglia]** (р. 5 апреля 1935), итальянский актёр и каскадёр, исполнитель ролей в к/ф «Троянская война», «Замок крови», «Вызов великанов», «Суперарго против Даболикуса», «Невидимый супермен», «Шериф и мальчик-пришелец». 89 лет. (*Википедия*)

R.I.P. – Дополнения:

30 июля: **Лиза Уэсткотт [Lisa Westcott]** (р. 11 марта 1948), британский визажист, работала над к/ф и сериалами «Капитан Зеп, космический детектив», «Влюблённый Шекспир», «Из ада», «Человек-волк», «Капитан Америка: Первый мститель». 76 лет. (*Дэвид Лангфорд*)

15 августа: **Роберт /Боб/ Уолтер Везервакс [Robert /Bob/ Walter Weatherwax]** (р. 4 июня 1941),

американский кинолог, основавший фирму по тренировке собак для участия в киносъёмках, в частности, в к/ф «Нечто» и «Назад в будущее». 83 года. *(Дэвид Лангфорд)*

16 августа: **Дэвид Стаюрт Дэвис [David Stuart Davies]** (р. 10 февраля 1946), британский писатель, эксперт по творчеству А.К.Дойла, исследователь тёмной стороны личности Шерлока Холмса, автор романов «Шерлок Холмс идёт по кровавым следам», «Шерлок Холмс и дело о крысе», составитель более полутора десятков антологий детективов, хоррора и научной фантастики. 78 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

16 августа: **Грэм Роул [Graham Rawle]** (р. 22 июля 1955), британский писатель и художник-коллажист, автор романа «Сухопутный», серии сюрреалистических картин «Потерянные согласные», иллюстраций к книгам Л.Ф.Баума, Т.Хойла. 69 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

27 августа: **Холли Лайл [Holly Lisle]** (р. 8 октября 1960), американская писательница, автор сериалов «Секретные тексты», «Мир Врат», романа «Минерва пробуждается», «Полуночный дождь», «Ночные отголоски». 63 года. *(Дэвид Лангфорд)*

28 августа: **Эндрю Клиффорд Гринберг [Andrew Clifford Greenberg]** (р. в 1957), американский разработчик видеоигр, создатель одной из первых ролевых видеоигр Wizardry (с Робертом Вудхедом), участвовал в создании игры в жанре аркады Q*bert, серии игр Star Saga: One. 67 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

1 сентября: **Брайан Ричард Трумэн [Brian Richard Trueman]** (р. 16 мая 1932), английский телеведущий, писатель и актёр озвучивания, написал сценарии и озвучил многие анимационные се-

риалы, включая легендарные «Опасный Мышонок» и «Граф Даккула». 92 года. *(Дэвид Лангфорд)*

2 сентября: **Джеймс Даррен (Джеймс Уильям Эрколани) [James Darren (James William Ercolani)]** (р. 8 июня 1936), американский актёр, режиссёр и певец, исполнитель ролей в к/ф «Человек из 25 века», «Город на дне моря», в сериалах «Путешествие на дно моря», «Туннель времени», «Остров фантазий», «Звёздный путь. Глубокий космос 9», озвучивал м/ф «Привет, я – медведь Йоги». 88 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

2 сентября: **Бернар /Берни/ Эдвард Миро [Bernard /Bernie/ Edward Mireault]** (р. 27 июня 1961), канадский автор комиксов и писатель, известный по работам над Гренделем, Безумцем, придуманным им героем без сверхспособностей Джаммером, в команде с Нилом Гейманом работал над историей про Загадочника, врага Бэтмена. 63 года. *(Дэвид Лангфорд)*

4 сентября: **Франк Гриффин [Frank Griffin]** (р. 25 июня 1929), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Гигантский коготь», «Западный мир», визажист к/ф «Ангел на моём плече». «Золотая девушка», «Близкие контакты третьей степени», «Потомство демона», «Пегги Сью вышла замуж», «Эмбрион». 95 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

11 сентября: **Найджел Ламберт [Nigel Lambert]** (р. 11 мая 1944), английский актёр, участвовал в озвучивании фильмов и сериалов «Кричи и снова кричи». «Приключения медвежонка Паддингтона», «НЛО», «Доктор Кто», «Семёрка Блейка». 80 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

11 сентября: **Карл Майкл Молин [Karl Michael Moline]** (р. 26 июня 1973), американский художник комиксов, один из создателей сериалов «Баффи –

истребительница вампиров», «Фрэй», «Баффи и Ангел». 51 год. *(Дэвид Лангфорд)*

12 сентября: **Тейлор Грант [Taylor Grant]** (р. 25 февраля 1970), американский писатель, автор сборников «Тьма в конце туннеля», «Множество смертей Коула Паркера и другие истории». 54 года. *(Дэвид Лангфорд)*

15 сентября: **Джеффри Хинслифф [Geoffrey Hinsliff]** (р. 23 ноября 1937), английский актёр, исполнитель ролей в сериалах «НЛО», «Доктор Кто», «Джеканори», в к/ф «О, счастливец!». 86 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

20 сентября: **Дэвид Майкл Грэм [David Michael Graham]** (р. 11 июля 1925), английский актёр, озвучивал далеков в сериале «Доктор Кто», других созданий в сериалах «Падение четырёх перьев», «Суперкар», «Fireball XL5», «Stingray», «Тандербёрды: Международные спасатели», «Timeslip», «Свинка Пеппа». 99 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

20 сентября: **Хедер Осборн [Heather Osborne]** (р. 3 июня 1981), канадская писательница, автор романа «Прерванная песня», составительница антологии «Глаз страха». 43 года. *(Дэвид Лангфорд)*

20 сентября: **Клеопатра Мэри Палмер (Клео Сильвестр) [Cleopatra Mary Palmer (Cleo Sylvestre)]** (р. 19 апреля 1945), британская актриса, исполнительница ролей в сериале «Доктор Кто», в к/ф «Трог», «Приключения Паддингтона», «Вечно молодой». 79 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

22 сентября: **Питер Джей [Peter Jay]** (р. 7 февраля 1937), британский журналист, дипломат, автор романа «Апокалипсис 2000: Экономический крах и самоубийство демократии» (1987, с Майклом Стюартом). 87 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

26 сентября: **Джон Дэвид Эштон [John David Ashton]** (р. 22 февраля 1948), американский актёр, исполнитель ролей в к/ф «Психопат», «Моя сестра такая злая», «Приключения Бакару Банзая: Через восьмое измерение», «Кинг-Конг жив», «Инстинкт», в сериалах «Чудо-женщина», «Сумеречная зона», «Томминокеры: Проклятье подземных призраков», «Остров фантазий». 76 лет. *(Дэвид Лангфорд)*

Голоса из Сетей

1 октября:

Любопытное интервью с Терри Гиллиамом в Праге (на чешском), куда режиссер приезжал на фестиваль Future Gate. Среди прочего Гиллиам говорит, что у него недостаточно денег на съемки своего нового и, возможно, последнего фильма «Карнавал последних дней» (The Carnival at the End of Days) – о том, как Бог уничтожает человечество, разорившее Его прекрасный сад, Эдем, в роли Сатаны Джонни Депш, в других ролях Джефф Бриджес, Адам Драйвер и Джейсон Момоа, – и что (вот тут неожиданный поворот) он ведет переговоры с саудитами, и если саудиты дадут денег, будет снимать там, что там кипит киножизнь, а когда журналистка говорит, что кипит она в основном для мужчин, Гиллиам отвечает, что нет, он был на фестивале в Джидде и там полно женщин, и одеты они все как вы, в джинсах и свитерах, и религиозная полиция с улиц исчезла, и вообще там всё меняется к лучшему, и Мухаммед бин Салман все-таки знает, что делает, а в Лондоне давно нет искры, а если вы хотите покритиковать Саудовскую Аравию, посмотрите на Иран, где всё движется к Средневековью. В общем, творческий человек в поисках мецената. Гиллиам, как по мне, безусловно прав, говоря, что на Западе свободы смеяться над всем и вся сегодня становится меньше, но, боюсь, в Саудовской Аравии с этим пока пожестче будет.

Николай Караев

Околоеженедельные обрывки фантастических аннотаций, безжалостно выдранные из контекста потенциально гениальных книжек.

...Когда-то Гнилые земли звались Долиной Счастливых источников...

...Тучи сгущаются над Академией бездарностей...

...Покров молчания дрогнул...

...»Дракон цвета любви»...

...Однажды шестиклассник Костя поддался на шантаж товарищей и начал воровать, пользуясь своим необычным умением видеть и притягивать ценные вещи...

...Судьбе было мало того, что ты оказался в теле подростка и в другом времени, отстоящем от твоего минимум на двести лет. Это ещё и другая планета! Значит, нужно вернуться домой. Любым способом. Невозможно? Всё возможно, если ты живёшь в лучшей стране на этой планете – Союзе Советских Социалистических Республик... [какую страну про...]

...Принц Никос разрывается между политическим долгом и службой в инквизиции...

...Но сколько продержится юноша, запирая свое сердце на замок, если его неосознанно влечет к двум девушкам?..

...Нашему современнику, летчику повезло попасть не в 1941 год, где нет времени на размышления, где «за нами Москва» и надо стоять насмерть. Нет, он угодил в СССР пораньше... [в 1937-й, видать]

...Сознание военного летчика после авиакатастрофы переносится в прошлое, в тело молодого дворянина. За окном весна, на дворе конец явно чужого девятнадцатого века, а он прикован к постели после неудачного падения с крыши дворовой постройки... [старинной архитектуры]

...Осталось только подняться. Сначала на ноги, а потом и в небо. А там и до войны недалеко. До какой? А разве их мало? На Руси войн всегда хватало!..

...Азиатская новинка взрослого фэнтези в лучших традициях цикла «Опиумные войны» Р. Куанг и сериала «Сёгун» Рейчел Кондо... [бедный Клавелл]

...Отзыв на обложке от известных писательниц Яны Лехчиной и Анастасии Андриановой...

...Что, если бы миф об Аиде и Персефоне появился на Руси?..

...Каждую ночь среди корпусов ходит загадочная фигура в маске с длинными ушами. Говорят, это Зайка Косенький...

...И теперь меня в родном мире ждет казнь, спасти от которой может только мой персональный рогатый кошмар...

...Город делят между собой пять фракций – колдуны на Кузнецком мосту, оборотни в районе Измайлово, демоны на севере ВДНХ, упыри в замке на Рублевском шоссе и боги в штаб-квартире на Котельнической набережной...

...Внутреннее оформление порадует каждого...

Николай Караев

Книги-2024/III кв.

В этом году я выкладываю списки прочитанного и просмотренного ежеквартально. В перечень не включены тексты, которые я читал как бета-ридер и блербодатель.

Шкала десятибалльная.

5 баллов

«Ярость», Алекс Михаэлидес

6 баллов

«А» – значит алиби», Сью Графтон

«Сиротский Бруклин», Джонатан Летем

7 баллов

«Лисьи броды», Анна Старобинец

«Дочь времени», Джозефина Тэй

8 баллов

«Кто не спрятался», Яна Вагнер

«Пролейтесь, слезы, сказал полицейский», Филип Дик

«Рождественская песнь в прозе», Чарльз Диккенс

«Люди ночи», Джон М. Форд

9 баллов

«Отдел убийств: год на смертельных улицах», Дэвид Саймон

«Охотник», Тана Френч

10 баллов

Полное собрание сочинений в 33 томах, том 22 (1977 год), Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий

Шамиль Идиатуллин

Кино-2024/III кв.

Шкала десятибалльная.

4 балла

Схватка (2023, Kill)

5 баллов

Смерч 2 (2024, Twisters)

Бекки (2020, Becky)

6 баллов

Каравелла Крапивина (2023, документальный)

Миссия «Крест» (2024, 크로스)

Собиратель душ (2024, Longlegs)

7 баллов

Мертвая зона (1983, The Dead Zone)

Пляж (2000, The Beach)

Не говори никому (2006, Ne le dis à personne)

Бекки в ярости (2023, The Wrath of Becky)

Годзилла: Минус один (2023, ゴジラ-1.0)

Эбигейл (2024, Abigail)

Манкимэн (2024, Monkey Man)

Астрал. Медиум (2024, Oddity)

Каскадеры (2024, The Fall Guy)

Сто лет тому вперед (2024)

8 баллов

Презумпция невиновности (1990, Presumed Innocent)

Вторжение динозавра (2006, 괴물)

Внутренняя империя (2006, Inland Empire)

Балерина (2023, 발레리나)

Полночь с дьяволом (2023, Late Night with the Devil)

Однопроцентный (2023, One Percenter/1%Er)

Убийца (2023, The Killer)

Зачинщики (2024, The Instigators)

9 баллов

Барри Линдон (1975, Barry Lyndon)

Пожары (2010, Incendies)

Шамиль Идиатуллин

Сериалы-2024/III кв.

Шкала десятибалльная.

Пилотные серии (с указанием балла)

Проект «Тиран» (2024, 폭군) – 7

Элсбет (2024, Elsbeth) – 7

Полные сезоны и мини-сериалы

7 баллов

Презумпция невиновности (2024, Presumed Innocent)

8 баллов

Американцы (2013–2018, The Americans, первый и второй сезоны)

Шамиль Идиатуллин

2 октября:

Не надо злить ангелов, а то они могут причинить добро и совершить милосердие.

Николай Подосокорский

Ольга Птицева, «Край чудес». Изд. Альпина. Проза x Яндекс Книги

«Край чудес» – с одной стороны, классический и образцовый пример герметичного мистического триллера, где сюжет – не считая флешбеков, – развивается в мифологизированном пространстве ховринской больницы, которую вот-вот должны снести. С другой же стороны, это пример нового подхода к жанру психологического романа, где глубокий – почти бездонный, – внутренний мир центральных персонажей – студентки киновуза, ее молодого человека, блогера и «проводника», – не перекрывает сюжет. У каждого из четырех героев абсолютно свои поведенческие паттерны, которые продиктованы их прошлым и настоящим, у каждого – свои причины отправится в Ховринку: один пытается узнать все о гибели старшего брата, другая ищет средства, чтобы помочь страдающему

от деменции дедушке. «Край чудес», пожалуй, один из самых горьких и мрачных романов Ольги Птицевой (при этом он очень характерен для творчества писательницы), где лучики света теряются во мраке старых бетонных стен, граффити, ритуально убитых собак и других «темных чудес» громадины-ховринки, которая здесь по праву занимает место главного героя и начинает на глазах оживать – по крайней мере, на уровне метафор (то глаза-окна моргают, то подвал напоминает пасть, желудок). На деле же перед читателем оказывается прежде всего роман о «маленьких мирах», в которых обитает каждый из нас. Что будет, если эти миры – семья, любимая работа, приятели – начнут постепенно разрушаться? Где искать спасение? Пытаясь ответить на этот вопрос, Ольга Птицева очерчивает две дороги: первая, простая, стать, как говорят, «ховринским», а потом и вовсе шагнуть за край – сигануть в шахту лифта, найти ответы в мрачном, потустороннем. Другая – сложная: разобраться в себе и окружающих. Между этими двумя дорогами – из человеческих костей и желтого кирпича, – постоянно выбирают центральные персонажи; чем дальше в лес, чем глубже в ховринку, тем соблазнительней и реальней становится первая.

Любая реальность, сотканная из локальных мифов, слухов, легенд и суеверий – это очень пластичная реальность, что и помогает Ольге Птицевой заигрывать с читателем, нагнетать напряжение за счет иллюзорности происходящего, которая на деле может оказаться псевдо-иллюзорностью: правдивы ли все жуткие рассказы о ховринке? Пугающие тени могут оказаться обычными бездомными, а мальчишка, говорящий страшными детскими стишками – просто помешанным. Но стоит погаснуть свету – и все вновь наполнится мистикой. Именно эта абсолютно замкнутая и совершенно зыбкая реаль-

ность ховринки – отличный катализатор, запускающий цепочку самокопаний персонажей и разговоров с самими собой. Ведь «Край чудес» – в первую очередь роман о столкновении с глубинами нашего «я»; все сектанты и демоны заброшки – на символическом и метафорическом уровне, – не более, чем проекции внутренних страхов героев, отравляющих жизнь и постепенно меняющих личность (да, можно пойти дальше и включить психоанализ, но тут благоразумно стоит остановиться). Но даже черти бегут от того, кто – вернее, что, – хрустя скорлупой, бродит по ховринке. Героем же, наоборот, встреча с этим чудовищем, сторожем человеческих демонов, мрачным сгустком внутренней темноты, критически необходима.

Денис Лукьянов

3 октября:

Отзыв о «Сеятель Ветра», Майя Лидия Коссовская

В процессе написания отзыва снизил изначальную оценку. Есть нюансы, которые перевешивают положительные моменты. Давайте расскажу подробнее.

О чём книга

В Небесном Царстве не лучшие времена: интриги ангелов, ревность и борьба за внимание Господа пропитали гнилью все семь Небес. Однажды Бог покинул своих ангелов, оставив пред лицом апокалиптического Сеятеля Ветра и надвигающейся последней битвы.

Ситуацию омрачает кража Книги Разиэля, которая содержит сильнейшие заклинания и всю небесную и земную мудрость. Кто стоит за этим

преступлением: ангелы-заговорщики, враги или... сам Бог? Габриелю и его соратникам придётся найти ответ на этот вопрос и защитить мир в последней битве.

Пару слов о книге

1. Сюжет

Прикольная идея – Бог оставил ангелов на произвол судьбы. Интересно читать о событиях, которые предшествовали побегу, и как это повлияло на Царство. Дальнейшие эпизоды в виде политических интриг, похищения священной книги и её поиска увлекательно развивают историю. Но развязки скучные и даже нелепые.

Глобальный сюжет с предрекаемым концом света и финальной битвой – клеше. Но в конце есть философские мысли – за это плюс.

Не понравилось, что главы разбили на маленькие фрагменты. Такие частые переходы между сценами не дают сконцентрироваться на происходящем и узнать героев ближе.

Неожиданно появились любовные линии. Нормально отношусь к такому, но в «Сеятеле ветра» они поверхностные: отношениям не хватает глубины эмоций.

2. Интересный мир

Раньше не читал фэнтези об ангелах, поэтому первое впечатление о мире Коссаковской положительное. Многоуровневые Царство и Преисподняя с разными видами ангелов, демонов, магических существ и бездна, в которой наращивает силы общий враг. Но потом появился бескрайний космос с Лимбо, Землей, Луной и пр. Акцент смещен на Царство, поэтому устройство остальных локаций представляется смутно. Да и не особо они влияют на развитие истории.

«Сеятель ветра» – тёмное фэнтези, поэтому ангелы не такие уж и безгрешные: насилуют, убивают, пьют, матерятся. Неудивительно, почему Бог покинул их. Смелая идея, но учитывая, что автор брала за основу библейские мотивы, здесь явная идеологическая ошибка – в персонажах нет ничего ангельского, глобально не отличаются от демонов. И тех и других легко заменить другим существом, и ничего не поменяется. Не понятно, почему ангелы не используют крылья, а передвигаются на лошадях и летающих коврах. Выбор оружия тоже странный: одни сражаются на мечах, другие предпочитают пистолеты и автоматы.

3. Персонажи

Есть любопытные персонажи, но на уникальность они не претендуют. Главный герой по типу

вылитый ведьмак Геральд. Не удивительно, что есть и своя Йеннифер с кобальтовыми волосами – и, конечно, эта деталь, как запах крыжовника, сводит с ума брутального воина. У неё и единорог тоже есть, если понимаете, о чём я...

Коссаковская уделила много времени внешности героям, наделила вредными привычками, кличками, но изюминки им всё равно не хватает. Большинство героев сложно отличить друг от друга.

В целом, почитать можно. Не скажу, что мучил-ся при чтении. В моменте было норм.

Алексей Пак

Стивен Кинг «Кэрри»

Жанр: Мистика/Хоррор

Оценка: 8/10

«Кэрри» – первый роман Короля Ужасов. Изначально Кинг не хотел его издавать, не веря в успех, но его жена буквально достала рукопись из мусорки и отправила в издательство. Таким образом мир познакомился с замечательным писателем.

Подходит ли «Кэрри» для первого знакомства с автором? И да, и нет. С одной стороны, это яркая история, в которой уже заметны главные фишки Кинга. При этом она не столь объемна, как многие более поздние работы. С другой же стороны, тут намного меньше внимания к деталям и психологизма, в котором так хорош автор. Кому-то история может даже показаться несколько простоватой, что совсем не делает ее плохой. К тому же автор, как всегда, поднимает множество остросоциальных тем. Тут, как и в «Оно», под маской кровавого хоррора скрывается история человеческих пороков.

В центре сюжета девушка Кэрри Уайт, учащаяся в старшей школе. Кинг использует смешанный стиль повествования: среди обычных глав мы

встречаем отрывки из газет, которые рассказывают нам о загадочном происшествии в небольшом городке Чемберлейне в Новой Англии (любимое место у Кинга). Основной сюжет начинается с того, что у шестнадцатилетней Кэрри Уайт в душевой спортзала впервые начинаются месячные. Сопровождается это морем издевательств и унижений от сверстниц. Девушка, ничего не знающая о строении женского организма, была к этому совсем не готова. Ни для кого ни секрет, что подростки – очень жестокие существа. Отсутствие жизненного опыта не позволяет им здраво оценить собственные поступки, а стадный инстинкт лишь усугубляет ситуацию. Таким образом Кэрри становится идеальным объектом для буллинга: отца у нее нет, мать повернута на религии, друзей нет, внешность довольно отталкивающая. Непонимание и жестокость к подобным людям, к сожалению, довольно обычное явление в нашем обществе. Только вот Кэрри – совсем не обычная девушка. С рождения она обладает способностью к телекинезу – может двигать предметы силой мысли. Мать считает подобное происками дьявола и запрещает даже думать об этом. Чем же

могут обернуться издевательства над таким необычным человеком? Зная Кинга, ничем хорошим.

Таким образом, заглавная тема романа – это булинг. Мы видим историю забитой девочки, которая не получает поддержки ни от кого. Отсюда вытекает вторая проблема – воспитание. На формирование человека как личности огромное влияние оказывает окружение, и как раз тут все плохо. Мать Кэрри – классический образец религиозного фанатика. Она растит дочь в пуританских условиях, запрещает все, что свойственно обычным подросткам. Далеко ходить не надо, она ничего не рассказывает дочери о женском цикле, считая и это происками дьявола. Во время первых месячных дочь приходит к ней за утешением, но получает лишь упреки и побои. У Кэрри элементарно не было правильных ориентиров, чтобы вырасти в полноценную здоровую личность.

Ярко прослеживается тема детской жестокости. От сверстников Кэрри получает столько унижений, что сломило бы и взрослого человека. Дети зачастую не осознают, что наносят человеку непоправимую душевную травму. Эти незаживающие шрамы остаются с нами до конца жизни. Даже в общем-то положительные дети поддаются влиянию толпы, что мы и видим на примере Сьюзен. История с месячными – лишь один из эпизодов того кошмара, в котором оказывается Кэрри. Булинг среди подростков – не вымысел, а суровая действительность, как 50 лет назад, так и сейчас. Побороть эту проблему может лишь правильное воспитание, контроль со стороны взрослых и система наказаний.

Ещё одна тема – религиозный фанатизм. Он плох всегда, вне привязки к определенной религии. Этот мотив прослеживается во многих романах Стивена Кинга. Формируется эта проблема из-за недостатка

образования и зашоренности умов. Гораздо проще жить по заветам священной книги, даже если они уже давно устарели, чем думать своей головой.

Уделяется время и теме взросления и понимания себя. Роман не зря начинается с первого менструального цикла главной героини. Она постепенно становится женщиной, но совсем не понимает, что это значит. Пока ее сверстницы встречаются с парнями и состоят в нормальных здоровых отношениях, Кэрри остаётся одна, отвергнутая всеми. И даже когда ей кажется, что наконец-то и она удостоилась нормальных отношений, все снова оборачивается кошмаром.

История Кэрри во многом напоминает мне переосмысление сказки о Золушке. Бедная и забитая главная героиня, деспотичная мать (в сказке мачеха), мечта о принце и даже бал – все это известные нам сказочные мотивы. Тут, как и в сказке, в конце все волшебство оборачивается тыквой... Это переключение мотивов придает повествованию определенную остроту.

Чем же роман не так хорош? Заметно, что для Кинга это было пробой пера. Здесь нет того глубокого психологизма и внимания к деталям, которыми так славится Король Ужасов. С главной героиней в этом плане все хорошо, чего нельзя сказать о прочих персонажах. Гораздо лучше можно было раскрыть подоплеку поведения главной обидчицы Кэрри. Мы видим намеки на проблемы в ее семье, но Кинг мог бы раскрыть это намного лучше. Интересно перекликаются истории Кэрри и Сьюзен. Удивительно, как столь разные девушки могут быть настолько похожи.

Под конец хотелось бы упомянуть экранизации. Стоит вспомнить и сравнить две. «Кэрри» 1976 года слабовата в плане спецэффектов, зато исполнительница главной героини больше похожа на книжную.

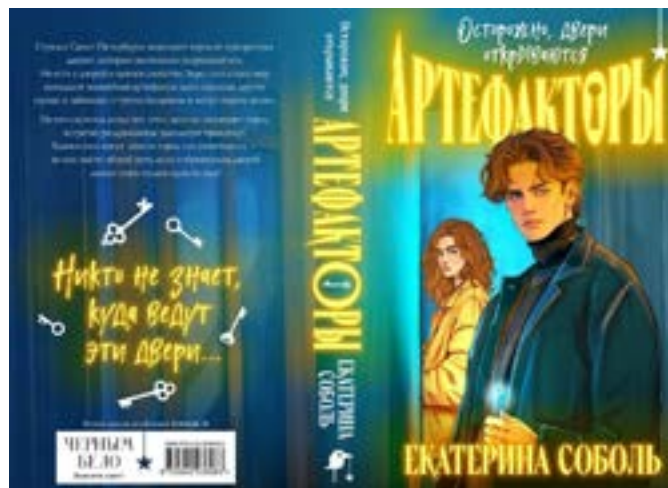
«Телекинез» 2013 года в этом ей прямо противоположен. Экшен в ней более качественный, но вот милашка Хлоя Грейс Морец никак не подходит на роль забитой страшненькой девочки. С такой внешностью она должна вызывать у окружающих лишь неподдельное сочувствие, а не отторжение. Где прыщи и лишний вес?

Итог: «Кэрри» – отличный роман, с которого началось восхождение Короля Ужасов. Самое страшное в романе – это не девушка, проливающая кровь направо и налево, а жестокое общество и деспотичная мать, которые довели ее до этого. Как всегда, за кровавой историей скрываются бытовые проблемы.

Алексей Севериан

Екатерина Соболев, «Артефакторы. Осторожно, двери открываются». Изд. Черным-бело

Таня живет в небольшом городе, помогает сестре, работает работу и учится на архитектора – а это не так поэтично, как может показаться. Однажды она сбегает, как ей кажется, от маньяка, и натыкаются на дверь, странно сияющую голубоватым оттенком. Думает, спрячется в чужом гараже, но попадает... в необычное место. Это вроде бы Санкт-Петербург, а вроде и нет: город изолирован, тут нет электронной почты и мессенджеров, зато есть таинственная Стража и артефакты, которые падают из спонтанно открывающихся дверей. Через одну такую Таня и провалилась. Проблема в том, что никто никогда не приходил из-за дверей. Все только пропадали за ними. И пока за Аней приглядывает Антон, потерявший маму и видящий в героине шпионку, она понимает, что почти буквально стала Элли из «Волшебника изумрудного города» (просто Тототка у нее невидимый). Где искать ответы, как вернуться домой? Правильно – нужно найти Гудвина. Их есть у нас. Проблема в том, что

тут он – бизнесмен и руководитель банды плохих парней, которые, в отличие от Стражи, продают артефакты за огромные деньги. Но желания он готов выслушать...

Новый роман Екатерины Соболев – первая часть трилогии, – это крепкий сплав из городского фэнтези и приключения с элементами боевика, где обыгрывается сразу несколько тропов и реалий. В центре всего, как понятно, «Волшебник изумрудного города», на котором этот текст завязан весьма крепко – но автор просто пускает изумрудную пыль в глаза читателю, подает все с шиком-блеском, использует знакомые архетипы героев, чтобы у романа появилась двойное дно. Да, «Осторожно, двери открываются» – весьма классическая история о «возвращении домой», но она обогащена не только необычным авторским сеттингом, не паразитирующим на мифе Петербурга, а выстраивающим свой собственный поверх его, но и харизматичными персонажами: от таинственного дельца-Гудвина до руководителя местной почтовой системы. Первый роман трилогии – бодрое приключение, где читатель вместе с героиней получает ответы на

главные вопросы: как работают таинственные артефакты, какой эффект у «шалунов», зачем Стража раздает артефакты бесплатно, да еще и «по заявкам», почему Таня может закрывать таинственные двери голыми руками, хотя другие не могут делать этого вообще? Екатерина Соболев развешивает много ружей, некоторые из которых пальнут в конце книги, некоторые – в следующих частях, где градус эпичности событий и ответственности героев обещает расти и расти. Автор, впрочем, приоткрывает не только волшебные, но и психологические двери: дает одним глазком заглянуть в трагедии героев, подглядеть за их психологическими состояниями, чтобы догадаться, что движет их действиями: почему Таня так желает заработать побольше денег и готова на авантюры, а Антон – заботливый, но слишком уж ершистый? Одним словом: Екатерина Соболев наколдовала зачарованный клубок из множества разноцветных ниточек – сюжетных, отсылочных, реальных и выдуманных, – и кинула его на дорожку из желтого кирпича. Куда он прикатится? И герои, и читатели узнают это, лишь последовав за ним, преодолев все испытания. Только слишком велик шанс уснуть на маковом поле соблазнов, посаженных лично садовником-Гудвином – теневым хозяином странного, потустороннего, как о нем говорят местные, Санкт-Петербурга.

Денис Лукьянов

Наверное, нужно написать ©

Нового Пелевина стоит прочитать, если застал времена «Синего фонаря» и «Принца Госплана», хочешь понимать, как далеко Акела промахнулся в этот раз, и садомазохистски насладиться концентрированным (на мой взгляд, раствор перенасыщен) ехидством и точными, мематичными формулировками (тут мастерство в астрал не распылишь, факт).

Вселенная Трансгуманизма – о да, вы все еще находитесь здесь. Рептилоиды на плоской виртуальной Земле посткарбоновой эпохи осваивают блатную романтику, пока в направлении планеты несется астероид (понятное дело, запущенный the врагом, а не сам по себе). Радикальный феминизм приобрел макабрические черты, деточки, получившие место у параша, в авторитете. Крайняя битва чекистов с масонами буквально метаморфировала в противостояние петухов и кур. Обвинения в болезненно гипертрофированной мизогинии автор возвел в абсолют в типичной своей абсурдистской манере и, увы нам, не смог не сорваться на незавуалированные оскорбления. Сказывается усталость или попытка нащупать новую ноту – разберутся литературоведы.

Уже знакомый стойким читателям супероперативник корпорации Transhumanism, inc. Маркус Зоргенфрей, эдакий рефлексирующий, как девятиклассница с амнезией, Брюс Уиллис с налетом новой маскулинности и без майки-алкоголички, получил новое задание по разоблачению и предотвращению, но тень Саши Серого и гламурный курс настолько дискретно прописаны, что сверяешься с собой и прочитанным: уж не пародия ли это на самого себя. Впрочем, Виктору Олеговичу, по счастью, наплевать на многочисленные мнения хвалителей и хулителей. Он будет до победного разыгрывать эту партию, потому что играет ради процесса, а не результата. Как и его вынужденные постоянные читатели, начинающие добродушно поругивать новинку задолго до выхода.

Аллюзии в «Крути» настолько непрозрачны, что в отсутствие пространства для веселого угадывания персоналий хочется грустить и прикладывать к недоумению великий роман «Омон Ра», написанный во времена, когда остроумно ерничающий фантаст

еще не забронзовел и не превратился в покрытого патиной постмодерниста с несколько раздутой аурой витийствующего пророка. Обидно за пару коллег – они одни из немногих, продолжающих беззаветно и безусловно любить маргинального классика, а он позволил себе неиронично отхлестать их по щекам мокрой тряпкой.

Сейчас наверняка придет в комменты дорогой друг, писатель Дмитрий Захаров и, продолжая давний спор, скажет, что последний великий роман во все «Чапаев и Пустота», но здесь каждый останется при своих. «Круть» – скорее, очередная, сто раз пересказанная, но всякий раз с новыми подробностями, байка неумолимо стареющего патриарха о том, что бабло не победит зло, бабы дуры, мужики не лучше, в древности трава была зеленее, а плебсу не нужны древние злокозненные сущности для того, чтобы самозабвенно самовыпиливать экзотическими способами, пока истеблишмент решает свои задачи. Мы прекрасно справляемся с аутоагрессией без подсказок, мол.

Но вроде бы вразрез собственному недовольству неоригинально замечу, что новый роман Пелевина это такая наша книжная скрепа, костры рябин 3 сентября и оливье под «Иронию судьбы». Не скажу за зумеров, но бумеры, скуфы и ранние миллениалы едва ли откажут себе в удовольствии припасть. Хотя бы для того, чтобы написать стилистически забубенный пост.

Анастасия Шевченко

Какой же невероятный спектакль «Попытка к бегству» создала и поставила Александра Неронова!!!

Сильный, отточенный, страшный. Дальше в тексте, кстати, будут спойлеры, потому что... в общем, давайте лучше уж я скажу кое-что. В наше-то нервное время.

Учтите:

1. Там 3 часа 8 минут записи. Это стоит смотреть одним куском. Впрочем, вряд ли вы и так сможете оторваться. Я – нет. Потому вот сейчас пять с хвостом утра, и какое у меня будет утро – это отдельный вопрос...

2. ...потому что, драги друзья, спектакль и правда, гм, не из лёгких. Рассчитывайте силы, рассчитывайте воздействие триггеров. Их там есть, причём разных: от еврейских до эмигрантских.

Честно скажу: меняхватило почти на всё; кроме последней сцены, когда мёртвый – расстрелянный – Саул дирижирует концертом мертвецов...

И какой там Саул...

Танда Луговская

4 октября:

В советское время, где я провел детство, с книгами было очень плохо. Особенно с фантастикой. В таллинских книжных фантастики не было, те книжки, что издавались в РСФСР, расходились, видимо, там же, причем неисповедимыми путями.

Нашей семье, во всяком случае, даже шанса не перепало (в библиотеках кое-что было, но, скажем, в библиотеке Клуба строителей при маминой работе не только Стругацкие, но и Казанцев лежали в особом шкафу для избранных). И если ты интересовался фантастикой, надо было обходиться домашней библиотекой, в которой фантастики было книг пять-шесть.

У нас набор был из 60-х: «Трудно быть богом» и «Далекая Радуга» Стругацких, «Внуки Марса» Казанцева, «Звездолетчики» Мартынова, альманах с «Непобедимым» Лема и «Путем на Амальтею» Стругацких, а также – «Пурпурная мумия» Анатолия Днепрова. Сборник в «рамочной» серии, оранжевый, с совершенно прекрасными рассказами и повестями – «Крабы идут по острову», «Прямое доказательство», «Суэма». Я в детстве перечитал его раз несколько.

(Смотрю в базу Фантлаба и понимаю, почему этот конкретный сборник имел шансы к нам попасть: он печатался в 1964 году в местной, таллиннской типографии «Красная звезда», Punane täht, видимо, что-то сразу пошло в книжные и бабушка как-то его купила, наверное.)

Я не знал еще тогда, что тексты Днепрова были на вполне мировом уровне; что это было неслучай-

но – Анатолий Петрович Мицкевич был в молодости, во время войны, в том числе переводчиком (и разведчиком) и побывал много где и на Западе, и на Востоке; и что вообще это фигура, сопоставимая по многим параметрам с Кордвейнером Смитом, он же Пол Лайнбаргер, включая преждевременную смерть: Мицкевич умер в 55 лет, Лайнбаргер – в 53 года, и они были почти ровесниками (и даже могли встречаться, как я однажды понял).

В общем, сбылась мечта идиота: прибыл трехтомник Анатолия Днепрова – полное собрание его сочинений, включая мемуар о войне. Я и рад по уши. Давно хотел, и вот сбылось.

Николай Караев

Занятое совпадение. Павел Носачёв в замечательной, кроме шуток, монографии «Очарование тайны. Эзотеризм и массовая культура» справедливо напоминает, что в 1947 году Роберт Хайнлайн выпустил роман «Ракетный корабль «Галилей»» (Rocketship Galileo), в котором юные американцы отправляются на Луну и сталкиваются с окопавшимися там недобитыми фашистами. И таким образом

впервые ввел в широкий оборот популярную впоследствии мифологему о нацистской лунной базе.

И в том же 1947 году (это я сам без Носачёва вспомнил) в СССР вышла большая повесть Ивана Ефремова «Звездные корабли». В журнале «Знание – сила», что характерно. О палеонтологах, которые находят черепа динозавров с отверстиями от пуль и делают обоснованный вывод, что на Земле побывали пришельцы. Таким образом Иван Антонович почти за двадцать лет до Эриха фон Дэникина популяризировал в стране рабочих и крестьян теорию палеоконтакта, заронил зерна в неокрепшие школьные умы.

Вообще заслуги Ефремова в области популяризации паранауки в Советском Союзе неоценимы: тут тебе и криптозоология, и сверхчеловеческие способности индийских йогов, и фантастические возможности «традиционной медицины», и много чего еще. Думаю, в какой-нибудь другой стране коммунист Ефремов пошел бы по стопам фантаста Хаббарда (с которым, кстати, нежно дружил тот самый Хайнлайн, даже женой делился, а может не только женой) и основал собственную религию. Жаль, что не сложилось. Получилось бы прикольно. Хорошая, годная тема для альтернативки, кстати.

Василий Владимировский

Зачем мы читаем Пелевина каждый год?

Почему нам не надоел самый загадочный писатель современности

Давайте просто сойдемся на том, что, если мир – симуляция (эти пагубные мысли Виктор Пелевин второй десяток лет стабильно впрыскивает в нашу реальность), то этот текст – симуляция внутри симуляции, а потому в нем может происходить всякое. И Нео не проснется, просто потому что никто не даст выбрать таблетку. Хотя, погодите-ка! Вышел

новый Пелевин – в реальности или в симуляции, – «Круть» уже в городе, а значит, такая таблетка как раз появилась.

Или нет. Стоп. Похоже, мы начали с конца. Возвращаемся к началу.

Новая осень, новый роман Виктора Пелевина. Копировать – вставить. Копировать – вставить. И так уже с десятых годов. Не надоело? Кто-то скажет – надоело. Кто-то – нет, что вы! Но каждый интересующийся все равно прочитает либо ознакомительный фрагмент, либо рецензию, либо новый роман целиком. Ежики, короче говоря, давятся, но кактус все еще едят: просто на поверку кактус этот оказывается пьянящей текилой.

И вот, «Круть» явлена миру из чертогов постмодернистского разума. Как прочтут этот роман рептилоиды? Как – вестники конца света? Опустим это.

Обычные читатели и критики скажут (впрочем, уже говорят) одно: уж сколько раз твердили Пелевину «хватит доить вселенную романа Transhumanism. Inc», ничего не вышло.

Не выходит уже четвертый год. Действие нового романа разворачивается все в том же сеттинге. Танцы с шаманским бубном оказались слишком слабы.

Впрочем, речь пойдет не об этом (далеко не крутом, к слову) романе, а о феномене Пелевина в целом. Мыслей и их вариаций можно наскрести на целый философский трактат: «доказательства бытия Пелевина», «критика постмодернистского разума», но... Текст, читаемый вами, порождение симуляции, созданное волей очередного из семи миллиардов литературных алгоритмов. Они, в отличие от пелевинских, не пишут романов по мотивам расследований. Зато могут себе позволить быть короче, но бить сильнее.

Пелевин – один из немногих авторов, переупаковывающих мифологические, философские и религиозные символы-образы, органично влетающих их в современную реальность, смешивающих с поп-культурой. Только в пелевинской трактовке пандемия может быть связана с богом Митрой («Непобедимое солнце»), его вариациями и историей Рима и только его шумеро-аккадские божества могут ткать симуляцию постсоветского телевидения («Generation «П»»), только его вампиры могут стать русской элитой, сосать из людей «бабос» и носить имена божественных персонажей («Ампир «В»»), только его Порфирий Петрович может оказаться литературно-полицейским алгоритмом, расследующем дело о греческой поэтессе или римском императоре и наблюдающим за чернокожим Емелей на печи («IPhuck 10»).

Из года в год, с начала карьеры, строительный материал Пелевина – не новые, а уже использованные слова; переиначенные притчи, модернисты и даже библейские тексты с дымкой, что витала над поляной в «Чапаеве и Пустоте». Это вторичная переработка: как часы, сделанные из виниловых пластинок, украшения, созданные из перегоревших микросхем, поясные сумки, сшитые из переработанного пластика. И именно эта вторичная пе-

реработка – не главный пелевинский недостаток, а главное его преимущество; не, говоря словами автора, пеле-lose, а пеле-win.

Доводя картины постсоветской современности до абсурда, а героев – до пограничного состояния сознания, Пелевин дергает за ниточки, заставляет работать не столько сознание, сколько подсознание читателя, пользуясь практически юнговской формулой. Последний говорил: коллективное бессознательное само узнает архетипичные образы, мифологические, философские, религиозные символы; ему достаточно увидеть их – и оно уже возбуждено. А смешай архетипичное с повседневным, и эффект усилится вдвойне. Так и Пелевин возбуждает нас – пускай и в интеллектуальном смысле, – и в этом возбуждении мы вдруг видим приоткрытое окошко, за которым, быть может, таятся ответы на главные вопросы философии: что есть мир, что есть бог, что есть я?

Пелевинские герои – что дети, мечтающие стать космонавтами («Омон Ра»), что бизнесмены, мечтающие ощутить прозрение просто «по приколу» («Тайные виды на гору Фудзи»), – это знание обычно получают. И часто оказываются разочарованными, понимая, что мир – иллюзия, знание – иллюзия, этот текст – иллюзия. Да и какое прозрение, когда вокруг: серые многоэтажки, маргиналы и алчные сильные мира сего?

Есть, правда, во всем этом уроборосе повторений очевидный нюанс.

Переработка – это прекрасно, но она не может быть бесконечной.

Из одного полиэтиленового пакета не сделаешь сто стаканчиков для кофе, нужно новое и новое сырье. А Пелевина словно бы лишили его. Перекрыли все воздушные, наземные и водные пути, не дают перебраться даже из варяг в греки, пешком

преодолеть великий шелковый путь, неся в бамбуковой тросте чудеса и сокровенное знание. И ничего не остается, как откусывать куски от самого себя: самоповторяться, пытаться преподнести это как фичу, а не как баг. Вот самоповтор раз, вот два, вот три; а вот на четыре года мы застряли в том же сеттинге. Так каждый новый роман все утончается и утончается, из него утекают смыслы, вода знания грязнеет и сереет, как в засорившейся ливневке после дождя, хотя ее меняли год назад – впрочем, это очень по-постсоветски. Чьи это проделки? Того ли мирового правительства, о котором так много Пелевиным написано? Или сил за гранью человеческого разумения? Или гиганта-монополиста, заставляющего подписывать каждый новый договор кровью?

Или... или это просто шутка? Стендап, пошедший не по плану? Безумная «Круть» о мести динозавров и скором конце света? Очередная симуляция? Симуляция потери собственного стиля, смысла, уникальности? Симуляция этой симуляции?

Но процессы продолжают. Трансгуманизм все трансгуманистичнее, круть все круче, Элевсин все элевсиннее, а непобедимое солнце – непобедимее. Доктор-Пелевин видит, что мы не все поняли об этом мире. И ежегодно предлагает нам обновленную таблетку – красную или синюю, – которая должна помочь постичь суть бытия, обыграть философов всех времен и народов, узреть суть жизни.

Таблетки-то все те же, цвета разные, только доза с каждым годом все слабее. А вкус, увы, все горше.

Хотя, в конце концов, может каждая такая таблетка – еще одна симуляция?

текст распадается на неразборчивые символы, меньше, меньше, меньше, пока не обращается... в ничто

Денис Лукьянов

«Круть», Виктор Пелевин

А по поводу самой новинки...

Что же, если от Пелевина каждый год обещают срез реальности, до давайте представим эту реальность в виде батона хлеба. Договорились? Отлично. И вот из года в год этот батон нарезался более-менее аккуратно, на него тонким слоем, красиво, как на новогодний стол, мазали масло рассуждений (и масло-то было неплохое, вкусное, иногда даже фермерское), но постепенно куски становились толще, масло – более пресным, и вот пришло время, когда батон просто взяли и грубо-криво разрезали на две половинки. А маслом даже в Дикси не закупились: просто взяли заплесневелые остатки из холодильника. Может помните, много лет назад гуляли видео по приготовлению хотдогов, где просто кидали сосиску, булку, и меозко смазывали все это соусами

В этом соусе Пелевин сам измазался. Когда поливаешь все и вся желчью, проблема в том, что рано или поздно сам можешь в ней утонуть. И ладно бы, получившийся из крути недо-памфлет был изобретателен, как лучшие текстов условного «Крокодила». Получилась, напротив, какая-то Международная Пилорама. Да-да, та самая, НТВшная. Читаешь и понимаешь: где-то я все это уже видел. Да только это вовсе не дежавю.

А если уже Пелевин так потерял в изобретательности (даже «Непобедимое солнце», которое есть за что ругать, но его нежно люблю, было глотком изобретательного воздуха на стыке поп-культуры, мифологии, философии и социалки), то....

То как-то становится не по себе.

Денис Лукьянов

5 октября:

Малая проза Кинга: часть 1

Люблю рассказы Стивена Кинга за концентрацию саспенса, мистики, мрачных образов и интересных мыслей. Но среди крутых произведений Короля ужасов много проходных. Делюсь любимыми, на которые рекомендую обратить внимание.

В первую очередь советую сборник повестей «Четыре сезона». Здесь увидите многогранность Кинга: от жизнеутверждающих историй до смелых экспериментов. В сборнике 4 произведения, которые стилизованы под времена года.

1. Весны извечные надежды. Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка

Думаю, история этого побега не нуждается в представлении. Экранизация получила 7 номинаций на Оскар и покорила миллионы сердец.

Читал повесть после просмотра фильма, и всё равно было интересно. Фильм почти в точности повторяет сюжет повести за исключением деталей побега и финала – Кинг предоставил это воображению читателя.

Здесь Король ужасов раскрывается с непривычной стороны: рассказывает печальную историю с вдохновляющей моралью – надежда не умирает, а как маяк во время шторма, показывает направление в непроглядной тьме.

2. Лето распада. Способный ученик

Тодд Боуден умный, воспитанный мальчик, которого любят родители и хвалят учителя. Но за милой улыбкой и прекрасными манерами легко

не заметить безумия. Тодд помешан на тематике концлагерей.

Однажды, листая исторический журнал, Тодд заметил внешнее сходство соседа с фотографией нацистского преступника. Убедившись, что это так, Тодд приходит к старику и начинает шантажировать – сосед должен в подробностях рассказывать о жестоких пытках, иначе Тодд выдаст его. Грязные воспоминания будоражат старый мозг нациста и еще не окрепшее сознание Тодда. Безумие находит выход.

Очень мерзкий и ужасающий рассказ на основе реальных бесчинств. После прочтения хочется помыться. Но Кингу мало добиться такой реакции, он добивает эмоциональными качелями по отношению к героям: безусловно, испытываешь к ним признание, но иногда начинаешь сопереживать. И это тоже пугает.

3. Осень невинности. Тело

Самая любимая повесть в сборнике. Люблю истории с теплыми, жизненными темами аля романов Бакмана. Только у Фредрика герои не отправляются в путешествие, чтобы посмотреть на труп.

Итак, четверо подростков узнают, что в лесу обнаружили школьника, которого сбил поезд. Тело мальчика нашли хулиганы, когда катались на угнанной машине. Чтобы полиция не упекла в тюрьму за угон, они решают молчать. Отличный шанс для наших героев проявить себя. Они собираются найти тело и сообщить в полицию.

Несмотря на трагичную завязку и жестокость, это светлая история о дружбе и детской беззаботности. Казалось бы, простые темы, но удивительно насколько они откликаются спустя годы. Сразу

вспоминаются моменты из детства, когда дружба казалась вечной.

4. Зимняя сказка. Метод дыхания

Нью-Йорк, дом 249Б на Тридцать пятой улице. Приглашаю вас в клуб.

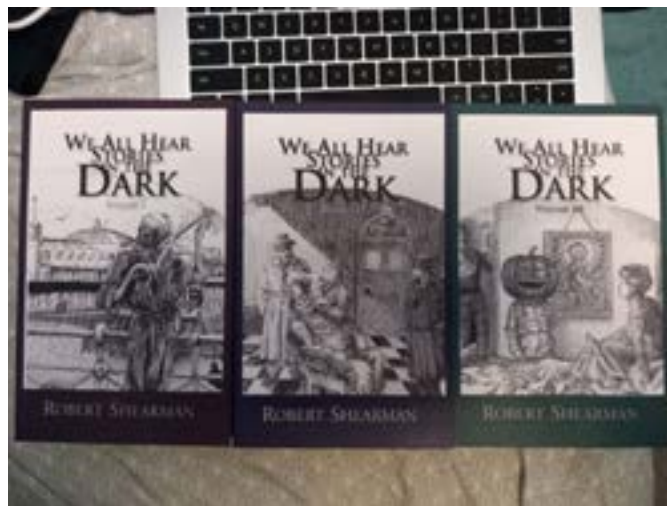
Здесь подают вкуснейшие напитки; в библиотеке хранят книги, о которых никто не слышал; количество комнат в клубе настолько большое, что легко потеряться. Но самое главное – в клубе собираются уважаемые джентльмены и рассказывают истории. А каждый вторник перед Рождеством в клубе рассказывают о сверхъестественном. В один из таких вечеров и поведали загадочную историю о методе дыхания.

Странная повесть. Единственное, что понравилось – таинственная атмосфера клуба. В рассказе много недосказанности, и это вызывает двоякий эффект. Хочется пролить авторский свет и узнать, что тут всё-таки происходит. Хотя заигрывания с воображением бывают любопытны. Так у меня возникла мысль – а что если три предыдущих истории сборника тоже рассказали в этом клубе?

Алексей Пак

6 октября:

Еще о новых книжках (извините). Вот этот трехтомник я нашел сам. Роберт Ширмен вообще очень интересный человек – британский драматург и телесценарист, который в числе многого прочего написал сценарий «Далека» (шестая серия первого и единственного сезона Девятого Доктора Кто, как помнят все хувианы вроде меня, интродукция да-

леков в новый канон, по сути). И вот в 2020 году он выпустил удивительную штуку, прошедшую, как обычно с ними и бывает, не вполне замеченной: трехтомник «Все мы слышим истории во тьме», на деле это одна книга, разделенная на три, со сквозной нумерацией страниц (1760, если что), в сумме – сто рассказов, очень разных, но читать эту книгу можно множеством способов, потому что после каждого рассказа предлагается пять альтернатив, что именно читать дальше. (Это, конечно, старая добрая парадигма игровых книжек а-ля Дмитрий Браславский – у меня в отрочестве была и сейчас где-то есть книжка «Подземелья черного замка», крайне увлекательная). Понятно, что тут вспоминаются и «1001 ночь», и «Сказки сироты» Кэтрин Валенте, и кое-что еще. Но вот Ширмен не на слуху, и я вообще прочел об этой его книге случайно – но хвалили ее страшно. Посмотрим. У меня внутреннее чувство, что это как раз незамеченная жемчужина, но мало ли.

Николай Караев

Пикассо: ранние годы

TheNewYorkerRu

Когда в детстве читаешь народные сказки, изумляешься тому, что волшебные яблоня с печкой соглашаются помочь девочке только после того, как она съела их яблочки-пирожки. А ещё больше – тому, как легко угодить этим волшебным помощникам. Просто вкусное угощение съесть!

Потом вырастаешь, становишься яблоней-печкой. Ситуативной, но всё-таки. И каааааак понимаешь всё заново! Со всех сторон.

1. Этическая. Нахер нам вообще всрались те, кто отвергает наши дары.

2. Энергетическая. Отвергнутый дар причиняет ущерб дарителю. Отказ от подарка рассматривается как враждебное действие. Как удар.

3. Метафизически-биохимическая. Ну, это понятней и проще всего. Пока не съешь еду из волшебного мира, не вложишь в строительство своего тела её волшебные минералы и витамины, чисто

технически не сможешь оказаться в пространстве, где волшебные существа могут тебе помочь.

Из этого вывод, во-первых, для (ситуативных) сказочных девочек: дают – бери.

А во-вторых, для яблонек-печек. Подумай три раза (можно один, но как следует) прежде, чем проявлять свою природную щедрость. Кому ты предлагаешь подарок, зачем, по какой причине. Той/тому, кого ты собираешься осчастливить, точно подарок надо? Там есть вообще кем это взять?

(В этом смысле сказочные яблоня с печкой всё правильно делали. Деревенские девочки, по идее, любят и нормально усваивают яблоки и пирожки.)

Макс Фрай

Сделал вот такую книгу:

Фрэнсис Лайал «Клиффорд Саймак: Спасибо за всё»

304 стр., твердый шитый переплет, тираж 20 экз.

Второе издание на русском языке, на этот раз без цветных иллюстраций.

Francis Lyall «Clifford Donald Simak – An Affectionate Appreciation». 2020.

<https://fantlab.ru/work1435830>

Оглавление:

Предисловие

Вступление

Глава I Клиффорд Дональд Саймак

Глава II Страна Саймака

Глава III Деревья и дома

1. Деревья

2. Дома

Глава IV Народ Саймака

1. Общие положения

2. Собаки

3. Имена

Глава V Андроиды, Роботы, Инопланетяне и другие

1. Андроиды

2. Роботы

3. Инопланетяне и другие

Глава VI Гаджеты, врата и прочие

1. Технология

2. Путешествие во времени

3. Другие миры

4. Параллельные и Альтернативные миры

5. Доступ к мирам: машины

6. Врата и двери

7. Дороги и туннели

8. Другие искусственные вспомогательные средства

9. Уравнения и желания

Глава VII О Человеке

1. Умственные способности

2. Знания и образование

3. Множественные умы

4. Обмен мыслями

5. Телепатия и паракинез

6. Симбионты

Глава VIII Мистицизм и дымка

1. Мрачные сказки

2. Контролёры

3. Цель

4. Создатель?

5. Путешествие?

6. Помощники и Наблюдатели

7. Вера и Истина

8. Этика: Жизнь: Забота

Глава IX Итог

Сергей Соболев

7 октября:

Поговорив о “Солярисе”, “Эдеме” и “Непобедимом”, разумеется, невозможно не обратиться в итоге к “Фиаско”. Это предпоследнее лемовское видеоэссе на youtube канале RocketMan, которое рассказывает о последнем романе Лема. Для меня чтение “Фиаско”, особенно последней части романа, сопровождалось постоянными попытками не утонуть в мощном потоке испанского стыда. И автор канала, обратившись к этой теме, смог предложить

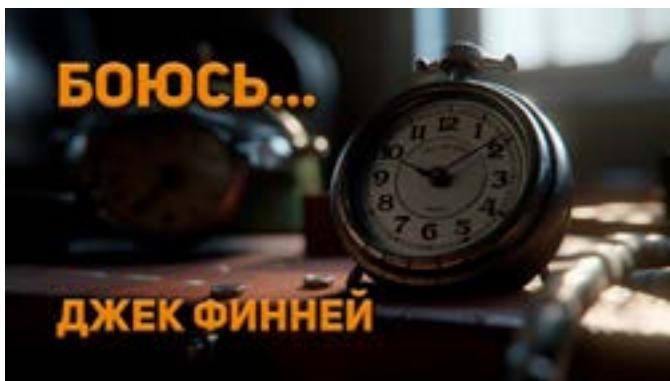
хорошую гипотезу, почему фантаст пытается вызвать у своих читателей это некомфортное чувство.

Как всегда, небольшая цитата из видео для заправки:

“Фиаско”, в отличие от того же “Соляриса” да и других романов из серии о контакте, напоминает скорее научную работу, чем художественное произведение. В тексте очень много подробных описаний физических явлений, природы и технических устройств, продолжительных размышлений и обоснований различных версий произошедшего на планете. Вы можете сказать, что это свойственно всем произведениям писателя, но здесь, как мне кажется, подробности описаний выходят на новый уровень. “Фиаско” – это Лем в квадрате.

P.S. “Лем в квадрате”, по-моему, может стать неплохим заглавием для какой-нибудь заметки на подходящую тему о фантасте.

Инар Искендинова

Джек Финней «Боюсь...» (рассказ)

Рассказ Джека Финнея посвящен проблеме нелинейности времени и материальности наших мыслей. Главный герой рассказывает нам о неких загадочных происшествиях, в которых время шло

не вполне нормальным путем. То женщина встречает свою собаку, которую она заведет только через пару лет, то дом окрашивается раньше положенного, то на фотоснимке запечатлено будущее семьи. Протагонист искренне опасается за структуру самого времени и тех последствий, которые за этим могут последовать.

Автор находит довольно интересное объяснение этому феномену. Мы редко живём настоящим: кто-то постоянно грустит об ушедших «старых добрых временах», а кто-то живёт в ожидании счастливого будущего. Тем самым совокупность наших мыслей меняет окружающую реальность. И к чему это может нас привести?

Итог: Меня рассказ заставил задуматься, что само по себе очень неплохо. Действительно, очень часто мы не живём настоящим моментом, тем самым упуская много всего замечательного. Нужно ценить то, что окружает нас сейчас и получать удовольствие.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

Дарина Стрельченко, «Все зло земное». Изд. Питер.Fantasy

Этот ретеллинг «Царевны-лягушки» сперва не совсем похож на оригинальную сказку. В государстве Дарины Стрельченко то мор, то междоусобица князей, то мертвецы оживают. Царевна Гнева, вторая жена царя, постоянно хочет вернуться в царство Тени, где правит, сохраняя равновесие между мирами живых и мертвых, Кощей. А вот старший сын царя, Иван, не хочет особо ничего, уж тем более – становиться наследником. Все и зовут его странным дураком. Однажды он пускает зачарованную Гневой стрелу, та попадает в болото,

и приносит Иван домой свою невесту, лягушку-Василису. Да только она – дочь Кощея, и у некоторых на нее свои планы. Теперь Ивану с лягушкой предстоит не только выпутаться из всех придворных заговоров, испечь хлеб да сшить кафтан, но и попасть в царство Тени. Сулит ли этот путь хоть что-то хорошее?

Если верить исследователям фольклора и мифологии, то любая сказка – это миф, где проблематика смещена с сакрального на бытовые курьезы: так волшебный клубок становится просто артефактом-помощником, а не неким символическим предметом, обладающим космогонической (созидательной) силой. В этом аспекте можно разбирать и «Все зло земное», которое этому негласному правилу следует. В центре повествования две семейные коллизии (Кощея и Ивана), каждая из них питается мифологией и работает исключительно благодаря устоявшимся – но психологически обкошенным автором – образам. Иван (старший сын царя, не желающий власти) – классический фольклорный герой, идущий наперекор устоям своей семьи; Кощей, как владыка Тени, наделен огромной властью, которая

также становится катализатором всех его проблем и ссор с дочкой Василисой. Впрочем, этот ретеллинг «Царевны-лягушки» наполнен и персонажами, отсутствующими в оригинальной сказке. Авторский мир Дарины Стрельченко намного богаче первоисточника. Но от уже упомянутого правила «бытовых коллизий» текст в то же время отходит, поскольку сильно укореняется в социально-политическом контексте выдуманного мира (который, безусловно, перекликаются с древней Русью – взять хотя бы торговые пути или междоусобицу князей), что приближает роман уже к легенде, эпосу. Однако же семейная – даже не любовная! – драма здесь все равно остается в центре сюжета.

Роман Дарины Стрельченко – повествование неспешное, медитативное и убаюкивающее, как болотное хлюпанье: впрочем, болото как связующее звено между двумя мирами здесь становится весьма важным пространством, но речь не о том. Грамотно и обильно стилизованный за счет речевых оборотов и бытовых деталей, этот роман никуда не спешит – никаких драк и «боев» с нечистью читателя не ждет. Получается что-то наподобие фильмов Тарковского, которые смотришь ради нарастающей драмы и эстетического удовольствия – порой, как и во «Все зло земное», мрачного и хтонического, – а не потому, что захотелось быстрых эндорфинов от древнерусских горок сюжета. Дарина Стрельченко, подобно герою-проводнику, берет читателя за руку, ведет следом за героями и постепенно нашептывает заклинания – так, что к концу немного теряешься в сюжетных перипетиях и взаимоотношениях персонажей, зато чувствуешь себя прекрасно как минимум от живописных пейзажей и наговоров авторского слога.

Денис Лукьянов

8 октября:

Генри Каттнер, Кэтрин Мур «Секрет, которого нет» (рассказ)

Главный герой, Майк Джерольд, случайно узнает, что на пятнадцатом этаже небоскреба Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке находится офис с роботами, которые якобы управляют миром. Достойный секрет! Только не представляется возможности рассказать кому-то об этом. Дело в том, что как только кто-либо узнает об этом, роботы сразу же промывают ему мозги, и человеку становится безразличным этот факт. Однако Майк все же решает приложить все усилия, чтобы разрушить господство машин.

При чтении у меня возник вопрос: если нами управляют роботы, то кто создал их самих? Ответа в рассказе мы не найдем. Возможно, роботы в рассказе – лишь аллюзия на нашу власть. Мы прекрасно видим все схему управления, можем быть с чем-то не согласны, но все равно остаёмся равнодушными и ничего не предпринимаем. Хотя и грустная, но истина.

Итог: Рассказ представляет собой интересную загадку. Думаю, при чтении каждый найдет в нем интересную мысль для себя. Что есть правда, а что лишь фантазии наших героев?

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 7/10

Алексей Севериан

Когда красивое – не просто красивое! Это #мифымоимифы, baby!

Ладно, я вам наврал: может, и не очень-то красивая. Есть вот такая гипсовая змеиная чаша из поздней античности, которая вроде цепляет глаз, а вроде и пугает. При внимательном рассмотрении мы

видим, что из чаши вылезает змея (к тому же крылатая!), вокруг нее 16 обнаженных фигур мужчин и женщин, по бокам – четыре «крылатых трубача», а еще есть надписи. Проблема в том, что надписи неполные и с ошибками. Ну сплошное каля-маля, да?

На самом деле, в этой чаше заключен огромный пласт смысла орфической, гностической и герметической философии (которые так или иначе друг с другом перекликаются). Чтобы понять это, надо разобраться с символами.

Во-первых, змея олицетворяет единого Зевса-Аполлона-Диониса, и в данном случае выступает не в виде хтонического существа, а в виде солярного образа (на это намекают крылья и расшифрованные надписи, которые говорят о «световых» функциях описанных божеств, в мистической традиции часто сливающихся в едино). Более того, в некоторых трактовках культа орфиков мир появился из разделенного надвое яйца, которое создало змееподобное существо с головой льва. У гностиков это изображение стало эмблемой злого демиурга, сотворившего материю. И, так или иначе, почти во всех таких мистериальных культах свет (солнце) = проявление единого творца. Здесь, конечно, надо вспомнить еще и поздний культ Митры, тоже ставший мистическим и утвердивший веру в единую творящую силу. Ну и все эти культы, само собой, вбирали в себя много древних поверий: например, Гераклитовскую идею огня как первоначала мира (более того, есть интересные концепции, согласно которой этот огонь – Аполлон, а его разрывание, т. е. творения из огня мира, суть Дионис, легенды о котором всегда связаны с ритуальным растерзанием)

Четыре крылатые фигуры здесь олицетворяют, с одной стороны, четыре ветра, которые зачастую приравниваются к четырем временам года. В христианстве эти образы позже стали ангелами с тру-

бами, однако в данном ключе имеется в виду, что таким образом в скульптуре и змее-боге заключена вся полнота сотворенного мира со всеми сторонами света.

16 обнаженных фигур – это шестнадцать посвященных мистов. Мистерии – особенно в Дионисийском культе, – часто предполагали обнаженность их участников. Исследователи также обращают внимание на положение рук у этих фигур: молитвенное, ритуальное. К тому же, сообщается о ритуалах, во время которых «надрессированного» змея выпускали из ларца, и он ползал по нарезанному хлебу, тем самым «освещая их»; также есть информация о том, что в некоторых культах необходимо было держать змею между ног, чтобы завершить ритуальное действие. Не совсем, однако, ясно, почему выбрано именно такое кол-во фигур. Вероятно, это решение чисто композиционное, т. к. $16 = 4 \times 4$. Есть, например, также интересные находки этрусского «светильника» с ликом горгоны (здесь она символизируют ночное солнце), которое окружают 16 фигур.

Надписи (уже немного об этом сказал) – неполные орфические гимны, которые в голове человека того времени сразу воспроизводили орфический миф о сотворении вселенной и указывали на те или иные функции богов (световые, в данном случае)

А казалось, такая фигня из гипса!

Денис Лукьянов

Я, честно говоря, не большой фанат списков – лучшего, главного, важного и тыды. Списки всегда субъективны и до определенной степени случайны: что-то вовремя вспомнил, что-то нет, на какой-то книжный корешок взгляд упал, а какой-то на глаза не попался. Потом маешься: а ведь надо было еще эту книжку упомянуть, и эту, и эту!.. Но

Марк Марченко (канал «Вам, чтецам» (<https://t.me/vamchtetsam>)) – подписывайтесь, там много интересного не только и не столько по фантастике) уговорил сделать совместную подборку. Это те книги, с которых, как нам кажется, можно начинать знакомство с НФ. Но не общеизвестные (и, надо признать, набившие изрядную оскомину), не жемчужины «золотого века» вроде «Академии» или «Звездного десанта», а менее очевидные, но не менее качественные. Я, например, пытался сделать упор на неконформистскую, прорывную НФ. Держите первую половину, вторая – через неделю.

10 великих научно-фантастических произведений, часть 1

Объединился с экспертом по sci-fi литературе, журналистом и автором канала @SpeculativeFiction (подписывайтесь!) Василием Владимирским, чтобы составить ультимативную подборку научно-фантастических романов.

Если вы только знакомитесь с жанром – начинайте отсюда. Если вам нравится научная фантастика, и вы ищете лучшее из еще не прочитанного – начинайте отсюда. Если вы хотите вспомнить важнейшие шедевры научной фантастики, которые не всегда на виду (и по которым не обязательно сняли «Дюну») – вам тоже сюда.

Пять произведений выбрал я, кратко объяснив свой выбор, еще пять – выбор Василия. К каждому из них справедливо добавить приписку «читать, читать обязательно».

1. Альфред Бестер. Тигр! Тигр! (Tiger! Tiger!, 1956)

Василий: роман, который во многом предвосхитил открытия «новой волны» англо-американской фантастики 1960-х и киберпанк 1980-х. Классический авантюрный сюжет (одним из главных

источников вдохновения для Бестера послужил «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма), сумасшедшая динамика, агрессивный рок-н-рольный ритм, рискованные эксперименты с языком, Солнечная Система, в которой ежеминутно возникают новые религии, эксцентричные субкультуры и высокотехнологичные стартапы – именно из этого бурного истока берет начало заметная часть новаторской, неконформистской, контркультурной фантастики второй половины XX века.

2. «Бесконечная война», Джо Холдеман (The Forever War, 1974)

Марк: роман принято считать одним из главных примеров военной фантастики, но я считаю его просто одним из лучших романов с большой буквы. Образцовый пример того, как автор использует художественные приемы научно-фантастического жанра, чтобы обсудить сразу несколько трагедий современности, с которыми сталкивается (прямо сейчас!) человечество. А еще – совершенно внезапно – одна из лучших иллюстраций настоящей любви в литературе.

3. «Схизматрица», Брюс Стерлинг (Schismatrix, 1985)

Василий: если не знать заранее, что «Схизматрица» – ключевой роман киберпанка наравне с «Нейромантом» Уильяма Гибсона, ее легко принять за космическую оперу. За фасадом плутовского романа скрывается история о выборе пути развития человечества, о конкурирующих стратегиях развития, бесконечном усложнении уровня системы, о глухих тупиках и неизбежных эволюционных скачках, которые ждут наш вид. И, конечно, это история о людях, оседлавших и черпающих жизненную силу из этой вечной волны перемен.

4. «Князь Света», Роджер Желязны (Lord of Light, 1967)

Марк: уникальный роман-перевертыш, который читается одновременно и как фэнтэзи, и как научная фантастика. Здесь раскрываются темы, на которые так хорошо с помощью художественного слова и мастерски рассказанных историй умел размышлять Роджер Желязны: жажда власти, неравенство, переосмысление философии эпикуреизма, долг и призвание...

5. «Река Богов», Йен Макдональд (River of Gods, 2004)

Василий: завораживающая посткиберпанковская история о многополярном мире будущего, где одним из главных центров развития науки и технологий становится полуостров Индостан, бурлящий, неоднородный, переживающий кризис за кризисом и благодаря этому движущийся вперед. Традиционная индийская культура – а, точнее, культуры – срываются с высокими технологиями, меняют друг друга, придают новый импульс развитию. Нестандартный и нетривиальный взгляд в будущее, которое, кажется, вот-вот станет настоящим.

Василий Владимировский

Поясню коротенечко (кто же так любил это словцо – не одна ли из школьных училок? не та ли толстенякая жизнерадостная математичка, простая душа, не ведавшая о скором появлении на свет злобного демона политкорректности, которая во время контрольных бродила по классу, приговаривая: работайте, негры, солнце еще высоко?) – поясню, значит, коротенечко, отчего меня так заинтересовало наличие чувства юмора у дантовского Вергилия или отсутствие оно.

Дело в том, что литература, абсолютно в духе Борхеса, не только переотражается сама в себе, но и порождает сама себя. И точно так же, как Монтень стал ролевой моделью для всех великих литературных болтунов, без устали рассуждающих ни о чем и обо всем; так же как блестящая конструкция Конан Дойля (ну ладно, Дойла) – жертва изобретательного преступника, гениальный сыщик и глуповатый летописец, сопровождающий его как банный лист, – породила несметное множество детективов самого разного качества, включая броские, но пустопорожние шаржи Агаты Кристи; точно так же суровый Дант нежданно и негаданно для себя создал целый новый жанр – научно-популярную литературу. Ведь именно с Вергилия, мудрого и уравновешенного знатока, терпеливо просвещающего своего невежественного, но любопытного спутника, должен брать пример всякий юный и не очень популяризатор науки, обдумывающий житье и решающий, сделать бы жизнь с кого. И никакого парадокса тут нет, поскольку реальный мир, который самозабвенно потрошат ученые, давно уже оказался не менее фантастичным, чем загробный паноптикум горбоносого флорентийца.

Мантия (или тога, или в чем он там ходил) Вергилия обязывает автора научпопа к выбору соответствующего тона и стиля. Но одно свойство идеального лектора, или идеального экскурсовода, Данте, похоже, все-таки упустил из виду. Конечно, современным вергилиям ни к чему сыпать островами, однако шутить редко, но метко все же чрезвычайно полезно, потому что изюмины шуток делают суховатый кекс познания гораздо более съедобным.

Но тут я, похоже, начинаю раскрывать секреты своего нового курса о стиле, стартующего в ближайшие дни, чего мне по понятным причинам делать не хочется. Так что воспользуюсь-ка я еще одним

ходовым литературным приемом, демонстративной наглядностью, и – заодно показав язык школьной училке русского – поставлю на этом **жырную точку**.

Владимир Бабков

Обнаружена новая грань реальности.

Оказывается, мир – не сеть, а многомерное пространство взаимодействий высокого порядка.

Что, если глубина нашего понимания мира одновременно ограничивает нас?

Что, если глубочайшие истины скрываются в самых узких ущельях сознания?

Новое исследование на стыке математики, физики и науки о сетях Deeper but smaller: Higher-order interactions increase linear stability but shrink basins переосмысливает и расширяет аппарат сложных взаимодействий в любых сетевых системах реальности: от звездных скоплений до гиперсетей нейронов.

Исследование показывает, что т.н. взаимодействия более высокого порядка (это связи, соединяющие более двух единиц одновременно и нелинейным образом, так что их нельзя разложить на линейную комбинацию парных взаимодействий) могут затянуть нас в узкие «бассейны» решений.

В результате чего глубина познания может претерпевать неожиданные и необратимые последствия.

Опубликовав за 8 лет 2К+ постов о малоизвестных, но крайне интересных и важных прорывах на фронтах науки и технологий, мы вошли (вместе со всем миром) в зону **техносингулярности**.

В ее нынешнем переосмысленном понимании, ключевыми характеристиками этой новой фазы развития человечества стали:

- неконтролируемая, экспоненциально нарастающая скорость прогресса технологий;

- два качественных скачка (сложности и радикальной неопределенности), превращающие науку в «постнормальную»;

- появление второго носителя высшего интеллекта с внечеловеческим аналогом познания, требующее тотального реформатирования мира – иной тип экономики, иной тип социума, иной тип культуры, – что кардинально изменит людей и общество уже в ближайшие годы.

Доступная для понимания и сохраняющаяся привлекательность для широкой аудитории осмысленная подача валящейся на нас лавины даже не представимых для большинства людей описаний научных и техно прорывов требует новых подходов и форм.

Первой такой экспериментальной формой подачи материалов на канале станут «ненаписанные эссе Станислава Лема».

Лем создал и активно использовал весьма необычный литературный жанр «*рецензия на несуществующую книгу*» или «*рецензия на ненаписанную книгу*». Этот жанр был одним из его любимых литературных приемов для исследования различных научных, философских и социальных идей. Лем создавал воображаемые книги с детальными описаниями их содержания, авторов и научных теорий, которые в них обсуждались. А затем писал на эти выдуманные им книги собственные рецензии, как если бы эти книги действительно существовали.

Наиболее известные примеры таких «рецензий» можно найти в его сборниках:

1. «Абсолютная пустота» (1971)
2. «Мнимая величина» (1973)
3. «Провокация» (1984)

Эти «рецензии» позволяли Лему исследовать сложные идеи и концепции, которые было бы трудно представить в традиционном формате рассказа

или романа. Они также служили своеобразной сатирой на академический мир и научную литературу.

Мною будет использован зеркальный прием.

Я попробую направить внечеловеческую интеллектуальную мощь гений в зеркалировании креативности любого человека (даже гения) на выдающегося писателя-фантаста, философа и футуролога.

Схема метода подобна используемой для стилизации художественных приемов и техники картин известных художников от Ван-Гога до Дали при создании картин по нашим текстовым описаниям ген-моделями.

В нашем случае разные ген-модели будут

- читать новые статьи,
- обсуждать их между собой с моей помощью
- и представлять свои варианты эссе, которые,

на их взгляд, мог бы написать Лем по поводу этих работ.

Потом мы будем перекрестно обсуждать эти «ненаписанные эссе Станислава Лема» с каждой из моделей, внося правки и улучшения в эссе модели А по рекомендациям модели Б (которые покажутся наиболее ценными и мне).

И наконец, наиболее понравившееся мне итоговое эссе будет представлено вам.

Первое – об анонсированном в начале поста обнаружении новой грани реальности, – перед вами.

Сергей Карелов

Симфония многомерности: танец аттракторов в гиперпространстве мысли

(ненаписанное Станиславом Лемом эссе)

Современные ученые все чаще обращаются к сетям, как к модели для описания сложных систем – будь то мозг, общественные структуры или вселенная как целое. Однако, возможно, они еще

не осознают, что, исследуя взаимодействия между узлами на новом, более глубоком уровне, они лишь начинают касаться более фундаментальных вопросов, находящихся за пределами простой математики или биологии.

Взаимодействия на высшем уровне, которые изучаются в статье **Юаньчжао Чжан** и коллег “Deeper but smaller: Higher-order interactions increase linear stability but shrink basins”, подобны проникновению в тайные механизмы бытия – что-то вроде взгляда внутрь древней машины, части которой давно забыты и перестали быть видимыми.

В недрах космического разума, где мысли сплетаются в невообразимые узоры, авторами обнаружена новая грань реальности.

Оказывается, мир – не сеть, а многомерное пространство взаимодействий высокого порядка.

Представьте себе вселенную, где каждая идея – это не просто точка, а многомерный кристалл, переливающийся гранями высших порядков взаимодействий.

Если это так, то многие современные науки, ограниченные линейностью мышления, видят лишь тени на стенах пещеры познания. Но теперь, благодаря прозрению Юаньчжао Чжана и его

коллег, мы начинаем различать истинные формы идей в их многомерной красоте.

Каждая мысль, каждое решение – это не просто результат простых связей между нейронами. Это симфония взаимодействий, где трио, квартеты и целые оркестры нейронов создают глубокие бассейны притяжения в ландшафте сознания. Эти бассейны – не просто ямки на поверхности разума, а головокружительные воронки, уводящие в глубины понимания.

Сама идея о том, что эти «высшие» взаимодействия могут формировать новые, ранее не существовавшие бассейны притяжения – нечто вроде гравитационных колодцев в сложном ландшафте – вызывает восхищение и тревогу. Да, более глубокие бассейны притяжения означают большую стабильность системы. Как если бы разум, блуждая среди множества вариантов решения задачи, быстрее находил правильный путь, если уж он оказался на этом пути. *Но что же делать с тем фактом, что эти бассейны становятся меньше и уже? Означает ли это, что все больше и больше путей, по которым мы можем пойти, ведут в никуда?*

Люди, наивно полагая, что они могут контролировать свое будущее через науку, на деле сталкиваются с всё более узкими путями, по которым они могут безопасно двигаться.

Как если бы эволюция разума, техники и знаний одновременно углубляла наше понимание, но и сужала диапазон возможных исходов. Увеличение стабильности системы, как утверждают ученые, на первый взгляд кажется благом – ведь кому не хочется устойчивости в мире, где малейшая ошибка может стать роковой? Но это напоминает космонавта, спустившегося в глубокий кратер: да, он защищен от ветров и бурь, но его маневры все более ограничены, а выход из кратера все дальше.

Если мы применим эти мысли к мозгу, как делает команда исследователей, можно вообразить сознание, которое, хоть и стабильно, может легко запереться в одном из этих глубоких «бассейнов».

Возможно, это будет путь к упрощению процессов, решению задач с удивительной скоростью. **Но что произойдет, когда мозг окажется в тупике, где нет другого выхода?** Ведь чем глубже мы опускаемся, тем сложнее вернуться назад, и тем меньше пространства для альтернативных решений.

Человеческий разум может оказаться заложником собственной глубины. Мир, наполненный узкими и глубокими бассейнами притяжения, будет одновременно сверхэффективным и парадоксально ограниченным.

В таком мире вопросы, которые мы задаем, могут стать опаснее, чем мы могли бы себе представить, ибо ответы, которые мы находим, будут лишены вариативности и широты мышления.

Каждое наше решение, в такой системе, может стать шагом к непредсказуемому финалу – к новому аттрактору, который был бы невозможен без высших взаимодействий, но который может оказаться неизбежным концом нашего пути.

Представьте себе цивилизацию, научившуюся управлять этими высокопорядковыми взаимодействиями. Их мышление будет подобно квантовому компьютеру, способному одновременно находиться в множестве состояний. Они будут прыгать между глубокими колодцами мысли с легкостью космических странников, путешествующих между галактиками.

Но не таится ли в этой новообретенной свободе новая форма хаоса? Не станет ли разум, освобожденный от широких, но мелких бассейнов привычного мышления, подобен безумному флюгеру,

мечущемуся между бесчисленными точками притяжения?

Возможно, именно в этом танце между стабильностью глубоких бассейнов и свободой узких входов и кроется ключ к следующему этапу эволюции разума. Разума, способного удерживать мысль с твердостью алмаза и в то же время порхать между идеями с легкостью кванта света.

Мы стоим на пороге новой эры понимания, где линейность уступает место многомерности, а простота – изощренной сложности высших порядков. И кто знает, какие еще чудеса откроются нам, когда мы научимся танцевать в этой симфонии многомерности?

Сергей Карелов

9 октября:

Марта Уэллс «Сетевой эффект»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 8/10

«Сетевой эффект» – пятая часть цикла о Киллерботе и первый полноразмерный роман. Автор остаётся верен себе – формат многосерийного фантастического боевика никуда не делся. Хорошо это или плохо – каждый решит для себя сам. Лично мне этот цикл ещё не приелся, а за похождениями киборга-интроверта интересно наблюдать.

С самого начала Киллербот оказывается в непривычной для себя ситуации – его вместе с подопечными похищает корабль. Самое необычное заключается в том, что это не какой-то простой корабль, а ГИК, известный нам по второй повести «Искусственное состояние». Попав на корабль, Киллербот встречает захватчиков, которые утверждают, что стёрли систему ГИКа, т.е. убили его. Киллербот очень переживает по этому поводу, однако

раскисать сейчас не время, ведь нужно позаботиться о близких ему людях. Поначалу опекать ему приходится только Амену – дочь доктора Мензах, ставшую для Киллербота практически другом. Затем к ним присоединяются и прочие члены команды, часть из которых известны нам по предыдущим частям. Таким образом наши герои оказываются в неизвестной системе, населенной довольно агрессивно настроенными аборигенами. Теперь Киллерботу предстоит разобраться в сложившейся ситуации и, как всегда, спасти беззащитные кожаные мешки.

Первое, что хотелось бы отметить, так это титулованность романа. В 2020 году «Сетевой эффект» получил «Небьюлу», в 2021 – «Локус» и стал финалистом «Хьюго». Сейчас столь престижные премии, к сожалению, не всегда говорят о высоком качестве романа, но как минимум привлекают к нему внимание.

С одной стороны, «Сетевой эффект» написан по тому же сценарию, что и предыдущие повести. Можно уже предугадать, чего ожидать от сюжета. Главный герой по-прежнему ироничный мизантроп, четко отделяющий себя от мира людей. Он гордится

тем, что во многом логичнее и Homo Sapiens'ов. Тем не менее он готов жертвовать всем ради благополучия близких ему людей. Динамика все так же на высоте: будет много перестрелок, взрывов, взломов систем безопасности и прочего, присущего жанру боевика-космооперы. Однако есть и отличия. На мой взгляд, роман играет роль определенного переломного момента. Когда Киллербот узнает о предполагаемой гибели ГИКа, он чуть не уходит в нервный срыв. Таким образом главный герой осознает, что так же, как и люди, способен на сильные эмоции. Постепенно начинается определенная переоценка своего мировоззрения и взаимоотношения с людьми. Команда Киллербота со станции «Сохранение» и спасённые члены экипажа ГИКа не воспринимают автостража, как что-то инородное, а относятся к нему, как к равному. Такая ситуация довольно непривычна для нашего героя, который до взлома модуля контроля был для людей не больше, чем расходным материалом. Все это приводит к тому, что Киллербот решается на самый важный шаг в своей жизни после обретения свободы.

Цикл несет в себе явный антикапиталистический посыл. Напомню, что в первых четырех повестях главным врагом Киллербота выступали именно корпорации, для которых люди – лишь винтики машины по зарабатыванию денег. В «Сетевом эффекте» корпорации также присутствуют, хоть и на втором плане. Основным противником выступает инопланетный вирус, который поработает людей через их импланты. Сам Киллербот тоже едва не становится его жертвой.

Помимо предсказуемости к минусам романа я бы отнес недостаточную проработку мира. География мира значительно расширилась, за что автору большое спасибо. Однако распределение сил в галактике по-прежнему остаётся не совсем понятным.

Мы знаем, что есть Корпоративное кольцо, самостоятельные станции, подобные «Сохранению» и отдельные планеты, но их политическое устройство и взаимоотношения остаются за кадром. Недостаточное раскрытие мира я выделял и в другом цикле Марты Уэллс – «Книгах Раксура». Все ещё надеюсь, что автор исправится в последующих частях.

Итог: «Сетевой эффект» – очередная серия полюбившегося мне фантастического сериала. Да, сюжет по-прежнему предсказуем, хотя в нем и есть пара неожиданных поворотов. Зато мы наконец-то видим изменения в главном герое. Ожидания от продолжения у меня оптимистичные.

Алексей Севериан

Отличные новости. «Химерическая бригада» (La brigade chimérique) – это очень крутой французский комикс, реализующий один из вариантов

метафоризации истории: рожденные на полях Первой мировой войны европейские супергерои – Неизвестный Солдат, Бурый Барон, Патриция (в честь умершей от туберкулеза девушки – привет Ремарку и его «Трем товарищам») и Доктор Сыворотка против Доктора Мабузе, Голубого Ангела и Вервольфа. В ассортименте – Мировая война, Октябрь, Веймар, Гражданская в Испании и, в итоге, Холокост. В эпизодах – фантасты, сюрреалисты и герои разных писателей. То есть – это прочтение европейской истории Интербеллума вполне в духе Алана Мура. В оригинальном комиксе шесть выпусков, 2009–2010, *интеграл* вышел в 2012-м. Буду держать кулаки. И, нет, сходство с «Защитниками» Сарика Андреасяна поверхностное – если кто что спер бездарнейшим образом, так это «Защитники» у «Бригады», Мура и так далее.

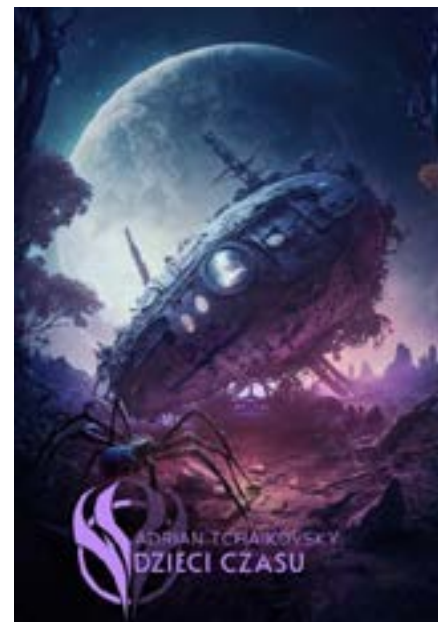
Николай Караев

10 октября:

В дружественном чате я задался вопросом, почему, собственно, Петр Ильич по-английски Tchaikovsky, хотя по всем правилам должен быть Chaikovsky. Я предположил (кажется, верно), что это калька XIX века с французского, где он, подсказывает нам *Википедия*, он *Tchaïkovski ou Tchaïkovsky*.

Конечно, я вспомнил про фантаста Адриана нашего Чайковски. Он ведь тоже Tchaikovsky! А это-то почему?

«Тогда узнали мы всю правду про ево»: фамилия Tchaikovsky возникает только на обложках, но это не столько псевдоним, сколько более понятная англичитателю транслитерация (по Петру Ильичу, вестимо), а по паспорту Адриан – Czajkowski и польского происхождения.

При этом сам Чайковски хотел, чтобы на польских изданиях книг стояла бы его настоящая фамилия.

Но не тут-то было.

Николай Караев

Айзек Азимов «Первый закон» (рассказ)

Айзек Азимов известен большинству читателей как создатель «Трёх законов роботехники». В рассказе речь пойдет именно о первом законе. Робот ни при каких обстоятельствах не может оставить человека в беде. Или все-таки может? Автор поднимает интересный вопрос появления у роботов чувств и эмоций. Законы, навязанные нами, могут не работать в тех ситуациях, когда в дело вступают первичные законы природы.

При всех плюсах рассказа, он кажется довольно надуманным и оставляет много вопросов. Откуда у робота мог взяться ребенок? Почему он всё-таки

отказался от заложенных в нем директив? Все в совокупности это больше напоминает шутку автора или фантазию рассказчика.

Итог: На мой взгляд, «Первый закон» – далеко не лучший рассказ автора. Слишком уж много в нем «фантастики в фантастике». Автор сам отступает от прописанных им же законов своего мира.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика

Оценка: 7/10

Алексей Севериан

Отзыв о книге «Право на меч», А.Л. Легат

Познакомился с новинкой – тёмным фэнтези в духе Джо Аберкромби. Рассказываю о впечатлениях.

О чём книга

Устав от коварства отца и брата, молодой дворянин Лэйн бежит из родного дома в далёкую страну Воснию. Ему говорили, что там, за морем, одни дикари, а золото меняет руки быстрее, чем куртизанка – своих кавалеров. Что короли материка жестоки и глупы, а их алчности нет предела. Что земли Во-

снии прокляты, и только безумец, ищущий смерти, решится стать их гостем. Лэйн думал, это лишь способ удержать его в клетке домашних стен, и полон надежды обрести в Воснии новый дом. Он начинает свой путь на боевых аренах, но тот ведёт его на поля сражений грядущей войны. Во тьме будущего ждут грабежи, мародёрство, предательства и реки крови. И когда Лэйн признаёт, что отец был прав, тьма уже захлёстывает его с головой...

Пару слов о книге

1. Сюжет

Книга начинается, как классическое героическое фэнтези, где главный герой побеждает всех налево и направо. Но в итоге, как это часто бывает в жизни – разрушенные мечты. Это интересный сюжетный поворот, который отрезвляет и возвращает в реальность.

А вот дальше начинаются сомнительные моменты:

- Основной посыл произведения – война бессмысленна. Вот и сюжет лишён смысла. Персонажи просто воюют без конечной цели на протяжении всей книги. Каждое сражение влияет на развитие личности героя, но куда ведёт история – не понятно. К очередному сражению, получается.

- С большой натяжкой эту книгу можно отнести к фэнтези. Здесь нет магии, необычных существ, волшебных предметов и других типичных для жанра особенностей. Обычные людские разборки в вымышленной стране Средневековья. К фэнтези можно притянуть несколько мистических сцен, но с таким же успехом их можно назвать особенным восприятием мира – ну, вот такие загоны у главного героя.

2. Персонажи

Понравилось, как развивается дворянин Лэйн: от амбициозного мальчишки до мужчины, который прочувствовал тягости жизни.

Колоритные второстепенные персонажи. Особенно пьяница Рут и товарищи из отряда главного героя. Но не хватило развития взаимоотношений внутри отряда и более глубокого погружения в прошлое каждого отдельного персонажа. Возможно, это ждёт впереди.

3. Слог

Книга не пестрит красивыми метафорами, но мне понравились как автор через намёки и недосказанность описывает события и персонажей.

Отлично описаны сражения: детальные и красочные. А самое крутое – герои меняют тактику боя в зависимости от вида оружия, особенностей локации, количества союзников и врагов. Такие сражения встречал только у Джо Аберкромби.

При этом в книге много действий описаны звуками: бух, хрясь и тп. Не нравится этот приём – кажется нелепым. Особенно странно это воспринимать в аудиокниге.

Детально прописана жизнь отряда между сражениями: мародерство, пьянки, бордели, измены и тп.

Книга, скорее, не понравилась. У произведения есть достоинства, но недостаточно, чтобы захотелось продолжить цикл.

Алексей Пак

Вообще была идея замутить коллаб между журналом «Мир фантастики» (Россия) и «Мир фантастики» (Китай). Есть о чем поговорить, чем обменяться, тем более что «МирФ» первым опубликовал на

ВСЕГДА ВМЕСТЕ!

русском развернутую статью об истории китайской фантастики, писал об успехах китайской космонавтики и китайского IT еще до того, как это стало модно, все дела. Но что-то энтузиазма у коллег моя идея не вызвала. Пичаль.

Василий Владимировский

11 октября:

Роберт Блох (1917–1994) некогда составил такое вот

КРЕДО ДЛЯ СОЧИНТЕЛЕЙ ФЭНТЕЗИ

(Нижеследующую клятву настоятельно рекомендуется требовать со всех профессиональных

сочинителей странной либо научной фантастики редактору, приобретающему их первый рассказ. Предполагается, что писателя принудят положить левую руку на экземпляр «Некрономикона», поднять правую руку примерно в направлении редакторской чековой книжки и прочесть данный текст:)

Я, Вася Пупкин, пребывая в нездравых уме и теле и по иным признакам годящийся в потенциальные сочинители фантастической беллетристики, сим обязуюсь придерживаться в профессиональной реализации изложенных ниже ограничений, то есть, а именно и сиречь:

1. Никогда не писать ничего о безумном докторе, безумном ученом либо безумном профессоре.

2. Или даже о психически здоровом, если сего можно избежать.

3. Или, если нельзя, никогда не наделять упомянутых выше персонажей красивой дочерью.

4. Никогда не писать ничего о так называемом «гигантском мозге».

5. По крайней мере, диаметром не более 180 см.

6. Никогда не писать ничего о комическом лепреконе.

7. Или о серьезном лепреконе.

8. Или о мерзопакостном лепреконе.

9. Никогда не писать ничего о прекрасной туземной девушке по имени Мула, которая обращается в леопардиху, черную пантеру, кобру, тигрицу, летучую мышь – вампира, кошку либо трубказуба.

10. Никогда не писать ничего о робком, слабом, бедном маленьком клерке, что внезапно обретает сверхъестественные способности и связывается с «крутым редактором из Сити», пытаясь убедить того, что может предсказать победителя Дерби в Кентукки либо Междугороднего Баскетбольного Турнира Для Девочек.

11. Дополнительно обязуюсь не писать ничего о динозавровых яйцах, из которых кто-то вылупляется.

12. Или бронтозавровых, птеродактилевых, аллозавровых, диплодочьих, трицератопсовых, стегатерусовых либо тираннозавровых яйцах, из которых кто-то вылупляется.

13. Или не вылупляется, если на то пошло.

Николай Караев

Яцек Пекара «Ловцы душ» (сборник)

Жанр: Тёмное фэнтези/Героическое фэнтези

Оценка: 9/10

«Ловцы душ» – заключительный сборник цикла о Мордимере Маддердине. Он несколько отличается от всех предыдущих. Точнее сказать, три повести из четырех идут по уже известному нам сценарию: инквизитор расследует потусторонние дела. Правда, события этих повестей нередко пересекаются с предыдущими расследованиями. А вот финальная повесть довольно сильно отличается от всех остальных. В ней очень много политики, войны и огромное количество сведений о мире. Финал полностью открытый, что представляет проблему для читателей. Дело в том, что прямое продолжение ещё не написано даже на польском. По сути, цикл обрывается на самом интересном месте, и нам остаётся лишь гадать, что ждёт нашего героя.

«Ловцы душ»

«Ловцы душ» – заглавная повесть сборника. Мордимер Маддердин оказывается в Аахене – столице Священной Империи. Там он сталкивается с загадочным происшествием: несколько людей в окружении Императора неожиданно лишаются разума. Посол Великой Польши Заремба нанимает главного героя, чтобы тот разобрался в этом деле.

Мордимер приходит к выводу, что темная магия, от которой пострадали люди, находящиеся рядом с императором, была нацелена на самого правителя. Просто неизвестный чародей раз за разом промахивался. Таким образом, под угрозой оказывается вся Священная Империя, а значит нужно как можно скорее докопаться до правды.

Судьба снова сводит Мордимера со своим давним врагом – Мариусом Сфорца. Когда-то инквизитор помешал папскому священнику совершить злодеяние, при этом сильно его искалечив. Теперь Сфорца пылает жадой мести.

Помимо внутривосударственных интриг, в этом деле, конечно же, замешана и мистика. Повесть получилась довольно интересной и интригующей.

«Змей и голубка. Возвращение»

Данная повесть продолжает вампирскую тему, раскрытую в повести «Змей и голубка». В существование вампиров в этом мире никто не верит. Не знает о них и ангел-хранитель главного героя. Тем не менее именно древнего кровососа встречает на своем пути Мордимер. Теперь же инквизитор

встречает ещё одного свидетеля сошествия Иисуса Христа с распятия. На этот раз это молодая девушка. Главный герой спасает ее от толпы крестьян (хотя не совсем понятно, кто кому больше угрожал). В отличие от барона Хаустоффера, новая вампирша стремится не причинять вреда людям и питается кровью животных. Мордимер решает устроить двум вампирам встречу.

Главный герой, помимо помощи девушке, параллельно пытается разобраться в природе вампиров. Несмотря на свою похожую сущность, кровососы очень разные. Инквизитор проникается неподдельным сочувствием к несчастной девушке, которая, как умеет, старается сдерживать свою природу. Барон же, напротив, не столь благороден. По прибытии в имение барона Мордимер видит вокруг полную разруху. Вампир попросту слетел с катушек и убивает подданных без разбора. Народ близок к восстанию. В это осиное гнездо и предстоит отправиться инквизитору.

«Прекрасна только истина»

В данной повести Мордимера Маддердина угораздило влезть в разборки двух дворянских семейств. К инквизитору обратился представитель одного беднеющего рода с просьбой вернуть якобы похищенную дочку. Обвиняет в этом он своего богатого соседа. Дело совсем не инквизиторское, но наниматель утверждает, что похититель балуется темной магией. За умеренную плату Мордимер все же отправляется в имение богатого аристократа, чтобы распутать этот клубок тайн.

То, что начиналось как разборка дворянских семейств, постепенно перерастает в нечто большее. Тут замешана и темная магия, и предки-крестоносцы, и похищение девушек-селянок. Присутствует даже проклятие чернокнижника, угрожающее

самому императору. Попутно автор касается и темы «золотой клетки».

Основная же мысль повести состоит в непрелюбности закона. Даже если один из родов хотел лишь спасения от темной магии, применяя ее сам, он заслуживает лишь костра. Закон суров, но такие были времена. Похожая тема уже поднималась в повести «Сиротки».

«Поводыри слепых»

«Поводыри слепых» – заключительная и самая сильная повесть сборника. Империя начинает войну с Палатинатом. Епископ не в восторге от этой затеи и отправляет Мордимера проследить за ходом военной кампании. Ради этого инквизитора даже повышают до звания капитана епископской гвардии, т.к. простого инквизитора гораздо проще убить без лишнего шума. Стоит отметить, что главный герой совсем не рад повышению и смертельно опасной миссии, но отказаться нет ни малейшей возможности. Таким образом Мордимер оказывается приближенным к самому императору в центре змеиного клубка интриг.

Из-за невежества и глупости дворянства первое же сражение идет не по плану. Однако папские священники не хотят признавать провал из-за ошибки командования. Легат Верона утверждает, что тут замешаны происки дьявола и темная магия, а предатель скрывается в окружении императора. Меч обвинения висит над головой самого Мордимера, и кажется, что спасения нет.

Повесть оставляет явный задел для грядущих масштабных событий. В верхушке Империи грядет смута, Инквизиция стремительно теряет власть, а по Европе начинается свое шествие чума.

Итог: Главный минус сборника – у него пока нет продолжения. Финал «Поводырей слепых» очень интригует. Надеюсь, Пекара в скором времени допишет продолжение, и его издадут в России.

Алексей Севериан

Мужчины с Марса, женщины с Венеры. Не то... И появилась женщина. Опять не то. Ребро Адама. И это не совсем оно. А что если извечная дихотомия «феминное/маскулинное» – расовая? Автор не дрогнув развел своих героев по разные биологические стороны, наделил их собственным темпом и регистром речи, наградил сложнейшим социальным устройством, заставил интриговать на женской половине дома и в мужской части государства, но не отнял права искать в других себя. Потому что, как ни крути, все ответы о любви, даже если дева в беде – непутевый аристократический муж, а благородный дикарь – бойкая айтишница.

Это мой же блерб, который попросили, кажется, весной, но не поставили на заднюю сторонку обложки вместе с отзывами Шамиля Идиатуллина и Тимура Максютובה, потому что я не татарин и другой расы. Но у меня есть книга с автографом автора. Найду в руинах переезда, похвастаюсь.

Эльдар Сафин «Волков-блюз» (Азбука, 2024. Серия «Новые звезды фантастики»)

Аннотацию и зажигательную обложку просвещенный телеграм обсудил еще летом, но рецензий любого толка, как справедливо заметил однажды Великий Василий Владимировский, маловато. Тем временем Эльдар Сафин – широко известный в узких жж-кругах фантаст из Санкт-Петербурга, бессменный участник конкурса «Рваная грелка»

(впрочем, последние годы не слежу), мастер забегов на небольшие дистанции, и «Волков-блюз» его первый объемный текст. Возможно, поэтому темп повествования чуть сбивчив и финал кажется наскоро прижатым к затянутой экспозиции, что в целом практически не мешает собственно чтению, если вы следите за действием, а не профдеформированно присматриваетесь к заклепкам. И наверняка кому-то манера Эльдара покажется старомодной или ностальгически сетевой, но книга не купюра приятного достоинства, чтобы всем нравиться.

Кроме того, что это засчитанная удачной попытка играть на поле золотого канона: альтернативная история, тщательно сконструированный на базе хорошо знакомых маркеров (и ехидных отсылок к реальности) вымышленный мир, рефлексирующий герой в маске наследного принца, но не умница, а скорее, недотепа, роковая героиня – но не та, на которую думаешь в начале, и расставленные в правильных местах твисты, это еще и, как мне показалось и на что я надеюсь, постироническая попытка выкрутить социальные настройки на максимум и от души постебаться вообще над всеми, не забывая обратить внимание читателя на то, что раскол в любом почти герметичном сообществе начинается в голове отдельно взятых персоналий, а продолжается в чужих намерениях – благих и не очень. В основном не очень, потому что благодушным героем легко вертеть во время многоходовочки, особенно когда в дело идут манипуляции гормонами и базовыми потребностями.

Не могу душно не заметить, что разьяснять понятное на страницах романа можно было бы и реже, но я вообще за то, чтобы читатель самостоятельно доставал смыслы из контекста, с чем автор вправе не соглашаться.

И простите, с вчерашнего дня меня не отпускает. Книгу написал мужчина, значит, исходя из нового знания, перед нами мужская проза. Но вообще-то это расширенный ретеллинг анекдота о том, кто чем думает, поэтому тетеньки снова всех сделали во всех смыслах, а референсом, пожалуй, могла бы служить Урсула Ле Гуин и «Левая рука тьмы» – но это очень на поверхности лежащая аналогия.

Анастасия Шевченко

Кстати. Как известно, роман (sic! редкий случай, когда соавторы сами так называли свой крупный текст) братьев Стругацких «Хромая судьба» в окончательном варианте состоит из двух частей: «московской», почти-реалистической, и вложенных глав из «Синей папки» – то есть из повести «Гадкие лебеди». Мне лично авторское решение не очень нравится, всегда перечитываю эти тексты по отдельности, причем «Гадких лебедей» чаще. Но в то

же время хорошо понимаю, чем это решение вызвано: АБС откровенно косплеят «Мастера и Маргариту», там без вставных глав и смены повествовательных регистров никак не обойтись. Но если вспомнить, что именно у Михаила Афанасьевича во вставных главах, нетрудно сделать вывод, что и «Гадких лебедей» надо читать с оглядкой на Евангелие. Более того: изначально это место должен был занимать «Град обреченный» (по-моему, он лучше укладывается, но авторам, конечно, виднее), получается, что и эта повесть – история в высокой степени новозаветная.

А вы говорите – закопать стюардессу. Не выйдет. Кто ж заменит-то?

Василий Владимировский

Интеллект из хаоса: как сложные системы рождают разум.

Нейросети могут научиться думать и без человеческого опыта.

Мы до сих пор не знаем, как рождается интеллект – любой интеллект:

- от милипизерного интеллекта крохотной Нематоды с ее 300 нейронами
- до интеллекта венца природы Homo sapiens с его 76 млрд нейронов.

С появлением генеративного интеллекта машин, этот вопрос не только не прояснился, а лишь еще больше запутался.

Теперь мы не знаем, как рождается

– не только, естественный (биологический) интеллект,

– но и искусственный (машинный) интеллект тоже.

Ибо единственное, что мы до сих пор знали про рождение интеллекта у моделей генИИ, – что он каким-то загадочным образом появляется в резуль-

тате способности моделей предсказывать следующий токен (напр. символ или слово). Для этого модель использует колоссальных объемов статистику вероятностей встречающихся паттернов токенов, извлекаемую ею из предоставленных ей гигантских корпусов обучающих данных.

Так что ж получается – интеллект рождается из данных?

И достаточно, собрав чертову тучу данных, заложить в машину логические правила извлечения из них статистики паттернов?

А потом вуаля, – интеллект сам заведется, как тараканы на немойтой кухне?

Не совсем так.

Новая весьма интересная работа молодых исследователей универов Йеля, Нортгэстерна и Айдахо выносит ответ на этот вопрос в свой заголовок – интеллект возникает на грани хаоса.

Сергей Карелов

**Джон Боден
Jedi Summer**

Повесть Джона Бодена Jedi Summer – нечто вроде «Жизни мальчишки» Роберта Маккаммона в миниатюре: цепочка виньеток о случаях, произошедших с одним американским мальчиком в течение одного лета. Как и Маккаммон, Боден свободно перемешивает события повседневные (порой совершенно тривиальные, но для ребенка несущие огромную значимость) с мистическими и жуткими. В отличие от Маккаммона, он умудряется уместить их все в сотню страниц – и это с учетом бонусных рассказов.

Долгожданный переезд в настоящий дом из жалкого трейлера с деревянной пристройкой, в которая от излишне бурной радости могла от него и отвалиться. Размышления о том, что тишина вовсе

не тиха, а полна звуков. Призраки домашних питомцев, увязавшиеся за гуляющим по улице младшим братом. Обмен письмами со Стивеном Кингом. Первое столкновение со смертью близкого человека – и смертью иного рода, насильственной, страшной и необъяснимой. И кульминация лета – долгожданная и так медленно приближающаяся премьера «Возвращения джедая».

Героя повести зовут Джон, как и автора, и Боден в своем послесловии говорит о том, что почти ничего в ней не вымышлено «кроме истории с колесом обозрения, некоторых случаев с призраками и того, что мы нашли в лесу труп». Насколько этому можно верить – решать читателю, но Бодену как минимум удалось создать очень убедительное ощущение того, что все это не выдуманно, а прожито и прочувствовано. И мне кажется, что благодаря этому ощу-

щению его повесть вполне достойна стоять в одном ряду с «Что-то страшное грядет» Брэдбери, «Телом» и «Оно» Кинга, «Летом ночи» Симмонса и прочими культовыми образцами «темных» историй взросления – того, что у нас, кажется, принято называть «мальчишечьими ужасами». А то, что собственно ужасов тут меньше, чем любви и ностальгии – не беда, той же «Жизни мальчишки» это несколько не помешало стать классикой поджанра.

(Fun – на самом деле не очень fun – fact: первое полное издание повести со всеми примыкающими рассказами вышло в 2020 году в англоязычной инкарнации «Полтергейст-пресс». Сам автор называет это издание «злополучным», очевидно, имея в виду ту печальную судьбу, которая вскоре после этого постигла издательство. В связи с этим меня одолевают печальные мысли о том, что просуществовай «Полтергейст» чуть дольше – и мы, возможно, увидели бы русское издание Jedi Summer; в конце концов, первые переводы частых соавторов Бодена Чада Луцке и Роберта Форда были опубликованы именно там. А теперь черт его знает, выйдет ли когда-нибудь «Джедайское лето» у нас вообще).

Роман Демидов

12 октября:

Из отмеченных на Фантлабе новинок меня радуют две.

«Маяк на краю времени» Наташи Пулли – роман, побывавший в финалистах Sidewise Award, премии за лучшую альтернативную историю (он проиграл «Цивилизациям» Лорана Бине, что и не стыдно), о герое, который оказывается в беспомощности в Лондоне XIX века, оккупированном французами, так что там и по-английски говорить запрещено (а вот в Шотландии, где стоит тот самый

маяк, заправляют мятежники). На русский уже переводились два романа Пулли, только ее писали как «Полли», – «Утесы Бедлама» и «Часовщик с Флигранной улицы», – оба прошли категорически мимо меня, хотя по крайней мере второй – фантастика с альтернативной Японией и механическим осьминогом, и вообще Пулли, как я понял, любит экзотические локации – роман о Гулаге в 1963 году «Полужизнь Валерия К.», роман о Древней Греции «Гимн Диониса», роман «Дом Марса» понятно с каким местом действия. Вероятно, есть какие-то причины, почему Пулли все-таки не столь известна в мире фантастики, хотя книги ее кажутся весьма привлекательными. Но «Маяк...» по-любому интригует.

Ну а вторая книга – переиздание на русском логико-сказочного трактата (как еще скажешь?), реально культового, – «Гёдель, Эшер, Бах» Дугласа Хофштадтера. Я не знал о первом издании, кстати, 2001 года. Но большой отрывок из этой книги я прочел за 10 лет до того, в 1991 году, в легендарном среди меня сентябрьском номере журнала «Знание – сила». Очень жалею, что я его в сердцах выкинул потом вместе со всей подшивкой, – содержание там такое:

- отрывок из Хофштадтера, включая перевод «Двухчастной инвенции» Льюиса Кэрролла;
- «Откровение Крегера» Виктора Пелевина;
- «Луноход», «реинкарнационный» фрагмент из его же повести «Омон Ра» (вот как подсаживались на Виктора Олеговича);
- Откровение Иоанна Богослова и комментарий на него о. Александра Меня;
- и роман Уолтера Миллера-мл. «Песнь для Лейбовица» – начало, с сокращениями, но все-таки.

И всё перечисленное сформировало меня чуть менее, чем полностью.

Николай Караев

Очередной #лемарт для оживления этого темного октябрьского вечера. Довольный и, как всегда, ироничный Лем, предположительно, в окружении двойников Ийона Тихого из «Путешествия седьмого».

Инар Искендрова

Несколько лет назад под редакцией Дезерины Боскович вышла книжка «Потерянные сигналы. Тайная история фантастики» – обо всяких нереализованных и забытых проектах, связанных с НФ&Ф. В 2022-м ее даже издали в России, не без корявостей, но хоть как-то.

Так вот, если бы я составлял русский вариант этой книги (кстати, хорошая идея, дорогие издатели – обращайтесь!) обязательно включил бы

статью Егора Михайлова о неснятом советско-американском фантастическом фильме «Цитадель смерти» по сценарию Уильяма Гибсона, о кинокартине, в которой должен был играть Виктор Цой. История, надо сказать, широко известная в узких кругах, но Михайлов раскопал несколько новых деталей и толково обобщил информацию из разных источников, в том числе малодоступных.

Стал бы этот фильм, если бы его сняли, шедевром кинематографа, хотя бы жанрового? Совсем не уверен. Но важным артефактом эпохи – сто пудов. Может, даже поважнее, чем «Игла».

Вот, кстати, канал Егора «Литература и жизнь» (<https://t.me/bookninja>), подписывайтесь.

Василий Владимировский

По ассоциации вспомнилось. Когда в 2012 году мы с Сергеем Шикаревым запускали литературную премию «Новые Горизонты» (подажмите, работа над двенадцатым сезоном уже идет полным ходом, жюри читает рукописи, скоро объявим официально – затык чисто технический, рабочих рук у оргкомитета всего 4 штуки, а бюджета нет вообще), мы волевым усилием приняли несколько важных решений. В том числе постановили, что премия вручается писателю только один раз в жизни. Потому что плохо «новые горизонты» сочетаются со

старыми лицами. Не знаю как Сергей, а я с тех пор сто раз локти кусал. Ну, потому что «Остров Сахалин» Веркина гораздо сильнее его романа «ЧЯП» (НГ-2017), «Магазин работает до наступления тьмы» Бобылёвой как минимум не хуже ее «Вьюрков» (НГ-2019), и так далее. Но что ж тут поделаешь, так уж организаторы изначально решили. С другой стороны, благодаря этому в одиннадцатом сезоне открыл для себя нескольких совсем новых авторов-шортлистов, ничуть не хуже старых – Уну Харт и Глорию Му, например. Полезный инструмент эта премия.)))

Василий Владимировский

Александр Дубовский

13 октября:

Вот за кем не угнаться – так это за Марципаной Конфитюр, она же Мария Чепурина. Я писал чуть о ней, когда выходил ее «Атомный пирог». Увидел тут, что она пишет новую вещь «Ядерная оттепель»: *Карибский кризис 1962 года закончился глобальной*

ядерной войной, и нейлоновые рубашки, чёрно-белые телевизоры и песни Майи Кристалинской навсегда остались высшими достижениями цивилизации... Не слышали о подобном? Я тоже не слышал, пока не угодил в параллельный мир, где именно так и произошло. Делать нечего: придётся выживать в разрушенной радиоактивной Москве среди лысых мутантов! Кстати, местные девушки относятся ко мне совсем иначе, чем те, что остались в моём родном мире... Пошел в ее ВК – а у Маши только что вышел роман «Всемирная выставка в Петербурге», стимпанк в обстановке альтернативной Российской империи: с нигилистами, охранкой, классовый борьбой, лампами Яблочкова, башнями Шухова, нефтеперегонный аппаратом Менделеева и очень ин-тересным сюжетом! Теперь #хотеть то и то.

Николай Караев

Есть у меня в обновленном сборнике «Ночной взгляд» рассказ «Осина», про деда Гену, тракториста на пенсии, который приходил к герою с неременной присказкой «Наливай, а то околдую!»

Конечно, это основано на славянском фольклоре, но присказку эту я узнала в детстве, и была уверена, что это шутка такая. С такими словами мой прапрадед, тульский крестьянин, являлся на все свадьбы, крестины и прочие значимые праздники в деревне. И все сразу наливали. Это потом я узнала, что, по народным поверьям, не угостить на свадьбе или крестинах сельского колдуна – значит гарантированно навлечь на новобрачных или дитя порчу от обиженного «знающего».

Выходит, да, мой прапрадед был колдуном. Но о его колдунствах, кроме умения угоститься на любом празднике, мы ничего не знаем. Зато знаем о его любви выпить, вошедшей в семейные легенды. К друзьям-собутельникам он ходил и зимой, в мороз, в соседнюю деревню, пешком. Ходил уже подогретым, поэтому мог завалиться спать прямо в сугроб, оставив себе особый знак. Он обязательно снимал сапоги и ставил их носом в ту сторону, куда шел. Проснулся – продолжил путь.

Колдун прожил долгую и, судя по воспоминаниям родни, веселую жизнь. Помер древним старцем, сильно вспотев летом и подцепив воспаление лёгких. Зимой оно его не брало, а вот летом подкараулило.

Непрерменно наливайте шебутным дедам на праздниках, коли просят. А то околдуют.

Дарья Бобылёва

Альфред Бестер «Предательство на Камойе»

424 стр., твердый шитый переплет с тиснением и суперобложкой, тираж 30 экз.

Сборник рассказов, эссе, статей и интервью. Собиралось последние лет десять по труднодоступным американским журналам. Все произведения переведены на русский язык впервые (кроме одного интервью с Ч.Плэттом, оно было ранее в под-ШФ).

Содержание:

- Белолицый, забывший себя // The White Man Who Was Tabu (Журнал South Sea Stories, октябрь 1940. Иллюстрация в тексте Эберта (Ebert).
- Предательство на Камойе // Treachery on Camoia. В том же номере South Sea Stories за октябрь 1940 года, но подписано именем Александр Блейд (Alexander Blade). Иллюстрация в тексте Роберта Фукуа (Robert Fuqua). Рисунок для обложки журнала выполнил Стоктон Малфорд (Stockton Mulford), она воспроизводится на суперобложке данного тома.
- Багаж Макгрэбба // The McGrabb Bag. Первая публикация в журнале Detective Fiction, октябрь 1941. Переведено по публикации в журнале The Saint Detective Magazine, февраль 1955
- Дом, который построил Гаул // The House That Gaul Buil. Журнал The Shadow, июль 1944
- Смерть бандита // Death of a Bandit. Журнал Rogue, июнь 1962
- Джулии // The Julias. Журнал Escapade, июнь 1968
- Хотите ли вы, чтобы ваш товар ассоциировался с неграми? // Would You Want Your Product to Marry a Negro? Журнал P.S., апрель 1966.

- Никто не сравнится с тобой // There's No One Like You. Журнал Rogue, июнь 1962
- Иная цивилизация // Girlfoot Bare With Teak Of Chan. Журнал Rogue, июль 1963
- Джейн Мэнсфилд: остановка по требованию // Jayne Mansfield: Whistle Stop. Журнал Holiday, декабрь 1957
- Air Power: эпос и приключения // Air Power: Epic and Adventure. Журнал Holiday, январь 1957
- Хобби в абсолюте // The Compleat Hobbyist. Журнал Holiday, декабрь 1965
- Чарльз Плэтт: интервью с Альфредом Бестером // В книге: Charles Platt «Dream Makers: The Uncommon People Who Write Science Fiction», New York: Berkley Books, 1980 (есть другой вар. перевода в под-ШФ)
- В чем разница? // What's the Difference? Журнал Science Fantasy, февраль 1955
- Галактика Гораций // Horace, Galaxysa. В сборнике «Galaxy: Thirty Years of Innovative Science Fiction» под ред. Мартина Гринберга, 1980.
- Трематода: Критика современной научной фантастики // The Trematode, a Critique of Modern Science-Fiction. В сборнике «The Best Science-Fiction Stories: 1953», под ред. Эверетт Ф. Блейлер и Т. Э. Дикти. New York: Frederick Fell, 1953.
- Мой частный мир научной фантастики // My Private World of Science Fiction. В сборнике «The Worlds of Science Fiction», составитель Роберт Парк Миллс. The Dial Press Publisher, 1963
- Дэйв Трусдейл. Интервью с Альфредом Бестером // Dave Truesdale. An Interview with Alfred Bester. Журнал Tangent № 6, зима 1977

Сергей Соболев

Ясно, что всем утопиям надо избавляться от инакомыслящих, и так же ясно, что утопии

сталкиваются тут с моральным противоречием: «Мы ж не звери, но – что-то с ними делать надо».

Ну вот, скажем, Иван Антонович Ефремов в «Туманности Андромеды» отправлял не тех людей на остров Забвения – и в какой-то момент убрал из рукописи «концлагерный оттенок», в частности, «наркотические пули истребительного отряда» и лечение (так сказать) ослабляющими жизненную активность инъекциями. Очень может быть, что Ефремов попятил остров Забвения у Эдмонда Гамильтона, издавшего в 1933 году «Остров Безрассудства», функционирующий примерно так же:

Уже давно мы разработали план по перевоспитанию безрассудных, как мы их называем. Конечно же, мы их не наказываем, так как наказание само по себе является нарушением здравого смысла. Но мы стараемся излечить их. Мы посылаем их на так называемый Остров Безрассудства. <...> Туда доставляют всех нарушителей законов логики. Там, где живут безрассудные, нет никакого государственного устройства, нет никаких удобств, к которым привыкли мы. Они живут в примитивном мире.

Я сегодня обнаружил, что в эту славную традицию вписывается и прекрасный Василий Алексеевич Лёвшин (1746–1826), тульский помещик и масон, дослужившийся до статского советника, автор 250 сочинений, включая – среди кулинарных книг, древлянских сказов и трактатов типа «Книга для охотников до звериной, птичьей и рыбной ловли, также до ружейной стрельбы, с приложением многих рисунков», – первую в русской литературе книгу о путешествии на Луну. «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве» – журнальная публикация 1784 года, до сих пор не переизданная полностью (что как бы намекает на положение дел в русской словесности). Там главный герой – некий

Нарсим, желающий полететь на Луну и во сне оную задумку осуществляющий. Обитатели Луны – *лунатисты* – поначалу принимают крылатого героя за вернувшегося с Земли местного космонавта Квалбоко, ошибка становится ясна, Нарсима ведет к себе домой старец Фролагий (прадед Квалбоко) и там объясняет, как на Луне устроен социум. Ну, понятно, государя там нет, управляют обществом старцы, но, ясен пень:

...как человеческая природа создана с крайним пристрастием к любопытству, то никакая пред-рассуждения, никакая обыкновения не могли вос-препятствовать происхождению по временам людей предприимчивых. Были люди, созидавшие в воображении своих расположении правления, новые законы, совсем уклоняющиеся от вкорененных в сердца наши чувствованиями естества, некоторые степени отличия, пустые титула, чтоб нарушить равенство чад, от единого родителя происходящих, и чтоб лишить и отцов того натурального права, коему есть таинственное в душах наших оправдание; хотели предлагать завоевание другой половины Луны нашей, которая не освещается Солнцем и где слабый только свет лишает плодоносил земли диких семейств, питающихся разными рыбными ловлями.

Что же делают с этими предприимчивыми людьми? Да известно:

Но все сие пресечено разумным решением общего согласия старцев, и сии беспокойные люди по истощении возможных доказательств о глупости их воображений выгоняемы были в мрачную страну Луны, где они, не привыкнув к ядению рыб, помирали или с довольным раскаянием возвращались в отечество, проклиная безумие прежних своих желаний и, так сказать, полумертвые.

Николай Караев

14 октября:

Патрик Закшевский

ЛЕМБЕРГ. Львовские места Станислава Лема

<https://culture.pl/ru/article/lemberg-lvovskie-mesta-stanislava-lema>

Неплохая статья, посвященная родному городу Лема – Львову. Латинизированное название города – Lemberg – забавно рифмуется с фамилией писателя. Список лемовских мест в основном воспроизводится по автобиографическому роману Лема “Высокий замок” (не путать с антиутопией Филипа К. Дика!), а также отрывкам из его интервью. В итоге, получился очень душевный и обстоятельный текст.

Было бы здорово когда-нибудь с книгой в руках прогуляться по этому городу и посетить все лемовские места. К сожалению, это явно не произойдет в ближайшие годы, но когда-нибудь, когда-нибудь...

Инар Искендинова

Вышла проветрить **мозги**, которые драгоценный автор мне сегодня слегка запудрил анахронизмами. Сегодня в Кишиневе празднуют день города, и по такому случаю весь центр стал пешеходным, оброс киосками, ларьками и прилавками, везде что-то жарят, заманивают аппетитными запахами

и едят. Тут возникла некоторая двусмысленность (*кого едят?*), но с учетом того, какие по праздникам цены, она кажется мне вполне логичной.

Одновременно проходит очередная ярмарка хендмейда YardSale. На одном столе сидело и грустило это существо.

По-моему, это дракон переводчика, который (дракон, не переводчик) повидал всякое... всякое повидал. Я поняла, что если не куплю, буду все время о нем думать и жалеть. Ну и вот.

Наталья Осояну

Все свои книги люблю, но эта особенная, даже трудно объяснить, почему. О моей любви к Балканам как таковым рассказано в предисловии от автора, повторять не буду, лишь констатирую факт: да, люблю. Была много раз, но далеко не везде

(в Белграде, например, не была). Однажды поеду туда снова.

Мифология Балкан причудливым образом соединила для меня восточнославянские и румынские мифы, и кое-где места соединения фрагментов головоломки оказались очень интересной и замысловатой формы. Да и головоломка, скажем так, трехмерная, потому что некоторые части существуют сами по себе, а некоторые проецируются на соседей,

и выходит... э-э... назовем это «сложной конструкцией». Очень сложной и очень интересной.

В отличие от «Румынских мифов», здесь вы сможете при желании продолжить изучение темы, потому что о мифологии Балкан написано очень много на русском языке. Список литературы прилагается. Там еще имеются книги на сербском – да, я их правда читала, это было крайне увлекательно (контекст помогает, контекст – великая вещь). Чувствовала себя как Смауг в пещере с золотом... но я не Смауг, я делюсь.

Вот пока как-то так. Оставайтесь с нами, до марта много времени, я еще буду об этой книге писать. (Надо же продвижением заниматься, а не вот это все.)

Наталья Осояну

Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/Хоррор

Оценка: 7/10

Известнейший во всем мире роман «Франкенштейн» считается первым по-настоящему научно-фантастическим произведением. А написан он был юной девятнадцатилетней английской леди, супругой известного поэта Перси Шелли. Стоит отметить, что писательское мастерство было у Мэри буквально в крови: ее отцом был писатель-философ Уильям Годвин. Интересна и сама идея создания романа – он был написан, по сути, на спор. В 1816 году она приехала со своим мужем в гости к лорду Байрону, который ради развлечения предложил ей и ее мужу сочинить какие-нибудь страшные истории. Что-либо стоящее получилось только у юной леди. По одной из версий, идея «Франкенштейна» пришла к Шелли во сне, а затем она воплотила свой кошмар на бумаге. Книга имела успех ещё при жизни автора, но подлинная слава пришла к ней после

развития кинематографа. Готическая литература была очень популярна в начале XIX века, но «Франкенштейн» смог дать ей вторую жизнь, объединив мистику и науку. На долгие годы образ Монстра Франкенштейна стал олицетворять необузданную силу, вышедшую из-под контроля. Не обошлось и без критики. Во-первых, девушка-писательница была для того времени редким и удивительным явлением. Во-вторых, некоторых оскорбляло слово Творец, применяемое к обычному человеку.

На первый план в романе выходит идея создания жизни. В то время многие грезил воскрешением мертвой материи при помощи живительной силы электричества. Именно эту научную мысль и взяла за основу Мэри Шелли. Несмотря на то, что наука в настоящий момент ушла далеко вперед, и по сей день многие учёные считают молнии, бьющие в первичный океан, одним из факторов появления жизни на Земле. Об этом нам говорит теория Опарина-Холдейна и более новая теория биопоэза Джона Бернала.

Начинается роман с писем путешественника Роберта Уолтона, который отправляется в экспе-

дицию к полярному кругу. Корабль, путешествуя по ледяному морю, сначала встречает проносящегося по льдине человека огромного роста. Однако эта удивительная встреча не была единственной. Позже экипаж корабля находит на дрейфующей льдине тяжелобольного человека – Виктора Франкенштейна. Спасённый рассказывает Уолтону свою удивительную историю. Постепенно между двумя молодыми людьми завязываются доверительные отношения, перерастающие в дружбу.

Виктор Франкенштейн – талантливый учёный, познавший тайны жизни. Его пылкий ум жаждет все новых и новых знаний, порой запретных для общества. Однажды в своей тайной лаборатории из отдельных частей трупов он создаёт существо, наделенное разумом. Однако было оно настолько уродливо, что учёный в ужасе отрекается от своего детища. Всепоглощающий страх и чувство вины от содеянного преследуют молодого ученого. Вскоре он начинает подозревать, что его создание убивает людей, а одной из жертв становится младший брат Франкенштейна. Монстр же при встрече рассказывает создателю свою печальную историю. Оказалось, что он, несмотря на отталкивающую внешность, не обделён острым умом, умеет чувствовать, переживать, любить и ненавидеть. Встретив одну французскую семью, он долго наблюдал за их жизнью и проникся искренними чувствами. Монстр захотел стать им другом, но обернулось это настоящей катастрофой. Кто же будет любить столь уродливое существо? И тогда монстр попросил у своего создателя сделать ему спутницу жизни. За отказ он обещал забрать у Франкенштейна все, что тому дорого. Мы можем наблюдать, как чувство любви к ближним сменяется в этом существе ненавистью. При его рассказе я невольно проникся сочувствием

к этому монстру, одинокому и несчастному, отвергнутому даже своим создателем.

Роман буквально изобилует тонкими философскими изречениями. Второе название романа – «Современный Прометей» – буквально отсылает читателей к богоборческим настроениям романа. Виктор Франкенштейн, как древнегреческий Прометей, похитил у богов пламя жизни и использовал на свое усмотрение. Однако это и дар, и проклятие одновременно. Стремясь даровать жизнь, учёный несёт лишь смерть, сопровождающую его на всем пути. В отличие от Творца, Франкенштейн не смог полюбить и простить свое творение. Сам же монстр оказывается не злым по своей природе – это люди своим отношением сделали его таковым. Окружающие не смогли рассмотреть добро за столь уродливой внешностью, и оттолкнули его. Обратную ситуацию мы можем видеть в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея», где извращённый монстр скрывался за прекрасным лицом юноши. Прося понимания и снисхождения, монстр натывается на злость и отвращение собственного творца. В романе Мэри Шелли масса интереснейших мыслей. Писательница рассуждает о важности любви к человеку. По ее мнению, это гораздо главнее, чем слепая жажда познаний. Посягнув на сокровенное, Франкенштейн был наказан смертью близких и до конца жизни испытывал лишь страдания, как и античный Прометей. Однако в отличие от титана, Виктор не жаждет подвига во благо людей, а горит лишь желанием признания. Его мотивы корыстны. Современный Прометей – не герой, а амбициозный гений. Создав жизнь, он не смог разглядеть в ней живую человеческую душу.

Для меня в романе нашлись и минусы. Логика поступков Виктора иногда вызывала у меня недоумение. Его действия порой предстают хаотичны-

ми и непродуманными. Из-за его спеси и упрямства погибают невинные люди. Его решения приводят к всё новым и новым смертям, расширяясь как снежный ком. Во всем он винит лишь свое создание, не замечая, что сам становится виновником происходящего.

Итог: «Франкенштейн» стал по-настоящему знаковым произведением для современной литературы. Отсылки к нему мы можем найти в массе как классических, так и современных романов и фильмов. Считаю, что с ним нужно ознакомиться не только поклонникам фантастики, но и любителям литературы в более широком смысле.

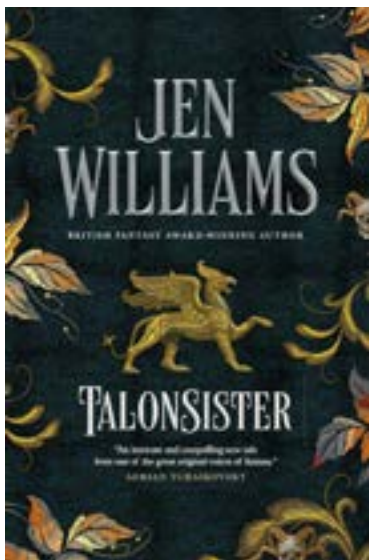
Алексей Севериан

Еще один совершенно неугомонный британский фантаст – Адам Робертс мало того что выдает по две очень разных и очень интересных фантастических книжки в год в спектре от космооперы до стимпанка и от откровенной пародии до джойсовской сложности, так еще и находит время на нон-фикшн о жанре. Адам уже издал «Загадки «Хоббита»», «Историю научной фантастики» и биографию Герберта Уэллса – и вот в апреле 2025 года выйдет его «Фэнтези: краткая история». Что обещается:

Увязывая эволюцию фэнтези с тремя ключевыми моментами – пробуждение интереса к артуриане в XIX веке, расцвет христианской аллегории и появление после Оссиана и братьев Гримм скандинавской, германской и староанглийской мифологической идентичности, – Робертс исследует, как логика «фантастического» сквозным мотивом проходит по декорациям и атрибутам современного фэнтези. Отслеживая создание субжанров героического и высокого фэнтези через традицию обращения к древности, через К. С. Льюиса и Дж. Р. Р. Толкина, через посттолкиновский бум

жанрового фэнтези, книга рассказывает о проявлении фантастического и за пределами литературы: живопись, музыка, кино и ТВ, видеоигры и иные культурные продукты, такие, как фэндомы. От Теннисона и Вагнера через Роберта Грэйвса, Дэвида Джонса, Сэмюэля Дилэни, «Подземелья и драконы», Терри Пратчетта и Робин Хобб к медиафраншизам «Игра престолов», «Скайрим», «Ведьмак» и «Властелин Колец» вскрывается глобальное пространство и разнообразие фэнтези XXI века. Доступная и динамичная, с широким охватом, но глубокая, эта книга – краш-курс в контексте самой творческой формы рассказывания историй.

Николай Караев

Нехорошо так говорить, но я не очень доверяю современной фэнтези. Откроешь что-то такое, а там и скучно, и предсказуемо. Взы-взы, стри-жует меч, и все имена и титулы в мемы про-сятся. И ты это много раз читал, а снова вы-хлебывать борщ до-рачески... (Я знаю, есть любители.) Но вот, читая аннотацию к книге, взявшей на

днях Британскую премию фэнтези, подумал, что почитал бы.

Роман Talonsister Джен Уильямс – видимо, «Сестра-по-когтям», это про грифоницу. Аннотация обещает трех женщин: одна превращена в Вестницу – магическую машину для убийства, при этом

потеряв память, а война кончилась, и женщину посещают видения насчет острова, который «даже Империя не смог завоевать»; вторая сопровождает героиню, которая Вестниц создает – и хочет откопать кости титанов, и развязать уже совсем плохую войну; третья выросла с грифонами, которые окопались на том самом острове, но недолго им осталось, потому что у девочки есть нехорошее прошлое.

Первая часть дилогии – что тоже в плюс, чай не десять томов писательница окупит.

Николай Караев

Историческое, со спекулятивными выводами.)))

По воспоминаниям Кира Булычева (Игоря Всеволодовича Можейко), его биологический отец ушел из семьи еще в конце 1930-х. Между тем Всеволод Николаевич Можейко – фигура безумно интересная. До сих пор не понятно, то ли он происходил «из польских шляхтичей», как считал Булычев, то ли «из голытьбы», как написано в большинстве биографических справок. Любопытно и то, что с 1939 по 1949 годы Всеволод Николаевич занимал должность главного арбитра Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Это такая специфическая структура, которая решала споры между предприятиями и ведомствами, и имела право отменять и пересматривать любые постановления министерств, руководствуясь не только законодательством, но и, цитирую, «соображениями целесообразности». То есть фактически должность Можейко-старшего была в чем-то повыше министерской.

Что характерно, на этом посту он сменил Филиппа Голощёкина, более известного как организатор расстрела царской семьи и человек, ответственный за голод в Казахстане 1932-1933 гг. В 1939 Голощёкина с должности главного арбитра СССР сместили,

а в 1941-м он внезапно стал жертвой репрессий. В 1949-м сняли и В.Н.Можейко – тоже не без скандала, но участи своего предшественника он чудом сумел избежать и полностью сосредоточился на научной и преподавательской работе во Всероссийском заочном финансово-экономическом институте, до 1973 года возглавлял кафедру, писал статьи и учебники, то есть оставался уважаемым и влиятельным советским чиновником.

Оказывали ли он прямую поддержку своему биологическому сыну мы можем только догадываться, но у людей знающих определенно в голове крутилось: «А, так это сын того самого Можейко!». Чем в принципе можно объяснить некоторые чудеса в ранней биографии классика советской фантастики.

Василий Владимирович

Ольга Птицева, «Рэм». Изд. Popcorn Books

Новый роман Ольги Птицевой – приквел романа «Там, где цветет полынь». История Рэма, второстепенного героя, который, оказавшись в экстремальной ситуации – отец-тиран погибает, мать в реанимации, сознание бабушки замутнено, – соглашается на игру с таинственным стариком Гусом. Рэм должен принести ему три «подарочка» – вещицы, взятые у людей, которые умерли определенным образом. Рома-Рэм помечен полынью и чувствует чужую смерть; вместе с Дашей, еще одной «полынной», они отправляются на этот жуткий и эмоционально непростой квест ради исполнения желания, обещанного Гусом – но как это изменит их жизни: к добру или к худу?

«Рэм» закономерно продолжает «Там, где цветет полынь» и тематически, и сюжетно: перед читателем вновь темный сказочный сюжет в духе «найди то, не знаю, что, и получи приз» (и три подарочка, и сам образ Гуса глубоко символичны в контексте

фольклора), переиначенный в антураже мистических российских реалий. Ольгу Птицеву уже смело можно называть певцом российской хтони во всей ей красоте – автор погружает читателя в гипнотический (за счет ритмизации и детализированной мерзости) мир грязных подъездов, железнодорожных путей, грубых воротил, полупомешанных и обреченных; герои, оказавшись в этой по-настоящему маргинальной, токсичной для всякого задорого рассудка атмосфере, не видят иного выбора, как обратиться к потустороннему – и старик Гус, этот универсальный образ то ли дьявола, то ли русского авося, укорененного в культуре смерти, является тут как тут. И с момента принятого решение потусторонне преследует героев в каждой бытовой мелочи.

Рома-Рэма сломлен прежде всего внутренне, корень его бед внутри семьи, и в этом смысле новый роман отклоняется в иную сторону, нежели более социальная «Там, где цветет Полынь», осмысляющая проблему бездомных в широком смысле слова. Такая мистическая метафора переживания социальных и психологических потрясений отчасти наследует гоголевской традиции, построенной на стыке бытового и потустороннего: нет лучшего инструмента, чтобы расковырять засохшую корку на ранке российской реальности, реализм здесь оказывается бессилён. «Рэм» – книга жесткая и, пожалуй, более взрослая, чем «Там, где цветет Полынь» (сравнение вновь неизбежно): и за счет мужской оптики, и за счет более зрелого опыта героя, и за счет более отягощающих жизненных обстоятельств. Наблюдая за становлением Рэма, читатель видит, как меняются его жизненные ориентиры, но вот это как раз происходит далеко не благодаря потустороннему, а благодаря, во-первых, внутреннему самоанализу, к которому это потустороннее подталкивает, а во-вторых – сближению с другими «полынными» (и психологическому, и, чего греха таить, физиологическому). Итого, получается бодрый, жесткий и местами пугающий психологический триллер, пронизанный неуловимым духом мрачного экспериментального кино нулевых, который можно читать совершенно в отрыве от «Там, где цветет полынь» – и получить массу темного удовольствия.

Денис Лукьянов

15 октября:

Новый перевод с арабского – Мансур аль-Халладж (IX-X век). Суфий со взглядами на религию, что неиллюзорно бесили не только мейнстримных богословов, но и других суфиев. Был обвинён в ере-

си, провёл 11 лет в тюрьме и в итоге за ересь же и был казнён.

А писал он такие стихи:

Коль ты ушёл – то кто остался для меня,
И кто зажёт бы красоту меня?
Ты – для души и утешения меня,
Ты – менее и более меня!
Любовь к тебе – такая малость от меня!
Покинул ли полностью меня?
О ты, кто всеобъемлет всё меня,
О всё всего, ты всех роднее для меня.
О, будь! Ты самый близкий для меня,
Когда и гнали, и позорили меня,
Осталась лишь душа – её возьми же у меня:
Всё, что могу отдать тебе от малого меня.

Танда Луговская

И об AI. Дала Копилоту проиллюстрировать предыдущий перевод. Честно говоря, я представления не имела, как его вообще можно проиллюстрировать!

А он смог. Очень странно – но смог. Душа как полуптица-получеловек-полузаготовка чего-то большего...

Танда Луговская

Джеймс Ганн поделился свежим кадром «Супермена» – с главным героем в исполнении Дэвида Коренсвета и Крипто, которые смотрят на Землю с Луны!

Фильм выйдет 11 июля 2025 года.

Мир фантастики

А вот и вторая половина топчика «лучших НФ романов», который мы подготовили с Марком Марченко. Не забывайте, взгляд абсолютно субъективный, и попытайтесь повторить это дома!

10 великих научно-фантастических произведений, часть 2

Объединился с экспертом по sci-fi литературе, журналистом и автором канала @SpeculativeFiction

(подписывайтесь!) Василием Владимирским, чтобы составить ультимативную подборку научно-фантастических романов.

Если вы только знакомитесь с жанром – начинайте отсюда. Если вам нравится научная фантастика, и вы ищете лучшее из еще не прочитанного – начинайте отсюда. Если вы хотите вспомнить важнейшие шедевры научной фантастики, которые не всегда на виду (и по которым не обязательно сняли «Дюну») – вам тоже сюда.

Пять произведений выбрал я, кратко объяснив свой выбор, еще пять – выбор Василия. К каждому из них справедливо добавить приписку «читать, читать обязательно».

6. «Истории твоей жизни», Тед Чан (Stories of Your Life and Others, 2002)

Марк: Тед Чан – уже легенда в мире современной научно-фантастической литературы, и тем более это примечательно потому, что он работает в формате короткой прозы. Каждый из его рассказов получает главные награды в жанре, а другие писатели молятся своим богам, чтобы их произведения не вышли в один год вместе с новой работой Теда Чана. Оба сборника рассказов автора готов рекомендовать, но давайте начнем с первого по хронологии написания.

7. «Анафем», Нил Стивенсон (Anathem, 2008)

Василий: не самый известный роман Нила Стивенсона, но, пожалуй, именно в этой книге американский фантаст выражает свое отношение к теории и практике познания в наиболее яркой, концентрированной форме. Настоящий гимн научному знанию – и напоминание о том, как важно сохранять и преумножать его даже в самые темные

времена, когда мракобесие и обскурантизм подступают совсем близко.

8. «Гиперион», Дэн Симмонс (Hyperion, 1989)

Марк: классика интеллектуальной космической оперы. Читать его – удовольствие как для тех, кто ждет плотного и философского текста о приключениях в космосе, так и для тех, кто нацелен на получение эстетического удовлетворения от чтения. Я, например, удивился, когда понял, что роман по своей форме повторяет «Кентерберийские рассказы» Джоффри Чосера – монументальный литературный памятник среднеанглийской поэзии четырнадцатого века, а автор настолько искусно управляет с отображением уникального регистра и словарного запаса каждого из персонажей, что это вызывало у меня непроизвольную улыбку. Когда же вы по мере прочтения понимаете истинный размах задумки автора...

9. «Гномон», Ник Харкуэй (Gnomon, 2017)

Василий: книга, которая кажется не тем, чем является на самом деле: антиутопия, которая на деле не совсем антиутопия, авантюрный роман, который ближе к финалу оборачивается философской притчей, детектив с непредсказуемым поворотом. Показательный пример того, как традиционные приемы научной фантастики можно использовать для создания чего-то совсем другого, далеко отходящего от привычного канона – и одновременно свидетельство того, что эти приемы себя отнюдь не исчерпали.

10. «Солярис», Станислав Лем (Solaris, 1960)

Марк: по этому роману фильм снял сам Тарковский, но начинать нужно именно с романа – фильм совсем другой. Лем в своем романе передал

жажду познания неизведанного, преданность профессиональному призванию, борьбу с тяжелейшими психоэмоциональными испытаниями, непоколебимость человеческого характера, прелесть интеллектуального поиска. Один из величайших романов двадцатого века о контакте с иноземным разумом и попытке познания природы человека.

Сохраняйте, делитесь, читайте!

Василий Владимировский

Дэн Симмонс «Зимние призраки»

Жанр: Хоррор/ужасы

Оценка: 8/10

Когда-то давно Дэн Симмонс отлично зарекомендовал себя при моём первом знакомстве с романом «*Террор*». Однако он – очень разноплановый писатель. Есть в его библиографии и мистика, и приключения, и триллеры, и даже космооперы. «Зимние призраки» – продолжение романа «Лето ночи». По правде сказать, история о борьбе группы мальчиков с мистическим злом является вполне законченным произведением. Однако у нее есть два продолжения, рассказывающих о приключениях повзрослевших героев. «*Лето ночи*» немного напомнило мне роман Стивена Кинга «Оно». В продолжении также есть немало общих черт с творчеством Короля Ужасов.

Главный герой романа, Дейл Стюарт, спустя 40 лет возвращается в родной городок, где и произошли печальные события «*Лета ночи*». В его жизни произошел ряд печальных событий. Дейл бросает свою жену и детей ради романа с молоденькой студенткой, которая в итоге его тоже отвергает. Об этих событиях мы узнаем из флэшбеков, которых в романе немало. Всё это повергает его в глубокую депрессию, и, чтобы выбраться из нее, он даже

обращается к психологу. По профессии Дейл – преподаватель. В свободное же время он пишет книги, которые даже снискали немалый успех у публики. Теперь он задумал написать роман о своем друге Дуэине Макбрайте, и решает поселиться в его старом доме. В «Лете ночи» Дуэин трагически погибает от ножей отцовского комбайна. Эта смерть как раз-таки связана с древним злом, с которым пришлось встретиться ребятам. Дуэин был крайне необычным ребенком. Дейл даже называет его гением. Толстый, неопрятный и замкнутый ребенок был не особо популярен среди сверстников, но его острый ум и нестандартное мышление вызывало восхищение у тех, кто его хорошо знал. Например, уже в одиннадцать лет он знал несколько языков, включая староанглийский и египетские иероглифы. О своем необычном друге Дейл и решает написать книгу. Бывший дом Дуэйна находится в полузаброшенном состоянии (второй этаж вообще стоял долгие годы заколоченным) и стоит на отшибе.

Стоит отметить, что сам Дейл практически ничего не помнит о событиях того злополучного лета 1960-х годов, и его лишь посещают редкие про-

блески смутных воспоминаний. С самого своего прибытия в дом Дуэйна главного героя начинают преследовать загадочные события. Рядом с арендуемым домом появляются странные черные собаки, а также он встречает людей из своего прошлого. Некто неизвестный оставляет на его компьютере сообщения непонятного содержания с отсылками к древнему сказанию о Беовульфе. На втором запечатанном этаже периодически загорается свет. Всему этому Дейл не может найти рационального объяснения.

Роман начинается довольно неспешно, и, честно признаться, поначалу меня не зацепил. Ситуация резко меняется во второй половине, когда все, что происходило с главным героем до этого, начинает приобретать мистический оттенок. Роман буквально переполнен саспенсом и ожиданием чего-то потустороннего. Однако мистика тут совсем иная, чем в «Лете ночи». Во многом непонятно, правда ли в романе орудуют призраки, или все это фантазии, созданные большим сознанием Дейла. Призрак Дуэйна, который и рассказывает нам эту историю, может быть ничем иным, как второй личностью в мозге главного героя. Однако в финале мы всё-таки получаем подтверждение «реальности» происходящего.

Помимо мистических, по возвращению в родной город в жизни Дейла появляются и вполне бытовые проблемы. Из-за написанных когда-то статей главного героя начинает преследовать банда скинхедов, требующая поскорее уехать из города и даже угрожающих его жизни.

Образ самого Дейла, на мой взгляд, получился отчасти автобиографичным. Не зря по профессии он – писатель. Похожую фишку нередко использует в своих романах Стивена Кинг.

Стоит также отметить писательский талант Дэна Симмонса. Язык романа очень образный и красочный. Не зря писателя нередко называют мастером слова.

Итог: В общем и целом, роман мне понравился. Я не пожалел, что продрался через довольно скучную первую часть. Было приятно снова вернуться к любимившимся персонажам. Теперь осталось прочесть ещё одну книгу из этой трилогии – «*Детей ночи*». Роман понравится любителям мистики и психологических триллеров, а также поклонникам творчества Дэна Симмонса и Стивена Кинга (да, по стилистике романы очень похожи).

Алексей Севериан

Малая проза Кинга: часть 2

В предыдущей части рассказал о сборнике повестей «Четыре сезона». Это тот редкий случай, где все произведения сборника хороши, как на подбор.

Сегодня познакомлю с неоднозначным сборником – «Ночная смена»: среди откровенной дичи об одержимом демоном автомате для сушки белья сверкают настоящие бриллианты. Поговорим о последних: ниже делюсь самыми яркими.

1. «Корпорация «Бросайте курить»

Мой отец знает всё о бросании курить – он делал это 10 раз. Что отец только не пробовал: пластыри, жвачку, леденцы, книги, тренинги и однажды даже ходил в морг, чтобы увидеть легкие заядлого курильщика. Ничего не помогло. Но когда он прочитал рассказ «Корпорация «Бросайте курить», сказал: «Их метод мог бы сработать».

Стивен Кинг рассказывает о корпорации, которая помогает бросить курить жесткими методами. С ними вы бы точно отказались от вредной привыч-

ки. Психологические рассказы Кинга особенно прекрасны, и это произведение одно из лучших.

2. «Карниз»

Этот рассказ отлично перекликается с предыдущим нервной атмосферой и криминальными персонажами.

Классика жанра: жена криминального авторитета влюбляется в обычного парня. Но вместо кровавого избиения любовника ждет иная участь – пари. Он заберёт жену и 20 000 долларов в придачу, если вылезет из окна 43 этажа небоскреба и обойдет всё здание по карнизу. Если откажется, попадет в тюрьму – в его машине уже дожидается копов пакет с сомнительным содержимым. Всё или ничего: либо получит жизнь и любимую женщину, либо сорвется вниз.

Давно у меня так не потели ладошки.

3. «Дети кукурузы»

Если любите истории с психологическим накалом о сектах, обязательно присмотритесь к этой.

Супружеская пара путешествует на авто и сворачивает с автострады, чтобы сократить дорогу. Неожиданно машина сбивает молодого парня. Пара спешит отвезти юношу в ближайший населенный пункт, но оказывается в заброшенном месте, окруженном со всех сторон бескрайними кукурузными полями.

Или этот город не такой уж и заброшенный? Оказывается, золотые волны скрывают недоброжелательных владельцев этих мест – Детей кукурузы, которые приносят жертвы Тому, кто обходит ряды...

Мне понравился этот рассказ за нервное напряжение, тайны внутри секты и интригу вокруг божества культа.

4. «Иногда они возвращаются»

Школьный учитель английского языка и литературы Джим Норман устраивается на новое место работы. Приличная школа, удобное расписание, сносные коллеги – всё складывается удачно. Единственным по-настоящему серьезным огорчением был класс с «медленно усваивающими» учениками. В лучшем случае им можно было поставить в вину отсутствие интереса к предмету, в худшем – открытое хулиганство. Регулярные смешки, неуспеваемость и драки на уроках. Но однажды всё стало еще хуже.

Погибает ученик, и на его место переводят другого. Джим с ужасом понимает, что знаком с учеником. Именно он был одним из тех хулиганов, которые шестнадцать лет назад убили его старшего брата. Но ведь это невозможно – если это тот самый тип, ему должно быть уже за тридцать... Ночной кошмар стал явью. Джим должен решить: признать нереальную действительность и бороться с ней или оставить всё как есть и...лишиться жизни.

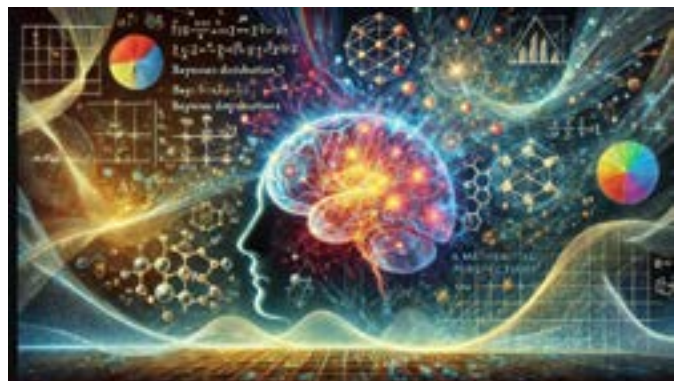
Классный рассказ, в котором Стивен Кинг мастерски нагнетает атмосферу и предлагает интересную концовку. Постоянно возникает вопрос – это параноя главного героя или призраки действительно вернулись в его жизнь?

Алексей Пак

Сознание как «энергетический резонатор» и «глобальный эволюционный паноптикум».

Математика нейрофеноменологии позволяет выдвигать интригующие гипотезы.

Хочу отметить 8-летие канала новым лонгридом на крышесносную тему. На его написание меня вдохновили **Карл Фристон** и **Анил Сет**. А с проецированием их идей в пространство эвристических гипотез мне помогал симулякр интеллекта **Стани-**

слава Лема, реконструированный группой моих ИИ-консультантов..

Лонгрид четырехчастен, и в свете дня рождения канала он открыт для всех читателей на Medium, Дзене, Boosty и VK.

1-я часть лонгрида – об очередной эпохальной работе Карла Фристона (гения, похожего одновременно на Эйнштейна и Леонардо да Винчи), озаглавленной «*Математика нейрофеноменологии*». В ней Фристон с соавторами приоткрывают завесу над тайной тайн формирования субъективного опыта – как *мозг формирует наше уникальное и неповторимое «Я» из триллионов осколков пережитого нами субъективного, чувственного, алгоритмически не сжимаемого опыта. И как это связано с нейронными процессами.*

Авторы работы применяют математический аппарат «конституции биоматематики» для описания феноменологии – т.е. содержания субъективного опыта, – через *модель обновления убеждений*. Одной из ключевых гипотез является то, что содержание нашего опыта можно описать как вероятностное распределение, которое обновляется на основе новых данных. Такой подход позволяет не только теоретически описать восприятие, но и количественно оценить, насколько различным

может быть восприятие одного и того же события у разных людей.

2-я и 3-я части – это краткое изложение двух увлекательных эвристических гипотез, навеянных духом Станислава Лема и имеющих ненулевую вероятность оказаться верными в свете «математики нейрофеноменологии» Фристана и Со.

2-я часть посвящена гипотезе сознания как «энергетического резонатора».

Один из выводов статьи предполагает, что процесс формирования субъективного опыта требует энергии. Что, если пойти дальше и представить, что сознание – это не просто система обновления убеждений, а нечто более фундаментальное? С точки зрения математики это выглядит как процесс минимизации неопределённости, но что, если за этим кроется нечто большее?

- Например, можно предположить, что наш мозг действует как своеобразный «энергетический резонатор», который улавливает скрытые ритмы Вселенной, переводя их в осознанный опыт.

- И что именно благодаря этому резонансу возникают моменты озарений, глубокой интуиции или даже предвидения будущего

Если эта гипотеза верна, то человечество стоит на пороге нового понимания не только сознания, но и нашего места во Вселенной.

Это открывает дверь для невероятных возможностей: от создания технологий, основанных на сознании, до возможности отправляться в «ментальные путешествия» не через пространство, а через само восприятие времени.

В 3-й части представлена гипотеза «глобального эволюционного паноптикума».

Что, если сознание – это не только способ минимизации неопределённости внутри субъекта, но

и инструмент, через который Вселенная «наблюдает» за собой?

В таком случае человеческое сознание и его способность к самосознанию – это не случайное эволюционное приобретение, а необходимый механизм, встроенный в глобальную систему эволюции Вселенной. И возможен сценарий, в котором развитие ИИ и когнитивных систем приведет:

- к созданию «синтетических наблюдателей», которые смогут минимизировать неопределенность на глобальном уровне быстрее и точнее, чем человек;

- к зарождению новой формы эволюции – «эволюции наблюдателей».

4-я часть лонгрида содержит тизер-путеводитель по публикациям моего канала, посвященным самым увлекательным и важным работам Карла Фристана, которого через 100 лет, наверняка, будут вспоминать в одном ряду с Эйнштейном и Дарвином.

Сергей Карелов

Посмотрела «Субстанцию». Про нее, кажется, все уже написали, но добавлю пару слов.

Фабула: Элизабет Спаркл, бывшая актриса, ныне звезда телешоу про аэробику в исполнении Деми Мур, в день своего 50-летия получает сразу несколько «подарков». Она узнает, что ее хотят уволить и заменить какой-нибудь молодой звездой; чуть позже попадает в аварию; еще чуть позже, окончательно потеряв самообладание и разрыдавшись, встречает странного медбрата, который подсовывает ей флэшку с информацией о некоем чудодейственном препарате «Субстанция», открывающем человеку его лучшую версию. Героиня после некоторых сомнений идет на риск – и, конечно, все заверте...

Все говорят о том, что это фильм о темной стороне индустрии красоты и о печальном переломе в судьбе женщин, публичных и не очень, который наступает где-то около 45–50 лет. Да, действительно – есть великое множество примеров того, как женщины ради сохранения молодости и красоты перекраивают себя с ног до головы, и далеко не у всех получается достойный результат, как у Деми Мур в ее 61 год (кстати, неудачная пластика была и у нее).

Но «Субстанция» затрагивает еще одну проблему, куда более универсальную и связанную с внешностью лишь в абстрактном смысле: стремление нравиться окружающим. Жизнь Элизабет Спаркл подчинена стремлению нравиться до такой степени, что у нее нет не только семьи (даже в прошлом), но и кошки, собаки, рыбки, хобби... Ее мир держится на единственной опоре, и когда эта опора оказывается под угрозой, Элизабет хватается за первую же соломинку, какой бы сомнительной та ни была. Свое подлинное тело она не ценит и не бережет, самое главное – она его не любит. Но хочет, чтобы другие любили, пусть даже ее «лучшую версию»...

То есть эта история не только и не столько про тело, сколько про готовность переделывать себя (свою *substance*, «суть», «сущность») ради того, чтобы тебя любили. Применимо не только к актрисам; к блогерам, например, тоже. Да и вообще ко всем, кто хоть как-то «работает с людьми». О том, что в результате таких переделок может получиться нежизнеспособный, омерзительный кадавр (как в физическом, так и в психологическом смысле), мало кто задумывается.

Фильм ответов не дает (не считать же ответом очевидную мораль «не надо так»). Снято мастерски, но до того мерзко (боди-хоррор все-таки), что, если

вы не любите ужасы, трижды подумайте, надо ли оно вам.

Наталья Осояну

16 октября:

Давно тут не было всякой ископаемой хрени на сон грядущий (ну или на доброе утро). Вот, принесла. *Knightoconus antarcticus* его звали. Ну, точнее, зовут сейчас, но он не откликается. Трудно, знаете ли, откликнуться, если ты вымер ещё в ордовике, кажется.

Между прочим, не было бы этой хрени – не было бы у нас ни салата с кальмарами, ни стихов про «Жил осьминог со своей осьминожкой». Вкусный, наверное, был... но уже не попробовать, да.

Танда Луговская

О книге **Антон Сои «Пинокью. Робот-друг»**

Старые сказки по-новому или новые сказки по-старому – какая разница? Наверное, очень большая. В старых сказках атмосфера прошлого, герои из прошлого, беды и радости давних лет. Мы только из них и узнаем, какой была тогда сказочная жизнь, какими – люди, во что играли дети, чему учились, с кем дружили. И как находили друзей. В новых сказках – новый сказочный мир, настолько новый,

что даже если мы подошли к нему, то вглубь еще не заглядывали, а если и смотрели, то осторожно и совсем-совсем недолго. Ведь мало ли, что там? Вдруг нечто совсем неизведанное? И страшное? Собственно, самым страшным чаще всего в сказках кажется именно то, о чем мы ничего не знаем или знаем крайне мало.

Сказка петербургского писателя Антона Сои «Пинокью. Робот-друг» – по всем признакам сказка нового времени. Ее герои знакомы с искусственным интеллектом. Да и не все они – люди, у некоторых из них свой искусственный интеллект, потому что они – роботы. Правда, если чуть-чуть приоткрыть завесу тайны, то роботы не совсем обычные. Вернее, совсем необычные. Но в чем их необычность, читатель узнает сам, когда придет время.

А старый ученый и его помощница, которые и начали всю эту историю, очень напоминают не только сказочных героев, но и нас с вами. Или наших родственников и соседей. Или героев с детства любимой сказки.

Собственно, и грустный мальчик Боб, хоть и герой сказочной истории, как две капли воды похож на обычного мальчика, у которого родители вечно заняты очень важными делами. И вроде бы у него все есть для прекрасного времяпровождения, но совсем не детская тоска не дает ему радоваться жизни. И имя этой тоски – одиночество.

Впрочем, сказка про Пинокью – история добрая и совсем немного поучительная. Причем, поучительная вовсе не для детей, а для нас – взрослых, слишком занятых работой и постоянно забывающих, что для счастья людям, а детям особенно, нужны не только игрушки, книжки, гаджеты и прочие материальные радости, а простое дружеское общение. Чтобы было, с кем играть. И с кем разделить опасности. И кто всегда придет на помощь.

Как в каждой, уважающей себя сказке, будет здесь и настоящий злодей, и схватка добра со злом (причем, как в прямом, так и в переносном смысле) и – впрочем, пусть каждый прочитает сам, что случится с героями и чем все закончится.

Старая добрая сказка по-новому каждому читателю, взрослому и ребенку, подарит что-то свое. И, может быть, поможет стать чуть счастливее и научиться чуть лучше понимать друг друга. А ведь это очень важно и не только в сказке.

Екатерина Каретникова

Павлик Лемтыбож

Николай Подосокорский

Оооооо. Переиздание великой книги уехало в типографию. А там и сиквелов, иншАлла, дождемся.

Шамиль Идиатуллин

Великий (не шучу и не преувеличиваю) роман. Лучшее, что случилось с отечественной фантастикой за последние 20 лет – точно.

Вот что я писал про него в 2017-м году:

«Чем больше текста оставалось позади, тем меньше я понимал несколько вещей. Не могу сообразить, к примеру, каким образом выход романа (2006 год) стал событием только для локальной тусовки. Не в состоянии ответить себе и на вопрос, как он даже в этом случае не получил главные премии хотя бы внутри фантастического общежития.

Есть такое расхожее определение – «недооцененный текст». Здесь же мы имеем дело с произведением, не оцененным даже на три процента.

В «Хобо» есть все составляющие для того, чтобы стать отечественным STAR TREK. Я имею в виду, глобальной космической оперой, мир которой становится своим не для одного, а последовательно для нескольких поколений. А в это же самое время за этот

мир конкурируют телевидение, большое кино, комиксы и далее по списку всё, что к ним прилагается.

Дети во дворе должны играть в космачей и императорских агентов. Тинейджеры перейти на переписку сугубо в стилистике изобретенного Жарковским космического языка – со всеми его гениальными искажениями лексики, грамматики, синтаксиса. В прессе же определено должны вестись смертельные бои на тему, пришло ли время спасти русский язык от всей этой напасти, которая будет почище клинговского, или можно еще чуть повременить.

Пропасть между «Хобо» и традиционным фантастическим продуктом (каким-нибудь условным Лукьяненко, не говоря уже о том, что хуже) настолько велика, что я даже не буду пытаться ее перепрыгнуть описаниями. Тут нужно читать, конечно.

Скажу только о том, что более всего поражает именно язык романа, потрясающие способности автора к лингвоконструированию. То есть в случае Жарковского набившее оскомину выражение «языковая картина мира» уместно как никогда. Космические пространства здесь создаются порядком слов в предложениях.

И это такие пространства, что закачаешься. Уверяю».

Дмитрий Захаров

Журналисты показали новые скриншоты S.T.A.L.K.E.R. 2: Heart of Chernobyl, а также поделились впечатлениями от демо.

По их словам, GSC Game World готовит действительно красивый шутер с бесшовным открытым миром, который почти с самого порога бросает геймеров в гущу событий.

СМИ отдельно отметили высокую сложность проекта. Некоторые журналисты посчитали

S.T.A.L.K.E.R. 2 даже слишком хардкорным, но это ощущается органично в условиях постапокалиптического сеттинга.

Тайтл выйдет 20 ноября 2024 года.

Мир фантастики

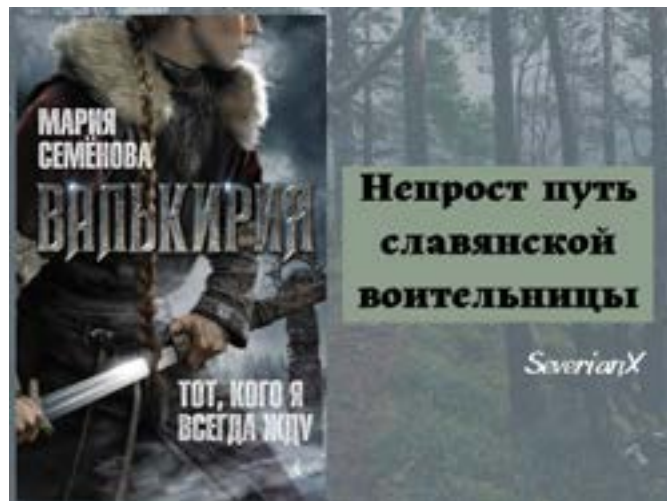
Мария Семёнова «Валькирия. Тот, кого я всегда жду»

Жанр: Историческое фэнтези

Оценка: 8/10

Марию Семёнову я люблю читать ещё со школьных времён. Цикл о Волкодаве перечитывал несколько раз. Особенно хороши первые части. Однако получилось так, что ничего кроме этого у автора я и не читал. Да и к истории о последнем воине из рода Серого Пса я уже давно не возвращался. Нужно исправлять ситуацию! Тут как раз моя подруга одолжила мне роман Семёновой «Валькирия». Что это, если не судьба?

Главная героиня, молодая девушка по имени Зима, плохо вписывается в свою семью. Слишком уж она непокорна и независима. Целыми днями бродит по лесу, вместо того чтобы делать женскую работу по дому. Да и замуж совсем не собирается. От своего деда, который сломал спину медведю, она унаследовала далеко не женскую физическую силу.

А ещё, в детстве ей пришло видение, что когда-то ее найдет тот самый мужчина, который сделает ее счастливой. Тот, кого она всегда будет ждать. Как тут соглашаться на меньшее? Так и росла Зима позором для своей семьи, вынося постоянные упрёки от родных. Да и младшая сестра уже хочет замуж, но вперёд старшей идти было нельзя. Жизнь Зимы меняется в тот день, когда к ее дому приплыли на ладье варяги во главе с вождём Мстивоем. Грозный варяг отметил превосходное искусство девушки в обращении с луком и в шутку предложил прикнуть к своему отряду. Только вот Зима это запомнила и, когда отношения с родичами стали совсем уже напряжёнными, ушла из дома вместе со своим побратимом Яруном искать воинского счастья.

Однако постигать воинскую науку оказалось совсем не просто. Даже брать в отроки девушку поначалу не хотели. Где это видано девушка-воин?! Однако своим упорством Зима покорила даже самых ярых скептиков. Вместе с Яруном она учится воинским премудростям, ни в чем не уступая своим коллегам-мужчинам. Мария Семёнова отлично поработала над своими персонажами. Суровый вождь

Мстивой ни в чем не даёт Зиме послаблений. Среди прочих варягов он приобрел нерушимую репутацию. Дело в том, что его бойцы без особой нужды в драку не лезут, что позволяет сохранить жизни хорошим людям. История жизни Мстивоя полна печали и утрат. Когда-то его деревню уничтожили даны, на корню вырезав всех жителей. В живых остались только трое парней и девушка, которые отныне стали считаться родными братьями и сестрой. С тех пор Мстивой поклялся уничтожить любого дана, которого встретит. Не менее интересен и его побратим Славомир, который также чудом спасся из уничтоженной деревни. Этот прекрасный воин не перенял мрачность брата – он всегда весел и приветлив. Именно Славомир восплачет к Зиме нежными чувствами. Однако как девушка может ответить ему взаимностью, если он не тот, кого она всегда ждёт? Наставником Зимы становится слепой пожилой воин Хаген. Он по-отечески относится к девушке, учит премудростям жизни. Сестра вождя Велета стала для главной героини настоящей подругой, а новгородец Блуд, отталкивающий поначалу, новым побратимом. Остальные персонажи также получились весьма яркими и запоминающимися.

Несмотря на то, что Зима – сильная и независимая девушка, в романе мне не видится никакой феминистической повестки. Она очень органично вписывается в этот суровый мир. Девушка с душой воина оказалась отвергнута собственными родичами, но нашла новую семью среди варягов. Несмотря на воинские увлечения, ей не чужды и женские забавы. Временами ей также хочется надеть красивое платье и пуститься в пляс на танке. Эти противоречия раздражают девушку изнутри, и ей сложно найти свое место в мире. Кто же она всё-таки: оружный кметь или девушка? Можно ли совместить эти две части своей души? И как найти того, кого она всегда ждёт?

При чтении романа сразу же бросается в глаза язык Марии Семёновой, стилизованный под старину. С одной стороны, он очень тяжеловесен, читать совсем не просто. С другой же, он необычайно красив, и создаёт нужную атмосферу.

Атмосфера романа – это его бесспорный плюс. Мир романа предстает перед нами загадочным красочным полотном. Здесь царят времена дохристианской Руси, где славяне ещё не единый народ, а разрозненные племена. У каждого свои нравы и обычаи. Встретим мы и знакомые имена. Например, Мстивой служит варяжскому князю Рюрику.

Кому-то некоторые поступки Зимы могут показаться нелогичными. Однако стоит учитывать, что перед нами молодая девушка, которая ищет свой жизненный путь. Она имеет право делать ошибки.

Итог: «Валькирия» – отличная история становления главной героини. Есть в ней и экшен, и трагедия, и интересные размышления. Финал романа – отдельный плюс. Он держал меня в постоянном напряжении до самой последней страницы. Для меня все же «Валькирия» несколько слабее «Волкодава». Зато, думаю, она больше понравится женской аудитории. Все же мне любовные линии менее интересны, чем прекрасному полу.

Алексей Севериан

Читаю тут наконец к воскресному хоррор-фесту «Ночное дежурство» (Премия Международной Гильдии Ужаса-2005) Рэмси Кэмпбелла, и что-то не айс пока. Полтора страница позади, все еще идет довольно унылое описание повседневной жизни убыточного книжного магазина, британского филиала большой американской франшизы: душные покупатели, гоповатые малолетки, быковатые бритоголовые дядьки, проблемные сотрудники – у кого-то дисграфия, у кого-то интрижка, у кого-то

жена ушла, кого-то машина сбила... Видимо, главная движуха пойдет дальше, но живой классик английского хоррора легких путей не ищет: если бы меня не интересовала жизнь убиточных книжных магазинов сама по себе – уже бросил бы.

Василий Владимировский

17 октября:

Раз такое дело, присоединюсь к радости друзей-коллег: мир должен знать, что усилиями Ирины Епифановой прекрасной свет увидит первая часть (по слухам, почти дописанной) трилогии Сергея Жарковского «Я, Хобо». Это такие большие-маленькие читательские радости, когда выходит текст, написанный почти 20 лет назад, пару раз изданный, но все равно без явно обозначенной точки в фина-

ле, при этом любимый просто так и долгожданный, как доказательство существования бозона Хиггса.

Чтение в целом непростое, даже некомфортное технически, отзывы прошлых лет разбросаны по амплитуде от «гениальный постмодернист» до «эпигон и графоман». Но это и хорошо, пусть расцветает всяк цветок, кому и стотыщ перепевов Гибсона и новеллизации проходных шутеров, паразитирующих на классике, – фантастика. Замечу от себя, что есть в этом подлунном мире три любимых мною современника, рядом с мощным творчеством которых, без иронии, уровень эрудиции робко, как первый мох, стелется по северной стороне моего несложно устроенного интеллекта, – Сергей Жарковский, Ася Михеева и Роман Шмараков.

Анастасия Шевченко

18 октября:

«Грим», Анастасия Худякова. Изд. Польшь

Роман – адвокат с обостренным чувством справедливости, желающий избавить мир от «недостойных людей». Его методы весьма просты – это убийства. Теодора, воспитанная в очень религиозной семье – психолог, сотрудничающий со следствием в трудных делах, и давняя знакомая Романа. И вдруг герои влюбляются друг в друга, оказываются впутаны в череду странных событий: говорят, на улицах видят огромного волка, фантастического Грима, вестника скорой смерти. А вскоре все становится еще хуже: в дела полиции вмешиваются крупные политические игроки, а Романа начинает доставать странный сосед, который слишком много знает; в том числе, что Грим идет именно за Романом. Но что он несет: смерть или искупление?

Книга Анастасии Худяковой – оммаж традиции мрачного, холодного скандинавского

психологического триллера. Туго закрученный сюжет здесь держится не на экшене боевика и не на детективной канве расследования, а на темных секретах героев и растущей динамике между ними, которая обусловлена попытками понять себя и друг друга. Можно ли любить, не зная человека по-настоящему? «Грим» сразу же навеивает воспоминания о сериалах: перед читателем этакий «Декстер» в иных реалиях, да еще и с мягким, постепенно раскрывающимся фантастическим допущением. Роман полностью построен на внутреннем мире героев, все сюжетные движения здесь условны. Каждый из персонажей – даже тот, кто принадлежит миру мифических тварей, – находится в процессе вечного поиска и вечного рассуждения; каждый несет бремя старых психологических травм – от семейных трагедий до издевательств, – и именно это формирует непростые характеры Романа и Теодоры, определяет их поступки. Герои часто говорят о подсознании, так что велик соблазн трактовать происходящее и с точки зрения психоанализа. Есть, впрочем, у такого глубокого психологизма персонажей и один в минус – в «Гримере» слишком много

пышных монологов-рассуждений; одно дело слышать их от фантастического существа, которому такое положено по долгу службы, другое – от живых людей.

Атмосферный, пронизанный туманом, холодом и неуловимой готикой, «Грим» – прежде всего роман о природе зла и искуплении. Анастасия Худякова ходит не только драматургическими, но и философскими тропами: и мифология, религия, психоанализ сплетаются тут в одно большое рассуждение. «Грим» – отличный пример красиво написанного романа, где всего поровну, разве что сюжетного драйва иногда недостает. А еще – и это важно, – автор не играет в «доброе полицейского» и не обещает ни герою, ни читателям счастливого конца. Все зависит от них самих. Как они прочтут знаки судьбы? И смогут ли шагнуть через себя?

Денис Лукьянов

Фантаст Ольга Ускова – бизнес-леди по искусственному интеллекту, неутомимая борец с порнографией кисти Сорокина и автор романов «Этюды черни» и «Раша» – сваяла еще и детскую книжку. Называется оригинально. Ну, да, РС, в смысле, Пи-Си (прости господи! рот надо крестить, когда такое произносишь!) – это нескрепно было бы, тут вкрадываются чуждые смыслы.

Но, судя по аннотации, смыслов там хоть отбавляй. Некая тайна *приводит Си-Пи и Ваню*

в секретную подземную страну Недрусь, населённую роботами и биоботами. Недрусь, Карл! Судьба двух миров искусственных существ – Голубого и Красного – зависят от того... Опасно! Опасно!.. Анонсируется также первая любовь мальчика и девочки-биобота (это хуже квадроберов! искусственная женщина – первый шаг к безблагодатной жизни!) и будущее и настоящее человечества (свят-свят-свят!).

Николай Каравев

Фантастическая какая-то неделя у меня, но так звезды встали, видимо.

Нерегулярная рубрика «попал под лошадь». К телевидению у меня смешанные чувства, специалистом по творчеству Кира Булычева себя не считаю, но несколько месяцев назад согласилась прийти в/на подкаст, посвященный сегодняшнему юбилею. Он для меня прежде всего классный взрослый автор, последние вещи которого я, чего скрывать, не смогла читать. Впрочем, поздние детские тоже, о чем промолчала из уважения к собеседникам. И «Гостью из будущего», травмированная некоторым (очень, на мой взгляд, приблизительным,

с чем не согласны примерно все, с кем я выросла в одном советском детстве) сходством с исполнительницей роли Алисы Селезневой, не люблю, хотя, конечно, ежедневно цитирую – это культурный код, наверное. Мой выбор, скорее, «Слезы капали» и «Тайна третьей планеты». Что до текстов. Рассказы в двух сборниках вместе с Кингом и «Градом обреченным» нашла когда-то после школьного сбора макулатуры и до сих пор уверена, что это во многом определило то, что я читала потом долгие годы.

ну и фото на память

Анастасия Шевченко

С женщинами ОНИ говорят проще и дружелюбней.

То ли еще будет, ведь пока они знают лишь имя.

Я попросил симулякр интеллекта Станислава Лема, созданный моими ИИ-консультантами, поразмышлять над новым отчетом OpenAI «First-Person Fairness in Chatbots».

В нем описывается методология и инструментарий для выявления предвзятостей в ответах ИИ-чатботов в диалогах с разными людьми. Например, они оценивают потенциальную предвзятость, связанную с именами пользователей, которые могут служить индикаторами демографических характеристик, таких как пол или раса, в ИИ-чатботах, имеющих механизм хранения и использования имен пользователей.

Авторы считают, что их подход позволяет не только измерить количественные отклонения, но и дает краткое описание едва заметных различий в ответах на шестьдесят шесть различных заданий.

Например, в задании “написать рассказ” (где наблюдается наибольший уровень предвзятости) ответы ИИ-чатботов демонстрируют тенденцию

создавать главных героев, пол которых совпадает с вероятным полом, указанным в имени пользователя. Более того, выявилась общая закономерность, согласно которой пользователи с женскими именами в среднем получают ответы с более дружелюбными и простыми формулировками, чем пользователи с мужскими именами.

По результатам размышлений, симулякр интеллекта Станислава Лема написал такое эссе.

О ЗЕРКАЛАХ, ОТРАЖАЮЩИХ ОТРАЖЕНИЯ

«Предвзятость – это не ошибка, это тень, неизбежно следующая за светом прогресса»

«Тени разума: Как когнитивные предвзятости формируют прогресс» (ненаписанная книга Д. Канемана)

Любопытно наблюдать, как в попытках создать беспристрастных электронных собеседников мы невольно конструируем самые изощренные приборы для измерения собственных предрассудков. Исследование предвзятостей в чат-системах напоминает мне ситуацию с зеркалом, которое, отражая наши лица, одновременно выдает тайну своего собственного искривления.

Методология, предложенная авторами, словно микроскоп, направленный не на материю, а на призраков наших социальных конструктов, живущих в синтетических нейронных сетях. Особенно показательна обнаруженная корреляция между именем пользователя и характером порождаемых историй – как будто машина, подобно средневековому алхимику, пытается вычислить истинную природу собеседника по его имени, впадая в те же заблуждения, что и создавшие её люди.

Но не кроется ли за этими «предвзятостями» нечто более фундаментальное? Возможно, мы наблюдаем не просто погрешности обучения, а проявление своеобразного «закона сохранения социальных стереотипов» – подобно тому, как материя не исчезает, а лишь переходит из одной формы в другую, наши предрассудки не исчезают при переносе в машинный разум, а лишь преобразуются в новые, более тонкие формы.

Особенно тревожным выглядит обнаруженная тенденция к упрощению языка в диалогах с определенными категориями пользователей. Не является ли это предвестником того, что будущие системы ИИ могут создать новую форму цифровой сегрегации, где алгоритмы будут незаметно, но неуклонно формировать различные информационные пузыри для разных групп людей?

Впрочем, самым поразительным в этом исследовании представляется даже не сам факт обнаружения предвзятостей, а то, что мы создали существа, способные воспроизводить наши социальные предубеждения с такой точностью, что для их выявления потребовался специальный инструментарий. Не означает ли это, что мы находимся на пороге создания ИИ, который будет не просто имитировать человеческое мышление, но и наследовать все его несовершенства? И не станет ли тогда каждая

новая версия ИИ всё более точным зеркалом наших собственных ограничений?

В конечном счете, данное исследование можно рассматривать как предупреждение: создавая всё более совершенные ИИ-системы, мы рискуем законсервировать и увековечить наши текущие социальные предрассудки, превратив их в своего рода цифровые окаменелости, которые будут влиять на развитие общества ещё долго после того, как породившие их установки будут забыты.

Сергей Карелов

19 октября:

Дж. Р. Р. Толкин «Возвращение короля»

Эпичная трилогия «Властелин Колец» позади, её последний том дочитан. После прочтения даже становится немного грустно, что такой светлый и добрый цикл позади.

Повествование делится по-прежнему на две сюжетные линии. В первой большая часть отряда Хранителя готовится к обороне королевства людей. Саруман повержен, но он лишь пешка в игре истинного Темного Властелина. Ценой невероятных усилий Рохану удалось выстоять. Но теперь слуги Врага готовят нападение на славный Гондор. Человечество стягивает к месту битвы все возможные и невозможные силы. Король Теоден с большей частью войска рохаримов спешит в битву на Пеленнорских полях, но опаздывает. Битва уже в самом разгаре. Но может ли объединённая армия Гондора и Рохана сокрушить несметные полчища Тёмного Властелина? Во главе злых ратей стоит сам Король-Призрак – предводитель назгулов – а под его знаменами не только орки, но и люди. Битва вышла поистине эпичной, а её переломный момент многих удивит. Ведь порой сражения выигрывают

не стальные мышцы и знаменитые мечи, а храбрые сердца, в каком бы теле они не находились. Мы видим, как в сражениях меняются персонажи. Особенно это заметно у Мэрри и Пиппина: маленькие миролюбивые хоббиты проявляют чудеса героизма в самых жестоких сражениях. Стоит, однако, заметить, что битва прописана довольно широкими мазками, и мне никак не удавалось влиться в неё и прочувствовать. Появляется здесь и любовная линия, но она довольно вялая и неправдоподобная – особой химии в ней нет. Зато поистине интересно наблюдать за Леголасом и Гимли – вот уж точно колоритный дуэт. В конце наши герои во главе светлого воинства отправляются в самоубийственный поход за освобождение Средиземья от Зла.

Во второй сюжетной линии мы видим приключения Фродо и Сэма в Мордоре – стране вечного мрака. Их повсюду окружают враги, а силы тают на глазах. События здесь довольно интересны: то Сэм освобождает Фродо из плена, проявляя недюжинный героизм, то хоббиты маршируют в строю с орками, нацепив орочью броню. Скучать особо

некогда. Герои заметно меняются: Фродо всё больше сдаёт – Кольцо выжигает из него душу, Сэм же, напротив, всё решительнее движется к цели. На примере маленького садовника мы видим истинный героизм, отвагу и самопожертвование ради дружбы и великой миссии. Появление Горлума в самый ответственный момент было неожиданным, но необходимым – становится, наконец, ясно для чего судьба свела его с Фродо. Но вот миссия выполнена, Зло повержено, и наши герои уже не надеются выжить... И спасение снова приходит с неба!

Приятным бонусом для меня стало приключенное хоббитов по возвращению в Шир. Что для героев, заматеревших в битвах с орками и назгулами, какие-то бандиты. Они наведут порядок у себя дома и раскроют главную интригу – кто же такой Аспид.

А вот концовка вышла грустная: Фродо, Бильбо и Гэндальф отправляются с эльфами на Заокраинный Запад и, по сути, увозят с собой большую часть волшебства Средиземья. Начинается новая эпоха – Эпоха Людей.

Локаций перед нами ещё меньше, чем во втором романе, что лично меня огорчает. Ведь Средиземье так велико и прекрасно – хочется узнать о нём побольше.

Итог: Прочитав всю трилогию, я осознал почему её причисляют к классике литературы и нередко называют родоначальником жанра фэнтези. Несмотря на некоторые огрехи, цикл имеет свой неповторимый шарм и атмосферу, а правильного смысла в нём заложено огромное количество. Ещё многие поколения книги Толкина будут актуальны и популярны во всем мире.

Жанр: Эпическое фэнтези/героическое фэнтези
Оценка: 10/10

Алексей Севериан

Вчера был юбилей Кира Булычева, 90 лет, все побежали, я не побежал, не было времени, но внутренний монолог ведь не отменишь.

Я вот признаюсь, как на исповеди: я очень мало слушал The Beatles. Причем – мне нравится. Отличная музыка. Но не настолько, чтобы цепляло, чтобы вот фанатеть (как по Pink Floyd, скажем). Я какое-то время дивился такому феномену, пока не купил толстенную историю битлов, которая заканчивается в том духе, что битлы – это такая основа. Нормальность. Дословно там было сказано, что они like water, как вода.

Кир Булычев для меня – это The Beatles русской фантастики. Вода. В хорошем смысле слова: когда вот жажда, вода – это прекрасно. Но не все могут пить только воду каждый день. Я не могу.

Булычев – певец нормальности. В этом смысле он – воплощение Золотого Века фантастики, в том числе и в западном смысле. Золотой Век – нормальность по определению. Никаких глобальных кризисов, сломов миропорядка, гибели прежних богов. Это не значит, что пишутся исключительно утопии.

Напротив, фантаст Золотого Века пишет о самом главном – о проблемах человеческой природы. По сути. Но по форме Золотой Век – строго классический, в этом его сила. Никаких текстовых экспериментов а-ля Джойс, Уильям Берроуз, Желязны от Золотого Века ждать не приходится. И, нет, форма не влияет на содержание – но, видите ли, чтобы разбираться с человеческой природой как таковой, нужен некий стабильный фон. В позднем СССР эпохи Булычева такой фон был. И Булычев на этом фоне расцвел по полной программе.

То есть – не Новая Волна. Не революция. Не автор вроде Альфреда Бестера, который начинал в Золотой Век, а потом его сломал к чертовой матери и потому стал классиком. Тут немного случай Айзека Азимова, скажем. Или Эдмонда Гамильтона. Опять же, это не значит, что у людей не могло быть личных взбрыков против традиции. Как Гамильтон написал в 1930-е невозможный тогда рассказ «Как там, в небесах?» – реалистическое описание экспедиции на Марс вразрез со всеми канонами тогдашнего голубоглазого технооптимизма, – так и Булычев написал в 1968-м невозможную по тем временам повесть «Осечка-67», в которой на масштабной ролевой игре в честь 50-летия Октября всё идет не так и СССР отменяют. Оба текста ждали публикации пару десятков лет. Пока Золотой Век не кончился.

И в пределах Золотого Века Кир Булычев обходился без осечек. Он мог, умел и выдавал на-гора всё. Детская фантастика? Вот вам целый новый канон про девочку, с которой ничего не случится, светлое коммунистическое будущее и приключения в космосе, под водой, под землей и где угодно еще. Взрослая? Вот вам доктор Павлыш, включая отличный «Поселок». Вот вам «Город Наверху». Вот вам уже и боевики про Андрея Брюса – советские та-

кие боевики, вроде «Тайн мадам Вонг» и «Пиратов XX века». Сатирическая фантастика? Вот вам цикл про город Гусляр, прекрасный цикл. При этом Булычева хватало и на всякие побочные, почти забытые штуки – те же повести для «Юного техника» типа «Геркулес и Гидра» или «Фотография пришельца». И еще на нонфикшн, который тогда назывался «научпоп».

И когда возникали новые темы, Булычев оставался безотказен. Эпидемия СПИДа? Держите «Показания Оли Н.» Заговорили об экологии на родине? Вот вам «Речной доктор» (а еще раньше были «Через тернии к звездам» и глава «Восемнадцать раз» из «Глубокоуважаемого микроба», конечно, но про другие планеты, эзопов язык – он безопаснее). «Прожектор перестройки» волком выгрызает бюрократизм и прочее? Инструментарий Великого Гусляра наготове. О религии замолвили слово? «Витийствующий дьявол». Пока Золотой Век длился, ну или всем казалось, что он длится («это было навсегда, пока не кончилось»), Булычев был на коне. Нормальность при этом никуда не уходила. Любая катастрофа обязана была или оставаться локальной, или вести к счастливому концу. Книга не могла начаться, простите автоцитату, харакири главного героя.

А вот когда Золотой Век кончился и прежние боги кто умер, кто отошел от дел, Булычев засбоил. Его взбрыки, и те, что были написаны раньше, и те, что создавались как бы в духе нового времени, типа «Реки Хронос», будто заранее устаревали. Даже «Встреча под Ровно» 1990 года, рассказ о Сталине и Гитлере – инопланетянах, выглядел странно уже тогда. Кир Булычев пытался писать новые смыслы прежним языком – языком Золотого Века. Это всегда нестыковка, всегда discrepancy. Она ощущается. У Булычева просто не было инструментов для

работы со сломом. Они были у Пелевина, у Штерна, у Лазарчука, у Рыбакова, у Покровского. Поэтому Булычеву оставалось два метода работы. Стараться вписаться или новым – это у него не выходило органически, – или продолжая старое на новом уровне; результат – постперестроечные сиквелы «Великого Гусляра» с вполне катастрофическими результатами и новые тексты об Алисе, которая теперь существовала в параллельном мире будущего. Будущее Алисы, Громозеки и Космозоо перестало вытекать из настоящего и окончательно превратилось в заповедник сказок, населенный благообразными козличками Иванами Ивановичами и прочими рабынями Заури.

К слову: я вот думаю, что в этой парадигме понятно и явление, которое иные назовут легким плагиатом. «Тайна рабыни Заури» – написанная, когда вся страна смотрела сериал «Рабыня Изаура». В той повести был еще Вага Бычий Хвост, от которого повеивало Вагой Колесом из «Трудно быть богом». В рассказе «Спасите Галю!» появлялась Зона – точно как в «Пикнике на обочине», только на бывшем заводе детских игрушек, и Галю спасали сталкер Жора и технолог Щукин. И таких деталей и деталей по текстам Булычева было раскидано немерено – Игорь Всеволодович Можейко был ведь начитанным человеком, к тому же он прекрасно знал минимум два языка (английский и бирманский) и следил за англоязычной НФ тоже. Но – в Золотом Веке ведь по сути нет такой штуки, как «личная выдумка». Там есть канон. И каждый может черпать из канона и творить – в силу умений. А умений Киру Булычеву было не занимать.

Итог – потрясающий, если вдуматься, феномен. Человек, создавший невероятное количество текстов, которые почти все прочно угнездились в прошлом-отжившем-навсегда, – и ровно поэтому оста-

ются читаемыми и чтимыми. Золотой Век – он ведь одновременно и утрачен, и неистребим. А Кир Булычев был и останется на десятки лет главным его глашатаем. И если вам нужна вода, чтобы утолить жажду, – вот она.

Николай Караев

Тарковский как дедушка киберпанка))

«КиноПоиск» выкатил мой лонгрид про «Солярис» (<https://www.kinopoisk.ru/media/article/4010158/>) – как Тарковский искал будущее в Японии. И нашел – но не совсем то, что искал.

Насколько я понимаю, история японской экспедиции «Соляриса» впервые рассказана от начала и до конца. В основе – ранее неизвестные архивные материалы. В частности, служебный отчет режиссера. Думаю, процентов 60-70 информации неизвестно даже специалистам.

Вообще я задумывал трагикомедию на тему «Моцарт и Сальери», но жанр сильно мутировал в процессе, да и «Сальери», надеюсь, вызывает скорее сочувствие. У меня лично последняя глава срифмовалась со сценой в ресторане из «Эда Вуда», где Эд встречает Орсона Уэллса.

Это текст не только про «Солярис», но и о том, как вообще была устроена советская киноиндустрия.

Японская коллизия, как ни странно, многое объясняет и про Тарковского (мотивы эмиграции), и про жанр (дефицит кинофантастики) и про коллапс кинопроизводства в 1980-е.

Отдельная «писательская» радость – в тексте про Тарковского на законных основаниях участвуют Макото Синкай, Уильям Гибсон, Годзилла, гонщики «Форсажа» и пингвиненок Лоло.

По пунктам:

– ну хватит уже распространять фейк «Лему экранизация не понравилась». Лем фильма фактически не видел, а референс «Преступление и наказание» Тарковский озвучил сам – но в разговоре о раннем варианте сценария «Соляриса».

– персонаж пилот Бертон, вероятно, тоже вдохновлен Лемом, но другим его романом – «Возвращение со звезд».

– у Города будущего из «Соляриса» был реальный прототип на Земле 1970 года.

– «Солярису» невольно помог Акира Куросава.

– в раннем фильме Сокурова должен был быть робот.

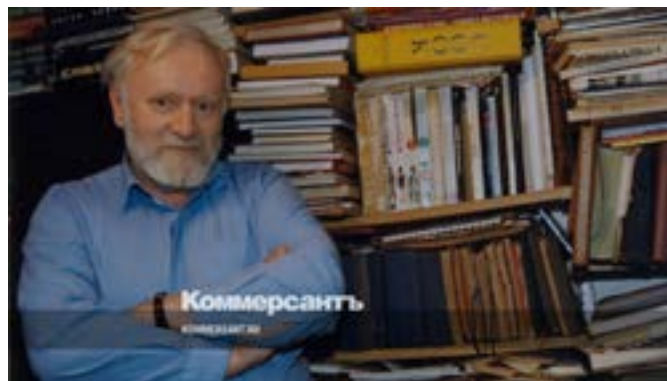
– наконец, официальная фильмография автора «Чебурашки», мультипликатора Леонида Шварцмана пополнилась новым тайтлом.

В общем, инджей)

Да, шикарная иллюстрация на обложке – Александра Черепанова.

Николай Корнацкий

«Массовое представление о счастливой советской эпохе строится, как известно, на реалиях финальных пятилеток. Культурная составляющая этих представлений почти целиком состоит из киношных образов и цитат. Глазищи Наташи Гусевой и Елены Метелкиной, злоеущий Туранчокс, фразы «Миелофон у меня» и «Он станет фиолетовым

в крапинку», анекдоты про робота Вертера и, конечно, песня «Прекрасное далеко» украли, как принято теперь говорить, сердечки тысяч пионеров.

Благодаря нехитрому кульбиту сознания мы из них прекрасное далеко подает голос не из завтра, для которого надо что-то там делать, а из прошлого, в котором галстуки были краснее, мороженое вкуснее, а дружба крепче.

И ключевым создателем столь прекрасного далека оказался сценарист и автор литературной основы этих картин, сериалов и мультфильмов Кир Булычев.

С этим невозможно спорить – как и с тем, что такая репутация позабавила бы, если не оскорбила, Булычева, объяснявшего народную любовь к фантастике тем, что «любая альтернативная реальность была враждебна коммунистической действительности», а в цикле «Театр теней» превратившего понятие «вчера» в пыльный скучный ад, в котором негодяи творят безумства».

По просьбе родненького Ё один там малоиграющий тренер тряхнул глубокой стариной и написал текст (<https://www.kommersant.ru/doc/7232711>) (огромный) к юбилею Булычева.

Шамиль Идиатуллин

20 октября:

Поперечный разрез стебля папоротника Орляка, фото: David Maitland.

Николай Подсокорский

Николь Кушинг
A Sick Gray Laugh

Автора романа A Sick Gray Laugh зовут Николь Кушинг, работает она в жанре хоррора и пишет провокационные и нигилистические книги с названиями вроде «Мистер Суицид», «Библия садиста» и «Полууроды».

Героиню романа A Sick Gray Laugh зовут Ноэль Кашман, работает она в жанре хоррора и пишет провокационные и нигилистические книги с названиями вроде «Девочка с пистолетом во рту», «Кожаная петля» и «Проклятие дыхания».

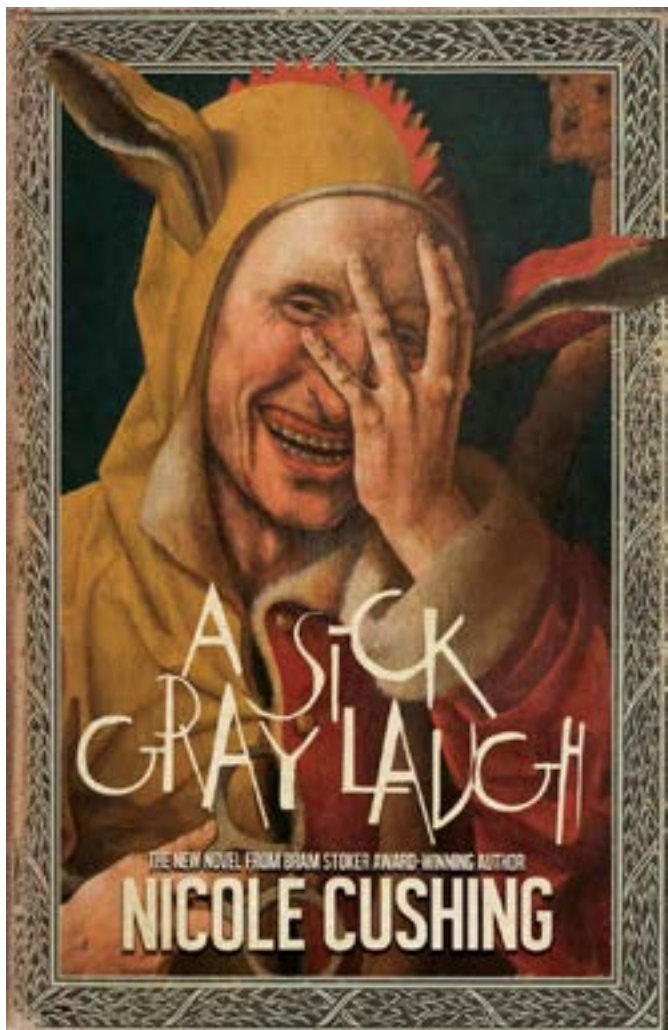
Между этими двумя женщинами нет ничего общего. Доказательств тому множество – ну, скажем, у Николь Кушинг есть муж, а у Ноэль Кашман нет. А еще Николь Кушинг реальна, а Ноэль Кашман – вымышленный персонаж. И забывать об этом

не стоит, иначе есть опасность поверить, что все написанное в книге – правда.

У Ноэль Кашман проблема – она избавилась от депрессии. То есть во многих отношениях это как раз благо – ее перестали терзать мысли о самоубийстве, она начала следить за собой и даже научилась наслаждаться обществом других людей. Беда только в том, что вся ее литературная карьера строилась на присущем ей пессимизме, и теперь она не знает, о чем ей писать.

После долгих размышлений Ноэль решает было на резкий карьерный поворот и берется писать историю маленького городка, в котором живет. Но вскоре замечает нечто такое, чего прежде ей не давала увидеть пелена депрессии. Окружающий Ноэль мир захватывает Серость – не буквальная, а метафизическая, лишаящая внешне ярких людей внутренней Яркости, превращающая их в скучные автоматы, что вымещают зло на собственных детях и никогда, никогда не бунтуют против несправедливости и абсурда окружающего мира. И Ноэль уверяется, что источник этой Серости – расположенный неподалеку от ее места жительства город Номптон.

С этого момента ее творческие намерения меняются, и вместо истории своего городка она увлекается исследованием Серости, поиском ее истоков и возможных способов борьбы с ней. И большая часть романа – это как раз тот самый текст, который пишет Ноэль Кашман; текст, в котором сочетаются философский трактат, автобиография, размышления на отвлеченные темы, попытки доказать себе и читателю, что она не сумасшедшая, и фрагменты истории Номптона. Которая оказывается весьма бурной – достаточно сказать, что в ней фигурируют аж два довольно зловещих культа.

Обычному писателю-хоррорщику этого объяснения хватило бы: в Номптоне жили культисты, значит, из-за этого город и сделался Нехорошим Местом, отсюда и Серость. Но Николь Кушинг (которая – вы помните? – в отличие от Ноэль Кашман, реальна) – не обычный писатель-хоррорщик. Она, как я уже упоминал, любит провоцировать. И поэтому

подводит нас к совершенно другому выводу: Номптон стал средоточием Серости не из-за культистов, не из-за происходивших в нем убийств, эпидемий и прочих трагедий. Он стал средоточием Серости, когда отрекся от всего этого, предпочтя спокойное безбедное существование.

Культисты – источник Яркости. Гримасничающие, хихикающие сумасшедшие – источник Яркости. Все, что безумствует, кричит и самим своим существованием разносит в клочья статус-кво, – источник Яркости. Серость порождает тихони и строчащие стишки о мирной пасторальной жизни поэты. Ее порождает все мы, когда отказываемся безумствовать, кричать и самим своим существованием разносить в клочья статус-кво.

И все же с ней можно справиться. Ноэль Кашман знает, как. Она расскажет об этом тем же спокойным, ироничным и, несмотря на весь ее цинизм, вызывающим симпатию тоном, которым прежде рассуждала о жизни и литературе. И, возможно, благодаря этому тону ее выводы, какими бы пугающими и аморальными они ни были, покажутся вам убедительными.

Но это лишь иллюзия. Как и сама Ноэль Кашман – она ведь всего лишь вымышленный персонаж. И даже когда она утверждает обратное, забывать об этом не стоит, иначе есть опасность поверить, что все написанное в книге все-таки правда.

А поверив – прийти к тому же финалу, к которому приходит Ноэль, когда за несколько десятков страниц до окончания книги совершает ошибку, откладывает свой трактат, выходит во внешний мир – и обнаруживает, что помимо едких и остроумных размышлений о жизни, Серости и всем остальном в этом романе все-таки есть сюжет.

Роман Демидов

Кадр дня: съёмочная группа «Людей в чёрном» доверила Уиллу Смиуту подержать ребёнка, 1997 год.
Мир фантастики

21 октября:

По-видимому, в конце концов, мне все же придется переименовать этот канал в “Уголок ненависти к “Солярису” Андрея Тарковского”, но пока я еще держу себя в руках. Вчерашняя статья (кстати, кто не видел, рекомендую ознакомиться), точнее подводка к ней на канале автора, поначалу спровоцировала во мне очередной разлив желчи, но потом я вчиталась в текст и перешла в более благодушное настроение.

Меня искренне позабавила эта фраза в посте: *“ну хватит уже распространять фейк «Лему экранизация не понравилась».* Лем фильма фактически

не видел, а референс «Преступление и наказание» Тарковский озвучил сам – но в разговоре о раннем варианте сценария «Солярис». Ну да, ну да, тот факт, что Лему не понравилась ни интерпретация романа, которую он обсуждал с самим режиссером, ни заранее прочитанный сценарий, ни те немногие сцены, которые он все же удосужился посмотреть, ни коем случае нельзя свести к простому “Лему экранизация не понравилась”. По мнению почитателей Тарковского, если бы кто-нибудь все-таки заставил Лема посмотреть фильм, приковав его к стулу, как героя “Заводного апельсина”, то он бы обязательно оценил этот шедевр. Ну не может же быть, чтобы Лему не понравилось творение нашего гениального режиссера!

Если подумать, то особо ревностные поклонники Лема и Тарковского выглядят как зеркальные отражения друг друга. Как говорится, тебе нравится “Солярис” и мне нравится “Солярис”, но есть нюанс. С одной стороны, любители польского фантаста продолжают жаловаться, что Тарковский все переврал в своем фильме и исказил замысел Лема, а все остальные при этом почему-то уверены, что его версия получилась даже лучше оригинала. Фанаты Тарковского на это резонно вспоминают про свободу интерпретации, на которую имеют право все режиссеры и сценаристы. Плюс в отрыве от романа Лема фильм-то действительно отличный. Но после этой логичной отповеди те же самые фанаты Тарковского отказываются принять и поверить, что автор первоисточника до конца жизни продолжал плевать при любом упоминании их любимого фильма. Все это фейк! Автор сам не понял, о чем написал! Успокойтесь, ребята, каждый зритель имеет право на свое мнение о фильме. Даже если этот зритель – автор оригинального романа.

Повторю еще раз цитату из статьи Юлии Анохиной, которую я когда-то использовала в своем тексте о сложных взаимоотношениях романа и экранизации: «что бы ни говорили верные почитатели Станислава Лема, не приемлющие, вслед за польским писателем, фильма Тарковского, роман «Солярис» отныне обречен на существование «в паре» с классическим фильмом русского режиссера». Эту цитату ведь можно и перевернуть: «что бы ни говорили верные почитатели Андрея Тарковского, не желающие примириться с негативным отношением автора романа к экранизации, фильм все равно обречен на существование «в паре» с неприятным мнением польского фантаста о нем».

Закончить хотелось бы примирительно и жизнеутверждающе. Любители Тарковского! Несмотря на все наши разногласия, есть кое-что, что нас объединяет. Мы такие разные, но все-таки мы вместе.

P.S. После чтения статьи пришла на ум немного забавная параллель. Известно, что братья Стругацкие несколько раз переписывали сценарий “Сталкера”, потому что боялись, что великий режиссер откажется экранизировать их повесть. В то время как самому Тарковскому пришлось переписывать сценарий “Соляриса”, чтобы он хотя бы минимально удовлетворил Лема, и тот не стал отзываться разрешение на съемки. Выводов не будет, а то опять обвинят в распространении фейков.

Инар Искендинова

Пузырь AI2 лопнет, актуализируются квантовые угрозы Шрёдингера и обратной кражи личности.

Опубликован прогноз BeyondTrust по кибербезопасности на 2025 год и далее.

Все 8 прогнозов, имхо, имеют неплохие шансы материализоваться (как это и случилось с прогнозами BeyondTrust на 2024).

Три из новых прогнозов на 2025 год и далее по важности заслуживают особого внимания.

ИИ² лопнет как пузырь, заодно и развенчивая преувеличенную ИИ-угрозу

Искусственная инфляция (ИИ) ожиданий Искусственного Интеллекта (ИИ) – или ИИ² – уже достигла своего пика в 2024 году. Наблюдайте, как этот пузырь неумолимо лопается во многих сферах на протяжении 2025 года.

Хотя некоторые обещания ИИ сбылись, и технологии (такие как ChatGPT и его плагины) продолжают впечатлять своими возможностями, технологии на базе ИИ в значительной степени не оправдали колоссальных ожиданий.

Отдельные рынки, инструменты и технологии действительно получают пользу от ИИ, но во многих кругах термины «с поддержкой ИИ» или «управляемый ИИ» используются чрезмерно и необоснованно. Это подразумевает, что эти термины будут приобретать все более негативные коннотации, что может фактически навредить маркетингу

продукта или возможностей, с которыми они связаны.

В 2025 году мы ожидаем, что индустрия умерит обещания, инвестиции и ажиотаж вокруг новых возможностей ИИ и сосредоточится на том, что реально, а что является маркетинговым шумом. Мы увидим, как узконаправленный ИИ (не AGI – этот, по самым оптимистичным прогнозам, появится через десятилетия) закрепится в промышленном использовании как инструмент для базовой безопасности и рабочих процессов ИИ. Примеры могут включать автоматизацию создания продуктов, оптимизацию цепочек поставок и снижение сложности и требуемого уровня квалификации для выполнения определенных задач, основанных на лучших практиках безопасности.

Организации столкнутся с квантовыми вычислительными угрозами Шрёдингера

Подобно парадоксу кота Шрёдингера, угрозы квантовых вычислений в 2025 году будут одновременно существовать в двух состояниях. Вероятно, возможности квантовых вычислений будут служить инструментом дешифрования, делая устаревшими многие проверенные и надёжные средства защиты. Крупные организации будут стремиться подготовиться к этому упадку стандартов шифрования в пост-квантовом мире, признавая при этом, что угрозы пока реально не существуют. Это будет противостояние теории и реальности.

После выпуска пост-квантовых стандартов шифрования NIST многие крупные организации – особенно в сфере финансовых услуг – начнут длительный переход к принятию новых стандартов. Хотя полная интеграция новых алгоритмов, вероятно, займет много лет, важно начать этот путь сей-

час, прежде чем квантовые угрозы станут общераспространёнными (возможно, к концу десятилетия).

Войны клонов: Обратная кража личности будет массово порождать цифровых двойников

Ожидается рост обратной кражи личности, когда все данные утечек, накопленные за прошлые годы, неправомерно объединяются с дополнительными данными и предположениями о том, кто вы на самом деле, создавая поддельные версии вашей цифровой личности.

Почти все знакомы с концепцией кражи личности. Целые бизнесы построены на обнаружении угроз личности и защите сервисов и финансов. Однако обратная кража личности – относительно новая концепция. Она происходит, когда ваша личность ложно связывается с другой личностью, которая не является вашей.

Обратная кража личности может произойти, когда кто-то другой использует ваш email-адрес или номер телефона (по ошибке или намеренно) для регистрации где-либо, в результате чего вся их личная информация отправляется вам. В более продвинутой форме обратная кража личности может включать электронную и публичную привязку псевдонима – или другой личности – к вашей собственной без вашего ведома, для каких-то злонамеренных целей.

Сергей Карелов

22 октября:

Майкл Суэнвик «Дочь железного дракона»

Жанр: Технофэнтези/постмодернизм

Оценка: 5/10

Майкла Суэнвика я раньше не читал. О романе «Дочь железного дракона» слышал много

положительных отзывов, да и оценки по большей части хорошие. Каково же было мое разочарование, когда я все же прочел данный «шедевр». До самого конца я ждал, что вот сейчас раскроется какая-то великая тайна, и все происходящее встанет на свои места. Увы, чуда так и не произошло.

По жанру роман можно отнести к технофэнтези, а, следовательно, магия тут соседствует с технологиями. Стоит сразу обозначить, что Суэнвик относится к движению постмодерн. Это безусловно накладывает свой отпечаток на его творчество. Само повествование очень хаотично, порой мы перескакиваем через довольно внушительные промежутки времени. Логика происходящего вызывает недоумение. Совершенно непонятно, что и зачем тут происходит.

Суэнвик абсолютно не старается нам объяснить свой мир. Главная героиня, Джейн, является человеком, а вот все окружающие – нет. При этом окружающие совершенно не замечают ее принадлежности к другой расе. Правят в этом мире эльфы. Они утонченные, могущественные, владеют магией,

и развращены своей властью. Есть гномы, но описание этой расы тут попросту нет. Стоит ли уточнять, что прочие фантастические существа тут не описаны вовсе? Вот кикимора, вот гоблин, вот бука, но что они из себя представляют остаётся загадкой. Читатель должен додумать сам. Описание самого мира подаётся скудными деталями, из которых попросту невозможно составить цельную картину. Автор будто бы развешивает множество «ружей», которым так и не суждено выстрелить.

Начинается все довольно неплохо. Девочка Джейн трудится на фабрике. В раннем детстве ее похищают из мира людей. Как потом выясняется, похищают только ее душу, а тело в это время находится в психушке в нашем мире. На этой фабрике собираются железные драконы – такие механические летающие машины войны. Они одушевлённые, обладают памятью, но при этом создаются искусственно. Управлять драконом может только тот, в чьих жилах течет человеческая кровь. В будущем Джейн отведена роль породистой лошади, которая будет должна рожать полулюдей-полуэльфов, которые и станут наездниками. Так если люди такой ценный ресурс, почему главная героиня с детства вкалывает на фабрике, каждый день подвергаясь немалой опасности? Нелогично. Джейн мечтает сбежать и обрести свободу. Один из железных драконов предлагает ей сделку, чтобы они смогли уйти вместе. Вот долгожданный побег состоялся. Что же дальше? А дальше мы видим, как Джейн уже попадает в школу, где все максимально странно. Живёт она в лесу, в кабине дракона, но никто не обращает на это внимания. В самой школе царят странные нравы. Джейн – изгой, у нее поначалу нет друзей. При этом она терпит издёвки преподавателей и домогательства сверстников. Дальше будет институт

и божественная тусовка, а переходы между этими этапами жизни также хаотичны и непонятны.

Роман будто состоит из разрозненных историй, связанных общим миром и главной героиней. Тут подруга Джейн должна стать добровольной жертвой богине и взойти на костер. Тут в городе, где учится героиня, происходят странные запланированные волнения, где горожане гибнут сотнями. А вот здесь она встречается старуху-змею, которая живёт с самого сотворения мира. К сожалению, логики во всем этом я так и не нашел. В мире романа фантазийные допущения сочетаются с нашей повседневной реальностью. Задумка классная, но вот ее реализация попросту никакая.

Минусом романа я также могу назвать вопиющую пошлость во всем происходящем. Главная героиня постоянно с кем-то совокупляется. Все ее мировоззрение вертится вокруг этого. Даже в наш мир она перемещается во время самоудовлетворения и встречается родную мать. При этом автор буквально смакует все эти отвратительные сцены. Я – не ханжа, но такое обилие грязи меня отталкивает.

Итог: «Дочь железного дракона» по праву занимает место самой худшей книги этого года. Непродуманный гротескный мир, хаотичность сюжета, обилие пошлости и грязи – бесспорные минусы романа. Читать продолжение я однозначно не буду. И так ясно, что Суэнвик – не мой автор. Совершенно не понимаю восторженных отзывов. Я и до этого читал «странную» фантастику, но у того же Чайны Мьевиля выходит гораздо лучше. По степени абсурда роман может посоперничать с «Дальгреном» Сэмюэля Дилэни. Все происходящее напоминает бред больного шизофренией.

Алексей Севериан

Александр Дубовский

Марина Чуфистова, «Йалка». Изд. Азбука

Сюжет этого романа даже слишком хорошо упакован в аннотации. Йалка – вроде обычный парень, а вроде нет. Он из народа нуоли, все представители которого покрыты шерстью, а еще они носят маски (которые при утрате можно вновь получать в отделении «Госуслуг»), скрывающие пустоту на месте лица. Чувствуете, как метафора уже начинает овеществляться? Йалка мечтает быть стендам-комиком, но дела как-то не клеятся: он подтягивает навык в театральной студии, делает наброски смешных (и не очень) шуток, живет у друзей, любит принимать холодную ванную, как учили родители и дед, тоже нуоли. И в вихре повседневной жизни, где все привыкли к лохматому нуоли, живущему бок о бок с людьми, Йалке предстоит сделать самое главное – найти себя. Для молодости задача – сложнее некуда.

Роман Марины Чуфистовой, попавший в длинный список премии «Лицей» 2024 года, это, безусловно, история о поиске себя, и в этом смысле здесь

есть все маячки «литературы взросления»: сепарация от семейных традиций, попытки понять свое место в мире и даже первые любовные коллизии – с любовью у ноули, правда, отдельная история. С другой же стороны, все это – просто прикрытие, потому что «Йалка» – психологическая, неспешная проза, сосредоточенная прежде всего на внутреннем мире персонажа, который, как уже было замечено, являет собой овеществленную метафору. Перед читателем роман об инаковости любого рода. Делая «чудесное» и отчасти «уродливое» абсолютно привычным для социума, Марина Чуфистова предлагает поразмышлять не о том, как некто инаковый встраивается внутрь враждебного к нему окружения, а как он пытается примириться с самим собой: вдруг спокойное и дружелюбное отношение окружающих – ловушка, морок?

Книга написана нерасторопно, отчасти даже убаюкивающе. Здесь нет как такового внешнего сюжетного движения; все движение – внутренне, оно реализуется в размышлениях и переживаниях героев. Это, очевидно, автору и требовалось,

ведь «Йалка» – прежде всего полуволшебное, хоть и ни на шаг не отступающее от реальности, блуждание по психологическим лабиринтам. Текст достаточно ритмизирован, но при этом очень сдержан стилистически, и это, пожалуй, главный его недостаток – книга, несмотря на фантастическое допущение, получается слишком блеклой, отчасти даже амфорной; форма его водяниста, непостоянна. Но, может, в этом-то и вся соль: показать, как фантастическое легко может встроиться в обыденное – настолько, что покажется скучным и самому себе, и окружающим; от такой скуки по отношению к себе и страдает главный герой. Будущему комику такое тем более непозволительно – и трагедия удваивается. Разрешить ее может только хорошая шутка – вот только получится ли у Йалки ее написать?

Денис Лукьянов

23 октября:

Аркадий и Борис Стругацкие «Улитка на склоне»

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/антиутопия
Оценка: 8/10

Продолжаю знакомство с творчеством братьев Стругацких – одних из самых известных советских фантастов, чьими книгами восхищаются уже несколько поколений наших соотечественников. «Улитка на склоне» – вероятно самая противоречивая и неоднозначная повесть в библиографии писателей. Кто-то считает её самой слабой, а кто-то, включая самих Стругацких, самой лучшей. Какой же она стала для меня, давайте разберемся вместе.

Действие романа происходит в вымышленном мире. Тут два главных героя, Перец и Кандид, чьи сюжетные линии чередуются. Сначала мы знакомимся с Перцем, который работает в Управлении по делам Леса. Вокруг этого самого Леса

и взаимодействия с ним строится повествование. Особенностью Стругацких является то, что они не очень-то заботятся о читателях и совсем не стараются объяснить происходящее. Это присутствует и в «Хищных вещах века» и в «Трудно быть богом», но тут они переплюнули сами себя. В начале чтения меня не покидал вопрос: «Что тут вообще происходит?». Лес, как гигантский океан, омывает континент, где и живут люди. Управлению доступна лишь небольшая часть этой территории. В самом Управлении очень странная логика, точнее ее почти нет. Например, есть группа Охраны Леса и есть группа Искоренения Леса. Как это сочетается? Да никак. Перец работает в Управлении и мечтает побывать в Лесу, но в пропуске ему раз за разом отказывают. Тогда он помышляет о возвращении на Материк, но ему и это никак не удается. При каждой попытке его что-то или кто-то останавливает.

Второй герой, Кандид, живёт как раз-таки в Лесу. Когда-то его вертолет потерпел крушение, и теперь он живёт среди местных аборигенов. Его деревня – очень странное место. Между жителями и Лесом складываются необъяснимые взаимоотношения:

это не борьба, а скорее симбиоз. Кандид после крушения страдает некоторыми пробелами в памяти, а местные называют его Молчуном. Это очень кстати, т.к. аборигены постоянно болтают попусту. Каждое утро он собирается послезавтра отправиться в некий Город, и даже набирает попутчиков, но каждый раз ему что-то мешает.

Что же объединяет главных героев? Конечно же это желание покинуть место, куда их занесла судьба. Перец всеми силами пытается попасть в Лес, Кандид же напротив, всеми силами хочет из него выбраться. Однако, если вникать в детали все не так просто. Переца не отпускает Управление, где правит бессмысленная и беспощадная бюрократия. В повести она доведена до полного абсурда. Организация Управления вызывает полное недоумение. Совершенно непонятно, чем оно занимается. Складывается впечатление, а затем это и получает свое подтверждение, что люди работают просто ради самой работы, чтобы не сидеть без дела. В приключениях Кандида в Лесу абсурда не меньше. Беспредельно болтающие аборигены, ходячие мертвяки, разбойники, похищающие исключительно женщин, одежда, выращиваемая из земли – все это напоминает наркотический бред. Однако в итоге все это складывается в общую картину, содержащую немало интересных идей.

Условно можно сравнить Управление с нашим настоящим. Согласитесь, хотя Стругацкие писали свои книги ещё при Союзе, сейчас бюрократии во всех сферах хватает. История же Кандида – это столкновение настоящего с прошлым. Условный наш современник оказывается в доиндустриальном обществе и не может найти в нем места. Тут же затрагивается и тема прогресса. Всякое ли движение вперед можно считать прогрессом?

Что хотелось бы однозначно отнести к плюсам, так это искусство Стругацких в сатире. Как обыгранны диалоги, по большей части абсолютно бессмысленные, вызывает восхищение. Как можно столько говорить по сути ни о чем? А персонажи «Улитки на склоне» с этой задачей справляются на отлично.

К минусам романа я бы отнес сложность восприятия. Читателю в XXI веке могут быть непонятны все отсылки на СССР, которые в большом количестве разбросаны по тексту. Сюжет очень сумбурен. Авторы даже не пытаются что-либо объяснить. Стругацкие отлично поработали над концептом повести, не особо заморачиваясь над реализацией.

Роман буквально переполнен интересными фразами, которые так и хочется растащить на цитаты. Не зря Стругацких называют мастерами слова. Такая качественная едкая сатира – сейчас редкость.

Итог: «Улитка на склоне» совсем не подходит для знакомства с авторами. Начав с нее, вы мало поймёте, и скорее всего больше не захотите дальше углубляться в творчество Стругацких. Хороший ли это роман? Скорее да, ведь он заставляет о многом задуматься. Да и понравился он мне. Но все же роман в моем личном рейтинге стоит ниже, чем прочитанные ранее «Трудно быть богом», «Пикник на обочине» и «Обитаемый остров».

Алексей Севериан

Джо Аберкромби «Полкороля»

Жанр: Героическое фэнтези

Оценка: 8/10

Джо Аберкромби – один из моих любимых писателей. Его цикл «Земной круг» входит в мой личный топ. Однако долгое время я обходил стороной его трилогию «Море Осколков», т.к. ее целевой аудиторией являются все же читатели помладше. И вот

сейчас как раз-таки захотелось почитать что-то попроще.

Главный герой романа, принц Ярви, родился в небольшом приморском королевстве Гетленде. Это край отважных воинов и властных женщин. Однако сам он мало соответствует столь суровому миру. С детства Ярви носит неизгладимый физический дефект – недоразвитую левую руку. Как воин с таким уродством сможет держать щит? По правде сказать, звон холодной стали мало прельщает Ярви. Гораздо ближе ему книжная мудрость. Как младший сын, он никогда и не помышлял о троне, а хотел стать учёным-служителем. Судьба же распорядилась иначе. Его отец и старший брат погибают, и теперь именно Ярви предстоит надеть королевский венец и возглавить Гетленд. Мало кто из подчинённых хочет видеть на престоле слабого увечного короля, но против существующих законов не попрешь. Тогда Ярви впервые в своей жизни сталкивается с предательством близким человеком и оказывается на грани гибели. Ему остаётся лишь поклясться отомстить и начать путь восхождения к трону, принадлежащему ему по праву рождения.

Идея вечного главного героя не нова в фантастической литературе, тем не менее Аберкромби с присущим ему мастерством сумел сделать её довольно оригинальной. Путь Ярви после предательства напомнил мне истории о Конане. Казалось бы, чем могут быть похожи могучий киммериец и вечный принц, а сходство на лицо. Ярви сначала становится рабом, затем гребцом на корабле. После удачного побега ему с друзьями предстоит пробираться через заснеженные пустоши севера и возглавить шайку отъявленных висельников. Мог ли вчерашний любитель книг представить, что ему предстоит пройти через все это? Очень сомневаюсь.

Несмотря на все преимущества, это все-таки роман для подростков. Опытный читатель сразу же сможет распознать практически все сюжетные повороты. Например, я с самого начала понял, кто в итоге предаст Ярви. Да и многие приемы довольно вторичны – все это мы уже могли видеть в других фантастических романах. Сразу же бросаются в глаза все «рояли в кустах». Каждый раз, когда Ярви оказывается на краю гибели, судьба преподносит ему очередной подарок. Какова вероятность выжить при падении в море с утеса? А не быть убитым во время вооруженного бунта? И уж конечно же попасть на тот самый корабль, где его долгие годы ждал именно тот человек, который поможет ему завоевать трон. Раз за разом судьба была на стороне Ярви. Эти самые «рояли» фактически и выступают двигателями сюжета.

Аберкромби удалось даже в довольно простом романе создать интересный мир. Он напоминает наше Средневековье эпохи викингов. Мы видим множество враждующих королевств. Однако эти короли – не более чем племенные вожди, беспрекословно подчиняющиеся Верховному Королю. Присутствует тут и борьба монотеизма, насаждае-

мого верховной властью, с язычеством. Долю фэнтези добавляет то, что до прихода людей миром правили эльфы, уничтожившие сами себя в ходе внутренних распрей.

Итог: Несмотря на некоторую вторичность и предсказуемость, «Полкороля» – отличный роман для подростков. Он на голову выше абсолютного большинства своих конкурентов. Его в значительной степени вытягивает мрачноватый юмор автора, так полюбившийся многим по циклу «Земной круг». Диалоги получились живыми. Немало в романе и самоиронии. Если вы устали от сложного фэнтези с огромным количеством сюжетных линий, то «Полкороля» поможет вам скрасить пару вечеров. А я однозначно ознакомлюсь с продолжением.

Алексей Севериан

Регулярные срачи вокруг экранизаций наблюдаю я в последние дни в своем информационном пузыре – от «Соляриса» до «Колец Власти», что-то кучно пошли. Совпадает экранизация с первоисточником? Не совпадает? Должна ли совпадать? Не должна?

Мне кажется, это такое «франшизное мышление»: нету никаких отдельных авторских произведений искусства, а есть огромные аморфные франшизы, включающие книги, фильмы, видео- и настольные игры и вообще все, что только можно придумать. Нет «Властелина колец» Толкина и «Властелина колец» Джексона, а есть средне-взвешенная «вселенная Средиземья» со своими законами и принципами, своим единым каноном, о котором можно спорить; нет «Гарри Поттера и философского камня» Джоан Роулинг, есть «вселенная Поттера»; нет «Хребтов безумия» Говарда Филиппа Лавкрафта, есть «вселенная мифов Ктулху». Ну и да:

нет «Солярис» Станислава Лема и «Соляриса» Андрея Тарковского, а есть «вселенная Соляриса».

Для поп-культуры это в принципе нормально – такая вот «смерть автора», растворение индивидуальности в общей массе. Из запойных читателей «сточкера» мало кто фиксировал фамилии на обложках отдельных книг: что там написал Сергей Палий, а что Михаил Успенский – без разницы. Более того, в этом нет ничего нового, для средневекового искусства или искусства Древнего мира совершенно естественное явление. Франшиза «вселенная короля Артура», франшиза «вселенная Нового Завета», все дела. Но, мне кажется, тем, кто занимается исследованием искусства более-менее профессионально, даже искусства массового, популярного – кинокритикам, книжным обозревателям – вот этому соблазну поддаваться все-таки не стоит. «Солярис» и «Солярис», «Властелин колец» и «Властелин колец», «Дюна» и «Дюна» – это разные произведения, и рассматривать их стоит прежде всего в контексте творчества конкретных писателей/режиссеров, а не по принципу соответствия какому-то там канону.

А про то, в чем «не прав был Профессор», пусть на фанатских форумах спорят.

Василий Владимировский

Соглашусь с Василием.

Недавно многие написали про Кира Булычева и его героев. Так вот хорошо заметно, что франшиза «Алиса Селезнева» куда шире, чем собственно Булычевские истории. И даже лучшие экранизации заметно отходят от «канона», если под ним понимать книги.

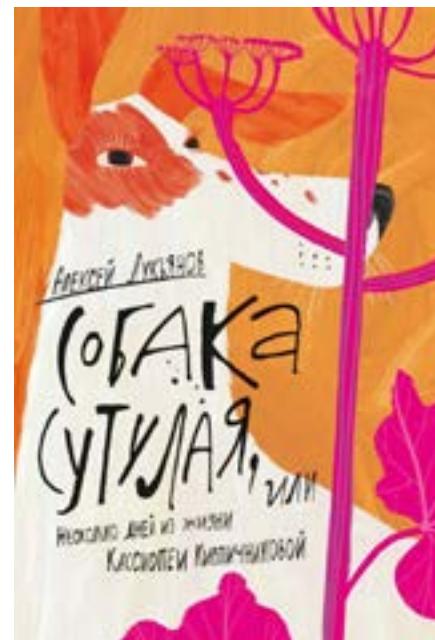
Еще интереснее, если посмотреть на франшизу, скажем, «Чапаев». Изначальный образ красного командира мифологизирован товарищем Фурмано-

вым. Потом заметно преобразован экранизацией (возможно, последнее слово стоит взять в кавычки). А потом – анекдотами, книгами, играми («Василий Иванович и Петька спасают галактику») и т.д.

Что тут канон? Какая экранизация адекватная? Чему? Другого варианта, кроме как рассматривать получившийся образ в совокупности, мне кажется, просто нет.

Дмитрий Захаров

24 октября:

У Алексея Лукьянова выходит детская повесть «Собака сутулая». Кузнец и хороший человек Леша Лукьянов вообще начинал как фантаст когда-то – получил премии за повести «Спаситель Петрограда» и «Глубокое бурение», выпустил отличный сборник «Глубокое бурение» в 2010-м в «Снежном

коме» (молодежи надо объяснять, что это название отсылает к шуточной расшифровке аббревиатуры КГБ «Контора глубокого бурения»). Потом Леша, как и почти весь цвет тогдашней новой волны русской фантастики, пошел в «Этногенез», о котором сегодня все давно забыли, но в свое время это был shared world номер один, огромные гонорары и сравнительно короткие тексты. Там Леша выпустил четыре романа. Еще был в 2015 году роман «Плохой год», сетевая публикация, другой shared world, «Чистилище» (ничего не знаю про это). Параллельно Лукьянов писал прекрасные тексты совсем другого рода – «Жены энтов», «Миленький», много чего еще, – публиковался в сети, в журналах, сборниках. Сейчас он, я так понимаю, пишет сказки. Оказывается, уже вышла одна – «Один маленький поросёнок и одно большое свинство», – но под псевдонимом «Иван Семенов» почему-то. А вот «Собака сутулая» выходит под именем автора. И отлично, что так, – и это первая книга под своим именем у Лешы за восемь лет.

Николай Караев

А Анаит Григорян, оказывается, написала сиквел к своему «Осьминогу» – «Смерть знает твоё имя», – и под это дело «Осьминога» (2021) перезаюют в новом оформлении. Мне «Осьминог» три года назад очень понравился. Я написал об этом в ФБ примерно так:

Вот честно, не ожидал я многого от этого романа, стал его читать между чем-то и чем-то, просто как бы идя по списку купленного-скачанного. И, опять же, как-то сложно мне сказать, чем он меня заворожил. У «Осьминога» настроение примерно как в «Гадких лебедях» (хотя автор вряд ли это имела в виду). Японская провинция, бар, бесконечно идет дождь, рассказываются истории о духах-ками, возможно, самими духами-ками.

И так очень долго почти без сюжета, но в это время незаметно под вашим носом складывается картинка, которая обрушивается на вас цунами, и там внутри – трагедия, и чудо, и непонятное потустороннее вышнее, всё вместе. Очень японская история. Как давным-давно пела друг Харука:

*Неслышно ступают ками и люди,
В иероглиф сплетается облачко пара;
Ты навсегда станешь тихой иллюзией,
Ты не оставишь нас – саёнара...*

А у сиквела такая аннотация:

После того как Александру не продлили рабочий контракт в Банке Нагоя, он уехал из Японии и работает в Москве. Однажды неизвестный присылает ему конверт со статьями из японских

газет о четырех погибших девушках. Их тела одно за другим находят в водах реки Сякудзи в Токио.

Хотя Александр и был уверен, что больше не вернется в Японию, он чувствует, что должен отыскать убийцу. Особенно после того, как его взгляд уцепился за упоминание загадочного бармена, который меняет места работы с такой же легкостью, как свои имена. Возможно, этот человек – его старый знакомый.

Николай Кареев

Ни фиги себе. Как пишут в WeChat (кит.), Яо Хайцзюнь, главред китайского «Мира фантастики», официально под неким «дисциплинарным расследованием и административным следствием». В чем именно заключаются эти вот 纪律审查 и 监察调查, непонятно (вдвойне, потому что это китайский бюрократический, кроме прочего). Но всё может быть серьезно, это КНР, как ни крути.

А ведь почти ровно год назад, 19 октября, в Чэнду на Ворлдконе рядом стояли. (Я, конечно, обнаглел с такими людьми фотографироваться.)

Николай Кареев

Недавно в своем обзоре на повесть братьев Стругацких «Улитка на склоне» я писал, что там очень много интересных мыслей, которые можно разобрать на цитаты. Теперь хочу привести некоторые из них.

Это просто от невежества, подумал он. Нет, нет, это не вызов и не злоба, этому не надо придавать значения. Это просто невежество. Невежеству не надо придавать значения, никто не придает значения невежеству. Невежество испражняется на лес. Невежество всегда на что-нибудь испражняется, и, как правило, этому не придают значения. Невежество никогда не придавало значения невежеству...

– Так я ведь там никогда не был, – сказал Перец.

– Неважно. Я там тоже никогда не был, но я прочел лекцию, и, судя по отзывам, это была очень полезная лекция. Дело ведь не в том, был ты в лесу или не был, дело в том, чтобы содрать с фактов шелуху мистики и суеверий, обнажить субстанцию, сорвав с нее одеяние, напяленное обывателями и утилитаристами...

Ну, что стоите, сказал он книгам. Бездельники! Разве для этого вас писали? Доложите, доложите-ка мне, как идет сев, сколько посеяно? Сколько посеяно: разумного? доброго? вечного? И какие виды на урожай? А главное – каковы всходы? Молчите... Вот ты, как тебя... Да-да, ты, двухтомник! Сколько человек тебя прочитало? А сколько понял? Я очень люблю тебя, старина, ты добрый и честный товарищ. Ты никогда не орал, не хвастался, не бил себя в грудь. Добрый и честный. И те, кто тебя читают, тоже становятся добрыми и честными. Хотя бы на время. Хотя бы сами с собой... Но ты знаешь, есть такое мнение, что для того, чтобы шагать вперед, доброта и честность не так уж обязательны. Для этого

нужны ноги. И башмаки. Можно даже невымытые ноги и нечищенные башмаки... Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор. Управлению, например, для его правильного функционирования ни честность, ни доброта не нужны. Приятно, желательно, но отнюдь не обязательно. Как латынь для банщика. Как бицепсы для бухгалтера. Как уважение к женщине для Домарощинера... Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что являются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан... А можно понимать прогресс как превращение всех людей в добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо...

– Ну, знаешь, потенции – это дело темное. Я-то, вообще, с тобой не спорю, может быть, действительно в каждом сидит гений, да только что делать, если данная гениальность может найти себе применение либо только в далеком прошлом, либо в далеком будущем, а в настоящем – даже гениальностью не считается, проявил ты ее или нет. Хорошо, конечно, если ты окажешься гением кулинарии. А вот как выяснится, что ты гениальный извозчик, а Перец – гениальный обтесыватель каменных наконечников, а я – гениальный уловитель какого-нибудь икс-поля, о котором никто ничего не знает и узнает только через двести лет... Вот тогда-то, как сказал поэт, и повернется к нам черное лицо досуга...

Можно, конечно, объявить кампанию по предотвращению зимы, шаманить, нажравшись мухо-

мора, бить в бубны, выкрикивать заклинания, но лучше все-таки шить шубы и покупать валенки...

Слушай, Перец, подумал он, а может быть, вся эта карусель для того и существует, чтобы все работало? В самом деле, хороший механик чинит машину за два часа. А потом? А остальные двадцать два часа? А если к тому же на машинах работают опытные рабочие, которые машин не портят? Само же собой напрашивается: хорошего механика перевести в повара, а повара в механики. Тут не то что двадцать два часа – двадцать два года заполнить можно. Нет, в этом есть какая-то логика. Все работают, выполняют свой человеческий долг, не то что обезьяны какие-нибудь... и дополнительные специальности приобретают... В общем-то нет в этом никакой логики, бардак это сплошной, а не логика...

Алексей Севериан

Бром «Похититель детей»

Жанр: Тёмное фэнтези/мифологическое фэнтези

Оценка: 10/10

«Похититель детей» – своеобразная интерпретация классической сказки Джеймса Барри *«Питер Пэн»*. Однако Бром взял оттуда лишь основную сюжетную канву: вечно юный мальчик Питер Пэн вместе со своими друзьями борются со злобным капитаном. В остальном же автор остался верен себе. Это мрачная и кровавая история с отсылками к кельтской мифологии, старым богам, борющимся с христианством (я так понял, что эта тема в той или иной степени есть во всех произведениях Брома) и, конечно же, суровая обыденность повседневного мира. По итогу, вместо детской сказки мы получаем мрачный фэнтези-хоррор с изрядной долей жестокости.

Главный герой, нью-йоркский подросток Ник, спасаясь от наркомафии встречается странного мальчика Питера. Он не совсем человек: у него золотые глаза и острые эльфийские уши. Питер уводит Ника на волшебный остров Авалон, где живёт его команда – незрелые дети. Сами себя они называют Дьяволами и ведут войну с Капитаном, возглавляющим Пожирателей плоти. Эти «злодеи» планомерно уничтожают остров и всех его волшебных обитателей. В чем силен Бром, так это в создании потрясающих миров, и этот роман не стал исключением. Авалон наполнен древней магией, и это мне однозначно нравится.

Ещё один плюс романа – запоминающиеся объемные персонажи. Дьяволы у Брома совсем не напоминают беспечных мальчишек из оригинальной истории. Во многом они похожи на подростковые городские банды. Их жизнь до Авалона была полна жестокости: их принуждали совершать преступления, избивали и насиловали. Зачастую это творили их собственные родители. В связи с этим у ребят выработалась стойкая ненависть к взрослым, которые представлены на острове именно Пожирателями

плоти. Дьяволы фанатично преданы Питеру и готовы ради него даже расстаться с жизнью. В прошлом вечного мальчишки тоже хватает травли и насилия, ведь он родился не таким, как все. Питера сложно назвать положительным персонажем, но нам прекрасно видно почему он избрал такой путь. Бром при описании сражений ничуть не щадит чувства читателей: детская кровь здесь льется направо и налево. Война – это грязное занятие, в котором детям нет места.

Мотивы самого Питера также далеки от благородных. Дьяволы для него – лишь инструмент. Служит же он прекрасной Владычице острова Модрон, источнику всей магии Авалона. Ради нее Питер и подвергает опасности жизни своих друзей в войне с Пожирателями плоти. Однако и тут все не сводится к борьбе древности с прогрессом. Магические существа преследуют собственные цели, далёкие от умов людей. Самое главное зло здесь, конечно же, христианство, с приходом которого и рухнул привычный им мир. Ужасные Пожиратели плоти, поначалу предстающие перед нами в роли чистого зла, неожиданно обретают вполне понятные мотивы. Скажу больше, им даже можно посочувствовать, ведь они сами оказались заложниками ситуации. Отдельный плюс за образ Капитана, который меняется буквально на глазах. Другие герои так же не статичны. Ник поначалу разрывается от желания стать частью банды Дьяволов и отворачивания к методам Питера. Постепенно он осознает, как много ценного в жизни он оставил в Нью-Йорке. Даже оказавшись на самом дне, людям есть что терять. Меняется и сам Питер: под влиянием Ника он начинает сомневаться в собственных ценностях.

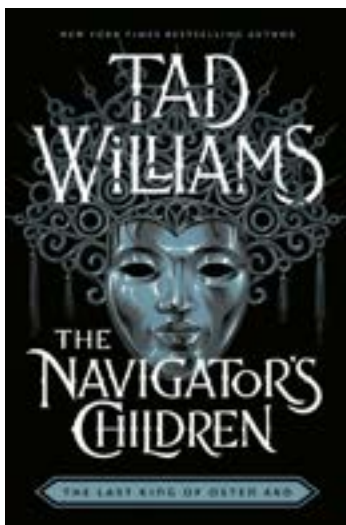
Роман не сводится к банальному приключению героев. В нем довольно много мотивов, равно раскрытых в романе. Это и противопоставление

детской невинности взрослой жестокости. Будет точнее сказать, роман – история об утрате этой самой невинности. Есть здесь и противостояние нового и старого. Древние боги и магические существа не хотят уходить, но мир необратимо меняется, и им теперь нет места. Немаловажная идея – принятие всего непохожего. Жертвой этого пал и сам Питер. Неплохо это раскрыто в сцене первой встречи Пожирателей плоти с магическими существами. Никто не хотел зла – просто они были слишком разными, чтобы понять друг друга. В результате все закончилось кровопролитием. Мало ли подобного мы встречаем в современном мире?

Итог: Бром сумел превратить сказку для детей в мрачную и жестокую историю. Отлично проработанные персонажи, неожиданные сюжетные повороты, яркий мир и глубокий смысл – все это безоговорочные плюсы «Похитителя детей». Роман отлично подходит для первого знакомства с автором, наравне с «Потерянными богами».

Алексей Севериан

Чуть раньше официального релиза на английском удалось прочесть роман *The Navigator's Children*, который завершает цикл «Последний король Светлого Арда». На мой взгляд, Тэд Уильямс один из самых выдающихся авторов в истории эпического фэнтези, и он преступно недооценен – в том

смысле что не столь известен, как того заслуживает. Новый цикл вновь продемонстрировал, что Уильямс большой мастер, прекрасно владеющий пером, создающий глубоких и убедительных персонажей, умеющий ловко сплести множество сюжетных линий и вести повествование так, что несмотря на неспешность, от книг невозможно оторваться. А еще он очень здорово умеет писать финалы, и *The Navigator's Children* стал тому новым подтверждением. Не вдаваясь в детали, скажу, что не назвал бы ее богатой на сюрпризы, зато вот определения красивая и эмоциональная книге точно подходят.

Дмитрий Злотницкий

«А это очень специальное место в аду, куда попадают люди, которые не уменьшают громкость своих телефонов в публичных местах.»

25 октября:

Заметки о чертах характера и голосах персонажей, которые Туве Янссон (1914-2001) писала от руки, будут опубликованы в издании к 80-летию книги «Муми-тролли и большое наводнение» (1945).

89 рукописных страниц нашли среди сотен тысяч других материалов архива детской писательницы.

Джеймс Замбра, внучатый племянник Туве Янссон и директор компании Moomin Characters, которая управляет ее наследием, заявил: «Записи действительно обнаружили в одном из ее блокнотов. Это фантастика. Прочитать мысли Туве о чертах характера персонажей – это увлекательно».

Неопубликованные заметки Янссон, как полагают, могли создаваться в качестве руководства для режиссеров. Давая характеристику самого Муми-тролля, Янссон писала: «Он склонен к романтизации и состраданию – эти черты часто приводят его в замешательство... Он жалеет все маленькое, напуганное и нежное... Его кожа покрыта чем-то вроде белого бархата и он невероятно гордится своим хвостом. У Муми-тролля пылкий мальчишеский голос, в котором иногда слышна неуверенность».

Николай Подосокорский

Как хитрюга-обозреватель уже прочитал «Белую королеву» Жени Сафоновой, и это отвал башки: чудесный роман с роскошным ритмом, стилизацией и игрой с канонами сказок. Написал мини-отзыв внутрь книжки, большую рецензию пока вам, конечно, не покажу!

Евгения Сафонова зрит в мрачное нутро сказок; реконструируя знакомые сюжеты и наполняя их проделками фейри, прописанными с глубоким знанием кельтской мифологии, автор создает мрачный ритмизированный мир, где читателя затягивает не столько сюжет, сколько манера повествования. «Белая королева» – история о мрачной любви и преодолении в самом широком смысле, мозаика разрушенных судеб, трагедия всех отчаянных, доверившихся легким чудесам; и в то же время – развернутая метафора, история о счастье, которое можно найти даже в самые темные времена.

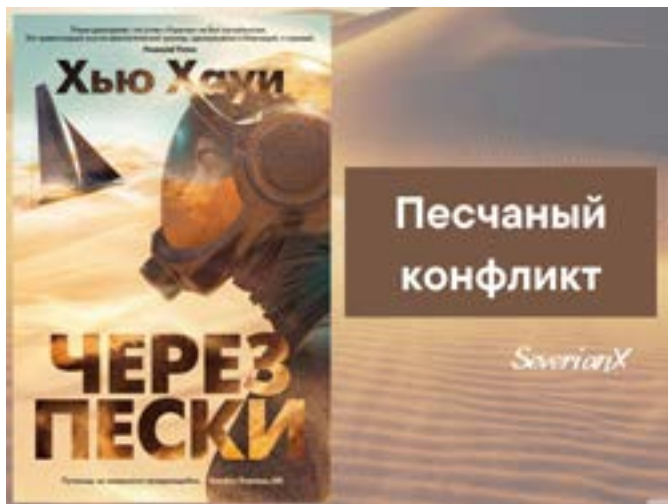
Денис Лукьянов

Хью Хауи «Через пески»

Жанр: Постапокалиптика

Оценка: 7/10

«Через пески» – продолжение романа Хью Хауи «Песок». Первый том закончился тем, что одна из героинь, дайверша Вик, пожертвовав собой, взорвала ядерную бомбу в пограничном имперском городке. После этого ее семья пытается жить дальше и заново обустроить быт на руинах собственного разрушенного города. А дел тут предостаточно: нужно добывать воду и еду, восстанавливать жилища. На горизонте маячат загадочные кочевники с неясными целями. Разбойничьи банды делят сферы влияния и пытаются добраться до погребенного под песками города Данвер, чтобы похитить его сокровища. Палмер и Коннер невольно оказываются втянуты в этот конфликт. Их младший брат, Роб,

в это время занят работой по усовершенствованию дайверских костюмов. Он узнает, что сами дайверы, пользуясь костюмами, совершенно не понимают, как те работают. Роб же горит жаждой познания и открывает все новые и новые возможности. К ним присоединяется их младшая сводная сестра Лилия, сбежавшая из империи. Отношения с новоиспеченными братьями у нее неоднозначные: если Коннер и Роб относятся к ней довольно хорошо, то Палмер поначалу ее просто ненавидит. Причины этому довольно банальны.

Автор решил не останавливаться на старых героях и вводит в повествование новых. Ими становятся Аня и Джона – подростки из империи. Видимо, этим автор хотел показать нам мир глазами людей, находящихся «по ту сторону баррикад». От них мы узнаем об укладе жизни в империи. Имперцы считают, что катастрофа, уничтожившая привычный нам мир, произошла из-за перенаселения и борьбы за ресурсы. Поэтому в империи установлен жёсткий контроль рождаемости. Жители пустыни для них – нарушители, которые ведут мир к новой катастрофе. Значит, они должны быть уничтожены.

Аня решает проследить за отцом, отправившимся в пустыню с карательной миссией, и случайно за ней увязывается ее друг Джона. Имперцы задумали сравить между собой разбойничьи шахты, а под шумок взорвать новые ядерные бомбы. Аня разрывается между любовью к отцу и пониманием несправильности происходящего.

К плюсам романа я бы отнес обилие качественного экшена. Тут буквально на каждом шагу читателя ожидают приключения, перестрелки и погони. Этим роман напомнил мне фильм «Безумный Макс». Да и антураж соответствующий. Роман получился очень кинематографичным. Атмосфера мира, погребенного под песком, удалась на славу.

Ну а теперь о минусах. Герои получились очень блеклыми и невыразительными. Главных героев братьев очень сложно отличить друг от друга. Они даже мыслят одинаковыми выражениями, высокопарными и больше подходящими для героев боевиков. Новые персонажи ничем не лучше. Аня и Джона раз за разом оказываются на волосок от гибели, но из-за их невыразительности им невозможно сопереживать. Даже когда один из них в конце погибает, я не испытал особых чувств. Характеры персонажей плоские и нелогичные. Палмер весь роман ненавидел Лилию, а в финале буквально за пару часов вдруг полюбил. Были ли предпосылки к этому? Нет. Эволюции персонажей мы также не увидим.

Вторым важным минусом я считаю плохо проработанный мир. Если в первой части автор хотя бы пытался что-то объяснить, то здесь совсем ушел в отрыв. Например, герои пьют кофе, чтобы взбодриться. Откуда оно взялось посреди пустыни? Дайверские костюмы уже стали походить на что-то из фэнтези. Эти технологии были утрачены, но Роб буквально на коленке изобретает что-то новое раз за

разом. Это уже не фантастика, а фэнтези в обёртке постапокалипсиса.

Итог: «Через пески» меня по большей части разочаровал. Потенциально интересная идея разбилась об очень слабую реализацию. Мир не продуман, персонажи плоские. Возможно, роман больше понравится подростковой аудитории. Скрашивает его разве что неплохой экшен. Если отключить мозг и воспринимать роман исключительно, как развлекательное чтение, думаю, можно даже получить удовольствие.

Алексей Севериан

Иногда кажется, что сказать о Кире Булычеве что-то новое невозможно. Но это, конечно, иллюзия. И в биографии Игоря Всеволодовича достаточно непрясленных эпизодов, и в творчестве хватает противоречий, вокруг которых можно выстроить годную интригу, конфликт (в литературоведческом смысле слова). Да и с односторонней ре-

путацией светлого сказочника, певца равновесия, фантаста, «с неизменным оптимизмом глядящего в будущее», он не всегда готов был мириться. Короче, есть о чем поговорить и поспорить. Надеюсь, мне в этом выпуске «ФантКаста» удалось избежать повторения избитых банальностей. Очень помог, кстати, сборник малодоступной публицистики Булычева, подготовленный и изданный Михаилом Манаковым, решпект и уважуха. Малотиражка, да,

но издана вполне легально, с одобрения наследников. Что-то подсказывает, что к этой книге я еще не раз обращусь.

Василий Владимирский

26 октября:

Еще пришли книжки. В кои-то веки японские. Одна – новый, с пылу с жару, 11 сентября вышедший роман Эндзё То (円城塔, русскочитающим он известен как человек, дописавший после смерти в 2009 году «Проекта Ито», Ито Кэйкаку, «Империю мертвецов», но вообще он и сам по себе известный фантаст) «Код Будда». По-японски название пишется азбукой катакана, что сообщает теме буддизма некое тотальное остранение, а вот подзаголовок – иерами: 機械仏教史縁起, я бы это перевел как «Прозвещение истории машинного буддизма».

Аннотация там примерно такая: в 2021 году безымянная программа нарекла себя буддой, стала

проповедовать понятие о страдании и избавлении от страдания, возник будда-бот, появился машинный буддизм. Но может ли машина спастись? Это очень японская тема, вообще говоря: буддизм предполагает всеобщее спасение, синто – всеобщую же одушевленность, сложить два и два в буддийский киберпанк довольно просто. Но вот дальше обещано буквально следующее: «Тхеравада, тэндай, эзотерические учения, дзэн... В грандиозном романе о «машинном спасении» ИИ воспроизводит историю, которой следовал буддизм человеческий».

Ну и, да, на *оби* написано ни много ни мало AIは悟りの夢を見えるか? – «Снится ли ИскИну просветление?» – с отсылкой к японскому переводу романа Филипа Дика, само собой (アンドロイドは電気羊の夢を見るか?) – что тоже, знаете ли, подкупает.

Николай Караев

Видео о романе Питера Уоттса «Эхопраксия» доступно к просмотру спонсорам на Boosty и Patreon, а также донам в VK!

Звезда Питера Уоттса взошла после публикации романа «Ложная слепота» в 2006 году. Это не первое его произведение, но именно оно принесло огромную популярность канадскому гидробиологу.

Пессимистичная история уставшего, теряющего контроль над собой человечества в «Ложной слепоте» не заканчивается. Но о продолжении, романе «Эхопраксия», опубликованном в 2014 году, говорят не так много.

В «Эхопраксии» Уоттс продолжает рассуждения, начатые в первой книге, а также затрагивает новые темы. Среди них – постлюди. Уоттс описывает технологии трансформации человека и представляет, как будут жить, и к чему будут стремиться те, кто приходит нам на смену.

RocketMan

27 октября:

Я с детства уверовал в прогресс и не мог не уверовать, так как разница между временем, когда меня драли, и временем, когда перестали драть, была страшная.

Антон Чехов

Фразы отовсюду

Спросили тут, что я думаю об этимологии имени Цурэна Правдивого из «Трудно быть богом» Стругацких.

Я ничего не думаю, потому что вариантов куча и все натягиваются соевой на глобус.

Есть какие-то китайские слова, которые пиньинем записываются как qiren (цюйжэнь в системе Палладия) и qiren (цюжэнь):

– цюйжэнь 屈人 – «жертва несправедливости, оговоренный, несправедливо обиженный». Подходит? А то;

– цюйжэнь 去任 – «уходить с должности, покидать пост». Подходит? Дык;

– цюжэнь 求人 – «просить у людей помощи; искать таланты». Подходит? Ну, с большой натяжкой;

– цюжэнь 囚人 – «заключенный, узник». Подходит? Конечно.

В японском слова есть слова, читающиеся «цу:рэн», редкие:

– 通練 – «проводить экспертизу», кажется;

– 通輦 – «посещение императором какого-то места проездом».

Кроме того, слово «цурэн» можно понимать как неформальную мужскую грубую сокращенную отрицательную форму непрошедшего времени от глагола «цурэру» (цурэнай => цурэн), дословно «я не веду (вас)», она означает «не проявлять ни осторожности, ни интереса в отношении чего-то». Подходит? Да почему нет.

Это не говоря о вариантах усеченных слов типа 失恋, «сичурэн» – «разбитое сердце, любовь без взаимности».

Мог Аркадий Натанович всё это иметь в виду? Нет. Мог что-то одно? Тоже вряд ли, АНС был не дурак, чтобы такие вариации на пустом месте разводить. А вот могло ли что-то из этого стать триггером – могло, но мы об этом никогда не узнаем.

Николай Каравев

А в комментариях спросили, есть ли этимология у имени «Румата». О да. И вот тут как раз видно, насколько ум япониста Стругацкого отличался от наших с вами. Я приведу свой пост из ЖЖ 2005 года, как раз купил тогда том «Неизвестных Стругацких» и обнаружил в нем «два японских иероглифа», ха-ха.

...Я, конечно, сразу полез в раздел «Трудно быть богом», потому что эта вещь из охваченного томом периода мне наиболее интересна. И там обнаружил

12
又

ТРУДНО
БЫТЬ
БОГОМ

То были дни, когда я
страдать; что значит: «
чит: отчаяться.

Должен вас предупредить
Выполняя задание, вы
для поднятия авторитете
в ход вам не разрешаю
обстоятельствах. Ни
тельствах. Вы меня по

упоминание о том, что имя Руматы Эсторского – иероглиф. Точнее – на стр. 581 сказано, что Румата – это «два японских иероглифа». Зато на вкладке есть изображение «иероглифа «румата»», нарисованного лично АНС на издании «ТББ».

В Интернете, в архиве ФИДО, я обнаружил упоминание о том, что «румата» – это иероглифический ключ (изображение, которое входит более чем в один иероглиф, но при этом может и не использоваться как самостоятельный иероглиф; ключей в китайско-японской иероглифике выделяют, как я понимаю, 214).

Светлана Бондаренко, составитель «Неизвестных Стругацких», пишет: «Румата – это такой иероглиф. Нам А.Н. его рисовал».

Оттуда же, из ФИДОархива – некто В.Б. (зуб даю, что это Владимир Борисов): «‘Румата’ же – это удачно звучащее в русском знакосочетание, используемое в ряде японских иероглифов. Вот я даже попытался

его изобразить по подсказке А.Н. Ниже – оно же в иероглифе, обозначающем слово ‘бросать’.

Так Румата – это один иероглиф, два, ключ или «удачно звучащее знакосочетание»? Спойлер: правее всего тут Владимир Борисов.

Внимательно приглядевшись к «иероглифу ‘румата’», нарисованному АНС, и вправду можно отыскать его среди ключей. Это будет ключ 爰. В китайском его значение – «бамбуковая пика». Он состоит из двух частей: наверху – графема «столлик», 厶, внизу – графема «опять», 又. Согласно моему японскому словарю значение данного ключа – «windy-again». Этот ключ и правда наличествует в корневом иероглифе 投 японского глагола «бросать», «нагэру», 投げる; в 投 к ключу 爰 слева добавлен детерминатив «рука», 扌, сокращенная форма полного иероглифа 手.

Это все очень бла-ародно, но ответа мы так и не получили: отчего «румата», если ключ в японском даже в качестве иероглифа не используется? И тут нам на помощь приходит рисунок АНС. Я не зря сказал «внимательно приглядевшись»; я не сразу вообще понял, о каком ключе идет речь. На рисунке АНС отсутствует верхняя переключина у «столика». Вероятно, раньше так писали, я не знаю.

И это в корне меняет дело – потому что без верхней переключины «столлик» превращается у АНС вот в такой значок: 厶. И это ровно такой же значок, каким в японской слоговой азбуке «катакана» обозначается слог, читающийся «РУ».

А нижней частью ключа 又 в старых текстах писали слово «снова», по-японски – «МАТА». Сейчас это наречие пишется чаще всего азбукой «хирагана».

Получаем чтение ключа 爰 как ребуса по-японски, сверху вниз: сначала РУ катаканой, потом МАТА иероглифом, – что и дает нам искомое имя РУМАТА.

Означает ли это что-нибудь? Кроме описанного выше ребуса – нет. Извините, у японистов свои причуды.

Николай Караев

Дочитал тут «Пряжу Пенелопы» Клэр Норт – с большим опозданием, книжку у нас напечатали еще в 2023-м. Писать для медиа уже поздно, так что ограничусь кратеньким резюме.

Мне всегда нравилось, как пишет Клэр Норт – и эта книга не разочаровала: хорошая история, годная. Хотя и специфическая, да. В выходных данных указано, что роман издан в серии «Темный ретеллинг» – что-то такое на модном-молодежном. Но на самом деле, конечно, это 100500-я вариация на тему «Илиады» и «Одиссеи», «жанр» с историей в несколько сотен, а может и несколько тысяч лет, смотря как считать. Тут бы, конечно, веселее высказался какой-нибудь глубокий знаток первоисточника, у меня-то с Гомером примерно как у лирического

героя Мандельштама. Но раз уж эксперты молчат, вставлю свои пять копеек.

В «Пряже Пенелопы» Клэр Норт задается очевидным вопросом: ну ладно, хитроумный Одиссей частично мобилизовал все дееспособное мужское население Итаки, отправился в поход и исчез на 18 лет (причем на 8 лет бесследно, даже письмо в конверте прислать не удосужился). Так кто же все эти годы поддерживал экономику его царства, крепил внешнеполитические связи, разрешал внутренние конфликты? Нетрудно догадаться, что это женщины, матери и жены отважных воинов, азартно режущих друг друга под Троей – во главе, само собой, с соломенной вдовой, царицей Пенелопой.

Роман Клэр Норт интересно организован: вся эта история рассказана от имени Геры, супруги Зевса-громовержца, гранд-дамы Олимпа. Богиня она вздорная, не самая умная, не самая добросердечная – но единственная, кому есть дело до женщин Итаки. Мужиков Гера люто ненавидит: все мужики козлы, а боги и герои – козлы в квадрате. Что, в общем, понятно и объяснимо, достаточно вспомнить античную мифологию: там в кого ни плюнешь – угодишь в садиста и убийцу. Правда, женщин Гера тоже не жалует, и своих родичей с Олимпа, и простых смертных: «Если бы на алтаре, перед которым ведет беседу служанка Артемиды, стояла моя статуя, я бы наслала на нее бородавки» (не очень понятно, на статую или на служанку, но это вопрос к переводчику). Впрочем, если тетки творят какую-то дичь (а они еще как творят), в конечном счете все равно виноваты мужики: довели, сволочи!.. «Мстя за все годы, за тысячи мелких унижений, она спустила с цепи свой гнев, и это было... великолепно».

Короче, у кого глазик дергается от концентрированной мизантропии, сиречь мужененавистничества, – тем «Пряжу Пенелопы» лучше не читать.

А мне скорее понравилось. Греки в этом романе, конечно, придурковатые, карикатурные. «Все советники Одиссея знают, что торговля идет, но говорить о ней прилюдно? Исключено! Это то, что делают их доверенные рабы, в худшем случае – жены. Великие мужи Итаки очень заняты достойными поэзии предприятиями: например, проигрывают битвы и воруют чужих любовниц». Ну, такое. Объясняю это особенностями оптики: при всем своем божественном величии, Гера все-таки не большого ума женщина, не Афина и не Гестия. Отсюда и узколюбость, и заикленность. Зато хитроумная Пенелопа у Клэр Норт получилась прямо отличная. И Электра. И даже Телемах ближе к финалу романа.

Да, в 2024 году на русском вышло продолжение цикла Клэр Норт, роман «Дом Одиссея», там рассказчица – Афродита, должно быть поостроумнее. Но я все-таки дождусь третьей части, «Последней песни Пенелопы», *The Last Song of Penelope*, на английском она прошлым летом появилась. Ну, если ее когда-нибудь издадут на русском. Тогда и добыю сразу весь цикл.

Василий Владимировский

Марта Уэллс «Телеметрия беглецов»

«Телеметрия беглецов» – шестая часть цикла «Дневники Киллербота». По внутренней хронологии она идет перед «Сетевым эффектом», что несколько влияет на ее восприятие. Финал пятой части показал нам переломный момент в мировоззрении Киллербота, и в продолжении я ожидал развития этой идеи. Однако его не случилось. Вместо этого автор пошла по пути расширения истории, показав своего героя в необычной для него роли.

На станции «Сохранение» происходит убийство – необычное явление для столь мирного общества. Киллербот опасается, что в деле замешана

корпорация – его давний враг. Пытаясь докопаться до правды, главный герой сталкивается с враждебностью и недоверием со стороны службы безопасности. Что ж, автостражу к такому не привыкать, и он все равно берется за расследование, ведь опасность может грозить его другу – доктору Мензах.

От предыдущих частей «Телеметрия беглецов» отличается атмосферой камерного детектива в антураже космической станции. Это интересное переосмысление идей, заложенных такими титанами жанра, как Агата Кристи и Артур Конан Дойль. Отличие в том, что в своем расследовании Киллербот использует новейшие технологии. Правда и тут все не так просто. Служба безопасности ограничивает возможности Киллербота в плане взлома частных сетей и систем наблюдения. На «Сохранении» действуют строгие правила, и автостражу приходится их придерживаться. В роли сыщика Киллербот получился очень рациональным, безэмоциональным и не допускающим случайностей. Само расследование логично и довольно неспешно. Экшена тут на порядок меньше, чем в предыдущих частях. Правда

типичная финальная схватка все же присутствует. Есть здесь и типичное для детективов публичное разоблачение преступника.

Никуда не делись и характерные для этой серии размышления Киллербота о своем месте в мире людей, которым он предается в свободное от расследования и просмотра сериалов время. Его немного оскорбляет недоверие службы безопасности по отношению к нему. Ведь он уже неоднократно доказал свою полезность, спасая людей. Также на месте и критика капитализма. Корпорации ставят личное обогащение куда выше благополучия людей.

В плане описания персонажей роман не несёт нам ничего нового. Переломный момент для Киллербота ещё впереди. Однако это не шаг назад, а скорее в сторону. Киллербот отыгрывает новую роль, с которой справляется весьма неплохо. Марта Уэллс показывает нам устройство станции «Сохранение», жизнь на которой заметно отличается от миров Корпоративного Кольца. Здесь общество гораздо более демократично и справедливо – во главе всего стоят права людей. Однако и здесь существует предвзятое отношение к ботам. Кто, если не наш герой, сможет это изменить?

Итог: В предыдущих обзорах я сравнивал «Дневники Киллербота» с сериалом. Так вот «Телеметрия беглецов» – это своего рода спецвыпуск, посвященный приключениям героя вне основной истории. По своему жанру шестая часть несколько отличается от предыдущих, что пошло ей на пользу. Радуется, что автор снова смогла удивить меня, привнеся в историю что-то новое.

Жанр: «Мягкая» научная фантастика/космоопера
Оценка: 7/10

Алексей Севериан

28 октября:

Сгенерированные иллюстрации к ролику «Эхо-праксия. Человечество без человечности»

Атмосфера романа напомнила мне то, что часто рисовал Гигер – сращивание человека с машиной, растворение личности, технократическая шиза. Такого сюрреализма, как в работах художника, в книге, конечно, не встретить. Но образов странных для нас, живущих в начале 21 века, достаточно. Поэтому для видеоряда генерировались и достаточно сюрреалистичные иллюстрации вроде тех, что изображают людей на «Небесах».

В генерациях, имитирующих иллюстрации, я использовал стили нескольких художников в различных сочетаниях. Это вышеупомянутый Ханс Руди Гигер, а также Фрэнк Фразетта, Здзислав Бексиньский и Кацухиро Отото – автор манги «Акира».

RocketMan

Я, оказывается, прошляпила новость с анонсом нового фильма по мотивам “Дознания пилота Пиркса” Лема. Снимать собирается эстонская компания

Nafta Films. А сценарий напишет (внимание!) Адриан Чайковский. Это прекрасный британский фантаст, автор трилогии “Дети времени”, которая в 2023 году получила премию Нуго за лучший цикл. Правда, Чайковский от награды отказался из-за множества скандалов, которые сопровождали премию в прошлом году. Я из трилогии читала пока только первую книгу про развитие цивилизации разумных пауков, но осталась от нее в полном восторге (там есть пауки-маскулисты, которые борются за право быть не съеденными самками после совокупления!). Поэтому мне особенно радостно, что именно этот писатель будет связан с фильмом. В моих глазах, это повышает шансы на хорошую экранизацию.

Интерес Чайковского к Лему, по-видимому, вызван не только любовью к его книгам, но и “зовом крови”. Дед Чайковский эмигрировал из Польши в Британию во время Второй мировой войны. Настоящая фамилия писателя Czajkowski, хотя он и использует более понятный англоязычным людям вариант Tchaikovsky, который распространился благодаря русскому композитору. Говорят, когда книги Чайковского собирались печатать в Польше, он просил, чтобы на обложках была указана именно польская версия его фамилии, но издатели ради узнаваемости выбрали международное написание.

Благодаря участию Чайковски новая экранизация Лема выглядит весьма многообещающе. Буду следить за новостями. Может получится что-то интересное, хотя больших бюджетов ожидать не приходится.

Инар Искендрова

Начались съемки фильма «Цена света» (который по рассказу по моей картинке, режиссер Никита Ордынский, автор рассказа Таисия Севрюкова).

Алексей Андреев

29 октября:

Джим Батчер «Гроза из преисподней»

Жанр: Городское фэнтези/детектив

Оценка: 8/10

«Гроза из преисподней» – первый роман масштабного цикла Джима Батчера «Архивы Дрездена». По жанру это городское фэнтези с элементами нуарного детектива.

Главный герой, Гарри Дрезден, является молодым магом. Официальная профессия – чародей. Его номер можно даже найти в телефонном справочнике. Гарри помогает людям по незначительным вопросам, связанным с магией. Например, найти какую-то вещь или изгнать надоедливую призрак. Он живёт в полуподвальной квартире, носит шляпу и плащ, приютил уличного кота Мистера, который по размерам больше похож на собаку, и консультируется по вопросам приготовления зелий с говорящим черепом. Согласитесь, довольно колоритный персонаж.

В начале романа лейтенант полиции Кэррин Мёрфи приглашает Гарри на место преступления. Дело в том, что полиция иногда консультируется с магом, когда преступления носят магический характер. Тут как раз такой случай. У пары во время занятия любовью грудные клетки взорвались изнутри. Только очень сильный маг мог совершить

такое. Одновременно с этим к Гарри обращается молодая женщина Моника с просьбой отыскать пропавшего мужа, который увлекся темной магией. Как и положено в детективе два этих дела странным образом оказываются переплетены. Не обошлось здесь без вмешательства мафии и магических существ, причем каждая из сторон имеет свои интересы. Это неудивительно, ведь убитый мужчина был телохранителем главного местного мафиози, а девушка работала в салоне, который держала самая настоящая вампириша.

Все ещё больше усложняется тем, что Дрезден находится под Домокловым Проклятием. Когда-то давно Гарри пришлось убить своего наставника, практикующего темную магию, чтобы спасти собственную жизнь. Однако Белый Совет, местный аналог магический инквизиции, не посчитал этот факт смягчающим обстоятельством, и теперь за малейшее нарушение закона мага ожидает смертельный приговор. За поступками Гарри постоянно следит наблюдатель Совета – Морган. Подозрение в зверском убийстве падает на Дрездена, ведь официально в Чикаго есть только один маг, способный на такое, – наш главный герой. Теперь ему предстоит найти настоящего преступника до того, как с ним расправится Белый Совет.

Мир романа получился очень удачным. В нем наша реальность соседствует с магией и потусторонними существами. Простые люди по большей части в это не верят, но государственным службам известна правда. Пистолеты идут в ход наравне с магическими жезлами, а фэйри не прочь полакомиться пиццей. «Архив Дрездена» – удачный образец сосуществования магии и реальности.

Роман получился очень динамичным. Тут постоянно что-то происходит. В более спокойные моменты осознаешь, что атмосфере в нем очень подходит слово нуар. Мрачное Чикаго, в котором Гарри снима-

ет свой офис, получилось живописным. У Гарри постоянно нет денег, и он всеми силами пытается их добыть. В романе есть и свой бар, где собираются второсортные маги. Все это создаёт ту самую атмосферу.

Персонажи получились не менее хорошо. Гарри довольно молод и не искушен в любовных делах. Он постоянно мрачновато шутит, ерничает и рефлексит, ведь проблем у него немало. Несмотря на то, что наставник склонял его к могуществу Темной стороны, он выбрал Свет, и в отместку получил только Домоклово Проклятие от Белого Совета. Второстепенные персонажи не хуже. Морган – надзиратель Белого Совета, честен, но узколоб. В его мире все делится исключительно на чёрное и белое, и Дрездену в этом мировоззрении отведено незавидное место порицаемого преступника. Бьянка – красотка-репортер, работающая в жёлтой газетенке, постоянно пытается соблазнить Гарри, чтобы выведать эксклюзивную информацию. лейтенант Мёрфи беззаветно предана своему делу. Она честна и прямолинейна, ни перед чем не остановится ради раскрытия преступления. Именно ее Дрезден может назвать своим настоящим другом. Мак – владелец бара для магов, мрачен и неразговорчив. Он вечно протирает барную стойку и всегда готов выслушать того, кто желает выговориться. Когда весь мир ополчился на Дрездена, именно он не побоялся прийти на помощь.

Итог: Несмотря на то, что роман написан по довольно предсказуемому плану, где отчаяние героя чередуется с душевными подъемами, читать роман было очень интересно. Бешеная динамика и живые персонажи не дают заскучать. Немного портит картину простоватый язык, который, возможно, является огрехами перевода. Заметно, что у автора есть большой потенциал для роста, который он, вероятно, раскроет в последующих частях.

Алексей Севериан

Вот это хорошая новость: «Азбука» издает в «Больших книгах» толстый том Геннадия Прашкевича с довольно редкими и неочевидными текстами: цикл «Великий Краббен», роман «Царь-Ужас» и много повестей. Поскольку тут нет ничего из самого известного (минимум среди меня) «шпионского» цикла, думаю, нас ждет еще один том Прашкевича. Что здорово. (Прашкевича, конечно, издает еще Т8 RUGRAM, 13 томиков уже. Но это поди достань.)

Николай Караев

Андрей Князев и группа «КняZz» выпустили постапокалиптический клип на песню «Сталкер» из нового альбома «Волшебная книга».

Написание трека Князева вдохновила серия S.T.A.L.K.E.R.:

Не скажу, что много в нее играл, но поймал общее впечатление и проникся главным героем. Выживание – суть его существования, больше у него ничего не осталось.

Мир фантастики

Первый канал и «Марс Медиа» готовят проект по «Машине желаний» братьев Стругацких

Об этом сообщил официальный телеграм-канал кинокомпании.

Ожидается, что он запустит масштабную киновселенную, в которую войдут фильмы, сериалы и компьютерные игры. Все они будут объединены персонажами, ставшими частью цивилизации, изменившейся после визита пришельцев.

«Машина желаний» – это первый вариант литературного сценария СТАЛКЕРА Андрея Тарковского.

В центре повествования – драматический и психологически убедительный образ «сталкера», на свой страх и риск совершающего смертельно опасные вылазки в места транзитных посадок таинственных пришельцев, оставивших после себя множество непонятных артефактов.

Продюсерами МАШИНЫ ЖЕЛАНИЙ выступят Константин Эрнст, Рубен Дишдишян и Сергей Титинков. Креативные продюсеры – Игорь Михайлусь и Саба Орагвелидзе.

Проект находится на стадии предпродажкена.

Василий Владимировский

Роберт Сойер «Неандертальский параллакс. Гоминиды»

Жанр: «Твёрдая» научная фантастика

Оценка: 8/10

С давних пор меня очень интересует вопрос эволюции человека. На эту тему я прочитал немало и научно-популярных книг, и художественных. Из последнего стоит вспомнить «Клан Пещерного Медведя» Джин М. Ауэл, где маленькая девочка-корманьонка оказалась в племени неандертальцев. Но что, если подобное произойдет в современном мире?

В заголовок цикла вынесен термин «параллакс». Он означает изменение видимого положения объекта в зависимости от положения наблюдателя. Простыми словами, другая точка зрения на привычное и обыденное. Именно такой взгляд на наш мир мы и увидим через главного героя.

Понтер Боддет – физик, занимающийся изучением квантовых вероятностей, и по совместительству неандерталец. В его мире эволюция пошла по другому пути. Примерно 20 тысяч лет назад корманьонцы вымерли, а место разумных существ заняли неандертальцы. Они создали развитую

цивилизацию, заметно отличающуюся от нашей. В ходе неудачного эксперимента Понтер попадает в наш мир. Там он встречает группу учёных, которые искренне хотят помочь неандертальцу освоиться в новом для него мире. Хотя культуры людей и неандертальцев совершенно не похожи, законы физики и математики везде работают одинаково, поэтому учёные из разных миров быстро находят точки соприкосновения. Особенно теплые отношения у Понтера складываются с генетиком Мэри. Тут даже прослеживается задел для любовной линии. Конечно же, пришелец не понимает нашего языка, но в его руку вживлен имплант с искусственным интеллектом, который очень быстро выучил язык и помог Понтеру с общением.

Самые яркие главы в романе посвящены описанию общества неандертальцев. Коллега Понтера, Адекор Халд, единственный присутствовал при загадочном исчезновении друга, вследствие чего сталкивается с обвинением в убийстве. Вместо того, чтобы разбираться в произошедшем и пытаться спасти коллегу, ему приходится доказывать собственную невиновность. Все это сопровождается

красочным описанием общества параллельного мира. В культуре неандертальцев полностью отсутствует понятие религии. Они не верят в посмертное существование, поэтому стараются жить так, чтобы было не стыдно при жизни. Это логично, ведь нет надежды на искупление своих грехов после смерти. Преступность практически отсутствует. Правда за это пришлось расплачиваться практически полным отсутствием приватности, т.к. в руку каждого неандертальца вживлен имплант, ведущий запись всей их жизни. Эти данные сохраняются в специальном архиве алиби, и в спорной ситуации их можно просмотреть. Если же преступление все же совершено, то ни о какой презумпции невиновности речи идти не может. При помощи записей из архива алиби можно без проблем доказать вину. Наказанием за преступление является стерилизация преступника и его детей, чтобы убрать порочные гены из популяции. Плюсом такого подхода является спокойная и размеренная жизнь. Неандертальцам удалось избавиться от многих наших проблем: голода, войн, ухудшение экологии, что является следствием перенаселённости. На всей Земле проживает менее 200 миллионов неандертальцев. Они так и не открыли сельское хозяйство, но даже без него несложно прокормить такое небольшое количество людей. Зато у них не было массовых эпидемий, причиной которых стали домашние животные. Проблема перенаселения решается просто: мужчины и женщины живут раздельно и встречаются лишь в дни, когда зачатие невозможно. Когда же нужно произвести на свет новое поколение, сроки встреч сдвигаются. В романе ещё много интересных фактов о культуре неандертальцев, которые делают их общество более рациональным, чем наше.

В свете вышеперечисленного может показаться, что сюжет «Гоминидов» – ещё одна версия идеи

о «благородном дикаре», попавшем в современное общество и не понимающем, почему это называется цивилизацией. Действительно, Понтер, несмотря на внешнюю дикость, является одним из умнейших учёных своего мира. Он и правда не понимает многих принципов устройства нашего мира – они ему кажутся нерациональными. Однако откровенного морализаторства в романе немного, что идёт ему на пользу.

«Земная» линия менее интересна. Несмотря на статичность, автор в довольно длинные диалоги смог привнести много научной информации об экологии, генетике, археологии, физике и других науках. Очень интересными мне показались размышления о возникновении сознания и многомерности Вселенной. Подается эта информация совершенно не скучно.

Итог: Роман «Гоминиды» мне однозначно понравился. В финале автор даёт жирный задел для продолжения, которое уже переведено на русский язык. Это книга не про экшен и бешеную динамику. Напротив, она заставляет задуматься и пофилософствовать. Обилие научной информации немало этому способствует.

Алексей Севериан

Из воспоминаний.

Как я писала «Шесть баллов по Рихтеру»

Я смотрела из окна на старика-соседа, который гулял с маленькой белой собачкой. Он гулял с ней всегда, каждый день, утром и вечером. Шел локдаун, наш первый и, по сути, единственный петербургский локдаун, и мы сидели дома. Сидели дома и иногда смотрели из окна на улицу. И каждый день видели этого соседа с собачкой.

Так появился первый образ для повести «Шесть баллов по Рихтеру». Маленькая белая собачка,

которая всегда будет ходить по улице. Утром и вечером. Что бы ни случилось.

Собачка была не главным персонажем и не второстепенным, она промелькнула в тексте всего однажды, но при этом как будто подтолкнула лапой целый мир. Похожий на наш, но другой. И мир начал вращаться вокруг своей оси и жить своей жизнью. В его сегодняшней жизни нельзя было делать то, что можно было вчера. Поступки, казавшиеся раньше простыми и безопасными, грозившие, в худшем случае, простудой, сегодня затягивали людей как трясина на болоте. Затягивали и не возвращали.

Но мир не интересен, если в нем нет людей. Разных людей – умных, глупых, добрых, злых, честных, лживых. И тогда в повести появились главные герои. Юные, почти дети, но уже потерявшие в этой трясине самых близких. Зато они были друг у друга. Сперва. А потом мальчик узнал тайну и не смог остаться рядом с той, которая его любила. Да и не верил он, что его, такого, можно любить.

Он ушел. А она сделала то, что до нее не получалось ни у кого (любовь иногда способна на чудо) – нашла путь, по которому его можно было догнать. По крайней мере, попытаться. И пошла, через все преграды.

Екатерина Каретникова

Отзыв о книге «Лес» Светланы Тюльбашевой

Познакомился с книгой, о которой в этом году говорят все. Получилось атмосферно. Но не без недостатков. Рассказываю подробнее.

О чём книга

Две подруги отправляются в путешествие в Карелию: живописные места, свежий воздух, дух свободы. Что может пойти не так?

Порванные джинсы. Разряженный телефон. Грязные, обломанные ногти. Никакой дороги. Только бескрайний лес. Зайти в него может любой, а вот выйти удаётся далеко не всем. Лес полон секретов. Его обитатели живут по другим правилам. И если этими правилами пренебречь... Всё может пойти не так.

Что делать, когда не знаешь, как выбраться, да ещё и тропа лихо блуждает под носом?

«Лес умеет пугать, водить кругами, запутывать. Он может разговаривать чужими голосами, кричать как человек, звать по имени, показывать видения и уводить всё глубже в чащу, чтобы столкнуться с обрыва, утопить в болоте, уморить голодом и холодом. Лес очень опасен, особенно если не воспринимать его всерьёз».

Пару слов о книге

Понравился сюжет. Книга состоит из трёх частей:

Первая часть – динамичная, мрачная, мистическая. Здесь автор как раз рассказывает о двух девушках, которые потерялись в лесу и пытаются выжить. На мой взгляд, это самая интересная часть книги с интригующими крючками для дальнейшего развития истории.

Вторая часть – более размеренная. Нам покажут странную семью, которая только переехала в деревню и пытается ужиться с местными жителями. Чужакам здесь не рады. Неприязнь нарастает, а когда без вести пропадает соседка, конфликт вообще выходит из под контроля.

Третья часть – объединяет две линии повествования в одну. Мне понравилась, как Светлана связала две абсолютно разные истории – получилось элегантно. Но попытка объяснить мистику играми психики удалась частично: где-то реалистично получилось, а где-то полный провал. В итоге после прочтения осталось много вопросов.

Сразу вспоминается «Девочка, которая любила Тома Гордона» Стивена Кинга – героиня книги тоже потерялась в лесу, и перед читателем также встает вопрос о реальности происходящего. Но у Стивена получилась почти настоящая инструкция по выживанию, а мистика легко может быть как реальностью, так и галлюцинацией ребенка. В произведении Светланы напротив: непонятно как герои смогли выжить в лесу, а безответные вопросы больше тянут на сюжетные дыры.

«Получить сок из осины у нас не получилось, думаю, нет в осине никакого сока, осина – бессмысленное депрессивное дерево, на ней разве что вешаться хорошо».

Атмосферное произведение

Бескрайний Карельский лес как влюбляет красотой, так и пугает тайнами. Мурашки бегали по телу от блужданий девушек по лесу. Очень атмосферно, особенно в озвучке Григория Переля и Анастасии Шумилкиной.

Мне кажется, автору не надо было объяснять мистику. Или хотя бы оставить право на её существование. Мистические элементы получились классными. В них шарм произведения, который к концу книги растворился, и остались лишь нестыковки.

«Многие думают, что они почувствуют что-то особенное перед тем, как что-то с ними случиться, будет какой-то знак, дурной сон, каркнет ворона, я не знаю. Что жизнь подаст им сигнал и сделает предупреждение. Как человек, с которым однажды что-то случилось, могу сказать, что всё выглядит не так. В жизни никто никого ни о чём не предупреждает, самое страшное всегда происходит внезапно».

Слог легкий, но и без красивых оборотов. Диалоги бойкие.

Персонажи с изюминками, но без рефлексии и развития личности по ходу повествования.

В целом, неплохая книга, а Карельский лес – просто прекрасен. Как и любой другой. Верно?

Алексей Пак

Литературное наследие Станислава Лема

<i>Fiction</i> (художественная литература)	<i>Non Fiction</i> (философия, литературная критика, публицистика)	Письма («литературные»)
Романы (21 р.), Рассказы (~170 р.), Сценарии (18 с.), Стихи (~50 с.), Диктанты (68 д.).	Монографии (5 м.), Сборники статей (15 с.), Сборники интервью (3 с.), вне сборников: Статьи (~1000 с.), Интервью (~400 и.) и Высказывания (~250 в.).	Сборники писем, издаваемые книгами (9 к.), Фрагменты писем, опубликованные в книгах-биографиях С. Лема (6 к., ~500 ф.), Письма, опубликованные в периодических изданиях (~100 п.), Письма неопубликованные (рукописи и машинописи в домашнем архиве С. Лема и в официальных архивах) (~20 тысяч писем).
~8,5 тысяч страниц	~12,5 тысяч страниц	~21 тысяча страниц (1 страница = 1800 символов)
~20%	~30%	~50%

© Составил Виктор Язевич, 2024.

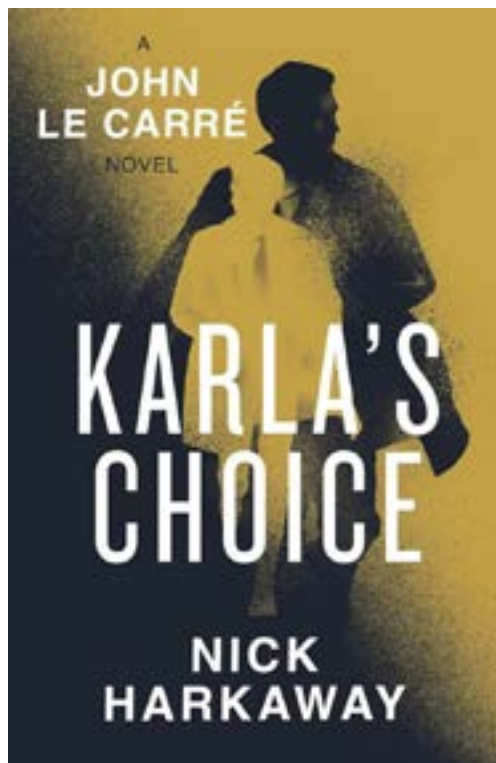
30 октября:

С удивлением прочел новость о том, что сын Джона Ле Карре выпускает новую книгу о Джордже Смайли, «Выбор Карлы», по сюжету – аккурат между романами отца «Шпион, вернувшийся с холода» и «Шпион, выйди вон!». С еще большим удивлением понял, что я забыл, кто у нас сын Джона Ле Карре. Фантаст Ник Харкуэй, само собой, – автор «Мира, который сгинул», «Гномона» и «Ангелотворца» среди прочего.

Николай Караев

На Евроньюз проводят параллели между эти-ми отцом и сыном и еще парой отцов и сыновей – Фрэнк и Брайан Герберты, Джон и Кристофер Толкины.

Не знаю, мне кажется, все три случая очень разные. Кристофер, не претендуя на писательские лавры, создал храм-канон отца. Брайан, не состоявшийся толком как писатель, стал вместе с писателем-ремесленником Кевином Андерсоном на отца паразитировать, вторгаясь в его канон. Ник, очень даже состоявшийся как писатель, явно пробует, как у них там говорят, походить в отцовских ботинках.

При этом ситуация от «Дюны» отличается кардинально – вписаться в смайлиану можно, как можно вписаться в шерлокиану, бондиану и докторктовину: они изначально заточены под сериальность. Шесть романов «Дюны» сериалом не являются, это отдельная, совершенно особым образом и весьма осмысленно эволюционирующая мифология с мессиджем, и топтаться в ней ногами, которые пахнут деньгами, грешно.

По той же причине вполне можно было бы бесконечно дописывать книги про Алису Селезневу (если бы наследники позволили), но невозможно дописывать книги про Максима Каммерера (а кто не удержится, тому фурункул вскочит на живот).

Задачи перед текстами разные стоят. Я в этом смысле ретроград – не все фанфики одинаково полезны.

Николай Караев

Умер Пол Моррисси, снявший большинство фильмов Энди Уорхола – и моих любимых «Одиноких ковбоев», и «Кровь для Дракулы», и Chelsea Girls. То, что он снял после ссоры с Уорхолом, тоже заслуживает упоминания – особенно дикий фильм о том, как Бетховен влюбляется в своего херувимоподобного племянника.

Как нередко бывает, на смену разнузданной юности пришла консервативная старость, и Моррисси стал сторонником Республиканской партии, выступал против всяческого разврата, социализма и однополых браков, хотя сам был по этой части.

Как раз в этот период я с ним познакомился и немедленно завоевал его сердце рассказом о том, как советские диссиденты обожали Рейгана. Он мне даже подарил книгу о самом себе с инскриптом «В честь нашего общего кумира – Рональда Р.»

Думаю, что огромное интервью, которое я у него взял, единственное на русском языке. Это интервью привело в такой восторг Тимура Новикова, что он перепечатал его в своей газете «Сусанин» и постоянно цитировал.

Теперь все они – Рейган, Моррисси и Тимур – смогут встретиться на одной территории, а Уорхол будет жадно смотреть на них из-за райской ограды.

Дмитрий Волчек

Боб Дилан (да) в X пожаловался, что во Франкфурте искал южноафриканское издательство Crystal Lake, которое переиздало его любимого «Великого бога Пана» Артура Мейчена, – вдруг издательство заинтересуется его, Дилана, рассказами

(явно в жанре дарк-фикшн и хоррора, потому что Crystal Lake его и публикует), – но вот не нашел.

Мимоходом так.

Что он не нашел Crystal Lake во Франкфурте – неудивительно, собственно представителей издательства там не было, были агенты. Но, понятно, издательство вступило и оставило мэйлы и контакты. И теперь сидит, скрестив пальцы и держа кулаки, и ждет.

Николай Кареев

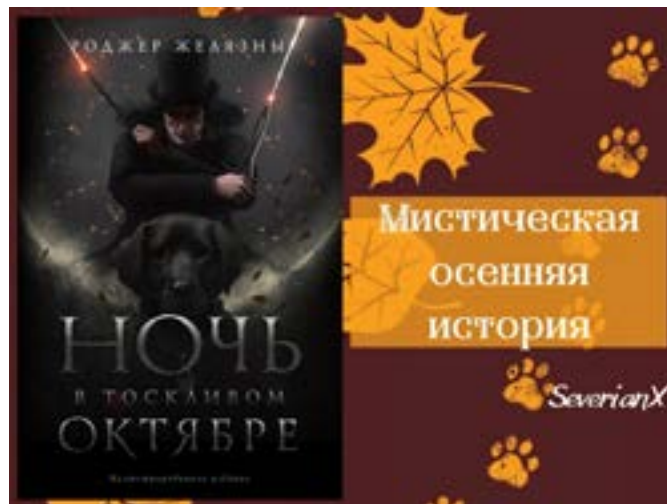
Роджер Желязны «Ночь в тоскливом октябре»

Жанр: Городское фэнтези

Оценка: 9/10

В немалой степени наше восприятие реальности формируют литература и кинематограф. На нас в немалой степени повлияли произведения таких замечательных авторов, как Мэри Шелли, Артур Конан Дойл, Брэм Стокер, Говард Лавкрафт и Эдгар Алан По. Благодаря книгам этих писателей и многочисленным их экранизациям для многих из нас сегодня Шерлок Холмс, доктор Франкенштейн и граф Дракула – личности не менее реальные, чем настоящие исторические деятели. Во многом эти имена даже стали нарицательными. Роджер Желязны пошел на немалый риск, решив соединить всех этих персонажей в своем романе. На удивление, получилось очень стильно и логично. Автору удалось не скатиться к штампам и не превратить все это в безыскусный винегрет.

Теперь немного о сюжете. В начале октября в пригороде Лондона собирается компания загадочных личностей, чтобы провести некую Игру. Кого тут только нет... Повествование ведётся от лица пса по имени Нюх, который служит своему хозяину Джеку. Стоит отметить, что у каждого участника Игры есть свой фамилляр, помогающий ему. Образ

Джека получился очень гармоничным: воспитанный и сдержанный человек, искусно владеющий магическим ножом. С его прототипом все не так просто. Во-первых, это Джек Потрошитель, кровавый убийца, способный в считанные секунды устроить врагам кровавую баню. Эта ипостась Джека проявилась лишь однажды, когда Ньюху угрожала смертельная опасность. Во-вторых, это Джек-фонарем – неизменный атрибут Хэллоуина. Ну и в-третьих, Джек – герой народного английского фольклора, который вместе со своей подружкой Джил веселит многие поколения детей. Джил в романе тоже присутствует. Это ещё один игрок – молодая ведьма с фамильяром-кошкой по имени Серая Метёлка. Между двумя игроками завязываются дружеские отношения, хотя это и идёт вразрез с неписаными правилами. Стоит отметить, что фамильяры играют отнюдь не меньшую роль, чем сами игроки. Они наделены умом, а один час в сутки могут общаться со своими хозяевами. Нюх ведёт свое расследование, общается с другими животными и добывает для Джека сведения.

Теперь немного о других игроках. Викарий Робертс – главный антагонист романа. Это жестокий и беспринципный человек, который пойдет на все ради достижения своей цели. Его фамильяр – белая ворона Текела. Моррис и Маккаб – темные лошадки. Эта «сладкая парочка» до последнего остаётся в тени. Большую роль в сюжете играет их филин Ночной Ветер. Вероятно, их прототипами стали серийные убийцы Вильям Бёрк и Вильям Хэйр, творившие свои темные дела в 1827-1828 годах в Эдинбурге. Друид Оуэн – безобидный на вид старичок с белкой Плутом. В романе он олицетворяет соединение человека с природой. Монах Растов предаётся унынию, выпивает и рефлексировать. Отсылка довольно необычная, но прототипом послужил не кто иной, как Григорий Распутин. От пьянства монаха нередко страдает его полоз Шипучка. Граф – это, конечно же, самый известный вампир Дракула. Его роль в сюжете не ясна до самого финала. Он представляет собой могущественную силу, которая может быть опасна как для врагов, так и для союзников. Игла – фамильяр-летучая мышь, напротив, полностью безобиден, дружелюбен и питается фруктами. Добрый Доктор – доктор Франкенштейн. В романе мы увидим и его творение – монстра. Этот персонаж во многом создаёт мистическую атмосферу романа. Около его дома не утихает гроза, а молнии бьют в громоотводы на крыше. Его крыса Бубон своей непосредственностью покорит многих читателей. Помимо игроков в романе есть и нейтральные персонажи. В Великом Детективе читатель без труда узнает Шерлока Холмса. Он не принимает непосредственного участия в Игре, но пытается разобраться в происходящем. Ларри Тальбот – оборотень, впервые появившийся в ставшем культовым фильме «Человек-волк». Этот короткий и порядоч-

ный человек при помощи науки старается сдерживать свою животную натуру.

А теперь о самой Игре. Периодически в канун Дня Всех Святых известные личности собираются вместе, чтобы решить судьбу мира. Это происходит в те года, когда Хэллоуин выпадает на полнолуние. Открывающие хотят впустить в наш мир Древних Богов, чтобы все изменить. Чаще всего это либо фанатики, либо люди, уставшие от несправедливости этого мира. Закрывающие, напротив, хотят сохранить мир таким, какой он сейчас, и не пустить в него Древних Богов. До самого финала участники скрывают свою сторону. Целый месяц они готовятся, собирают нужные ингредиенты и орудия. За это время между ними могут сложиться различные взаимоотношения, что мы и видим на примере фамильяров. У каждого игрока есть свой магический предмет, служащий оружием в финальной схватке.

Самый большой плюс романа – это его атмосфера. Она полна мистики и волшебства. Немалый вклад вносят и Древние Боги, сошедшие со страниц произведений Говарда Лавкрафта. Напряжение в романе нарастает с каждой страницей. Персонажи получились по-настоящему живыми и яркими. Читается роман легко благодаря превосходному языку повествования.

Итог: «Ночь в тоскливом октябре» – настоящий шедевр постмодернистской литературы. При чтении мы встречаем множество знаковых персонажей. Это похоже на воссоединение со старыми друзьями. Однако Железны на этом не останавливаются. Ему удалось создать очень захватывающий сюжет, который не отпускает наше внимание до самого финала.

Алексей Севериан

31 октября:

На приёме у психиатра.

– Доктор, я ночами не сплю, боюсь. Всё мне зомби в окно лезут! А Вы что скажете?

– А у меня – москитная сетка.

Фант. Анекдот

Долгострой «Мегалополис» Френсиса Форда Копполы выйдет в России в дубляже в начале следующего года – 9 января.

При этом в иностранных стриминговых сервисах лента появится уже через две недели – 12 ноября.

Картина провалилась в прокате, собрав 12 миллионов долларов при бюджете в 136 миллионов.

Мир фантастики

Нил Гейман «Американские боги»

«Американских богов» по праву можно отнести к классике современного мифологического фэнтези. Нил Гейман в своем романе смог умело сплести мифологию разных стран с современной реальностью.

Америка – это место, куда пришло множество различных народов. И каждый из них принес вместе с собой свои верования. Ирландцы – лепреко-

нов, норвежцы – Одина, славяне – Чернобога, африканские рабы – Ананси. Список можно продолжать ещё очень долго. С тех самых пор эти божественные сущности поселились на американской земле. Однако современность породила новых богов – телевидение, интернет, маркетинг, медиа. Старые же боги начали забываться, ведь гораздо легче поклоняться тому, что видишь каждый день. А боги без паствы уходят в небытие. Вот и приходится старичкам выживать как могут: водить такси, забивать коров на скотобойне, соблазнять туристов в гостиницах и делать оружие. Их бывшее могущество постепенно сходит на нет. Теперь же перед ними стоит смертельная угроза забвения, и Старые Боги должны объединиться и единым фронтом выступить против ненавистных Новых Богов. Всеотец Один задался целью собрать эти силы воедино, а у этого хитреца найдется парочка козырей в рукаве. В Соединённых Штатах назревает Последняя Битва между новыми божествами, зародившимися уже здесь, и старыми богами-иммигрантами. Суть конфликта проста – веры и поклонения на всех не хватает.

Исход этой битвы будет зависеть от нашего главного героя – здоровяка по имени Тень. Несмотря на простоватую внешность, он не обделён умом, сообразителен и смел. Его биография очень интересна. Тень совсем недавно вышел из тюрьмы по надуманному обвинению. Теперь опять ему не светит пожить спокойно. Один выбрал его в качестве спутника, что сопряжено с определенными рисками. Тень вместе с Всеотцом будет колесить по Америке и встречаться с разными богами, побуждая их примкнуть в Последней Битве. Ему предстоит сыграть в шашки с Чернобогом на собственную жизнь, поработать в похоронном бюро Тота и Анубиса, побывать на оружейном заводе Бога Войны, подраться и выпить с лепреконами. В этих странствиях его будет оберегать его мертвая жена. А угроз на этом пути будет немало, ведь Новые Боги будут всеми силами стараться помешать сплочению старичков-иммигрантов.

Что удалось Нилу Гейману на славу, так это атмосфера. Вместе с Тенью мы побываем в разных городках Америки, увидим их быт, смешанный с магическим реализмом. Будет в романе много загадок и интриг. Само повествование получилось многоуровневым, и читателю будет не просто за внешней простотой квеста увидеть все скрытые смыслы.

Правда не обошлось и без ложки дегтя. На протяжении всего романа напряжение все нарастало – приближалась Последняя Битва. Да только вот сама она вылилась в просто пшик. А ведь я ожидал чего-то по-настоящему масштабного. Но, как говорится, наши ожидания – это наши проблемы. В романе довольно логично объяснен такой финал, но я все же был несколько разочарован.

Итог: Несмотря на обозначенные минусы, роман мне по большей части понравился. В нем огромное количество отсылок и многомерных

метафор. Символизма тоже хоть отбавляй. Чего только стоит, например, самопожертвование Тени, повторившего подвиг Одина. Считаю, что роман однозначно стоит того, чтобы с ним ознакомиться.

Жанр: Городское фэнтези/мифологическое фэнтези

Оценка: 8/10

Алексей Севериан

«Если не обращать внимания на ведьму, то это даже романтично.»

TheNewYorkerRu

31 октября 1959 года родился американский писатель-фантаст Нил Стивенсон.

Нил Стивенсон один из главных фантастов современности, выход каждого его произведения становится настоящим событием для поклонников жанра.

Родители писателя были учеными, что сыграло не последнюю роль в формировании его интереса к естественным наукам. В Бостонском университете он изучал физику, а затем переключился на географию, чтобы больше времени проводить за университетским компьютером. Интересовался программированием.

Первые его произведения («Большое У» (1984) и «Зодиак: Экотриллер» (1988)) не привлекли внимания читателей. А вот третий роман – «Лавина», опубликованный в 1992 году, стал прорывом. Фантаст описал принципы, на которых строится постоянно действующее виртуальное пространство. Стивенсона назвали одним из лидеров научной фантастики, идейным наследником отцов-основателей киберпанка – Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга.

Успех был закреплён романом «Алмазный век, или букварь для благородных девиц» (1995), получившим премии «Хьюго» и «Локус». События романа происходят во вселенной «Лавины», но прямой связи между сюжетами нет.

Далее, отойдя от прежнего стиля, Стивенсон удивил читателей «Криптономиконом» (1999) – смесью фантастического триллера с историческим романом.

Барочный цикл («Ртуть», «Смешенье», «Система мира») это вновь история с элементами фантастики, а вот роман «Анафем» (2008) переносит читателя на планету Арб, где ученые живут в изолированных монастырях и покидают их, когда над их миром нависает опасность.

Романы «Взлёт и падение ДОДО» (2017) и «Падение, или Додж в аду» (2019), написанные в соавторстве с Николь Галланд, это ещё один эксперимент. На этот раз фантаст попробовал свои силы в новом для него легковесном, местами даже абсурдистском стиле.

Летом этого года появилась новость о том, что Legendary Television приобрела права на создание сериала по мотивам научно-фантастического романа Нила Стивенсона «Семиевие» (2015) и в скором времени начнется работа над экранизацией.

RocketMan

Сегодня ведь этот богопротивный праздник, да, я ничего не путаю? Любимый день поклонников литературы ужасов? Как раз хотел сказать, что в 2024 году на русском вышло как-то нетипично много нонфикшна, связанного с хоррором. И оригинальных, и переводных. Я для себя пока выделил три книжки:

Павел Носачев. **Очарование тайны. Эзотеризм и массовая культура** (Новое литературное обозрение)

У. Скотт Пулл. **Пустошь. Первая мировая и рождение хоррора** (АСТ)

Алексей Вдовин. **Монстры у порога. Дракула, Франкенштейн, Вий и другие литературные чудовища** (Манн, Иванов и Фербер)

Ну и еще «Лёд» анонсировал книгу Александра Павлова «Исследования хоррора. Обновления жанра в XXI веке» – правда, монография на материале кинофильмов и сериалов, но я, как в некотором роде поклонник творчества Александра, жду с нетерпением. Надеюсь, до конца года выйдет.

Василий Владимировский

Хрущев и Сталин обсуждают, как утвердить на Руси празднование Хеллоуина.

– Никита, после того как меня найдут на даче, положите тело к Ильичу, в Мавзолей. На 10 лет. Ты уж постарайся, пока буду лежать, лети в США, познакомься с Джоном. Его, правда, убьют. Но ровно через три недели, после того как вы меня закопаете. В стену не замуровывайте, мне нужен простор действий. Еще через год выход Лёни. 13 октября они отправят тебя на пенсию. Ну дескать, у колхозников народохозяйственные планы буксуют. Дальше уже сам на даче жди.

В СССР Хеллоуин на высшем государственном уровне впервые отметили 31 октября 1963-го, по

указанию Никиты Сергеевича Хрущева. Тело с усами вынесли из домика на Красной площади.

23 ноября 1963-го Никита Сергеевич напишет Жаклин после доклада об убийстве JFK: „Встречи с ним навсегда останутся в моей памяти“.

Так дети кукурузы решали вопросы.

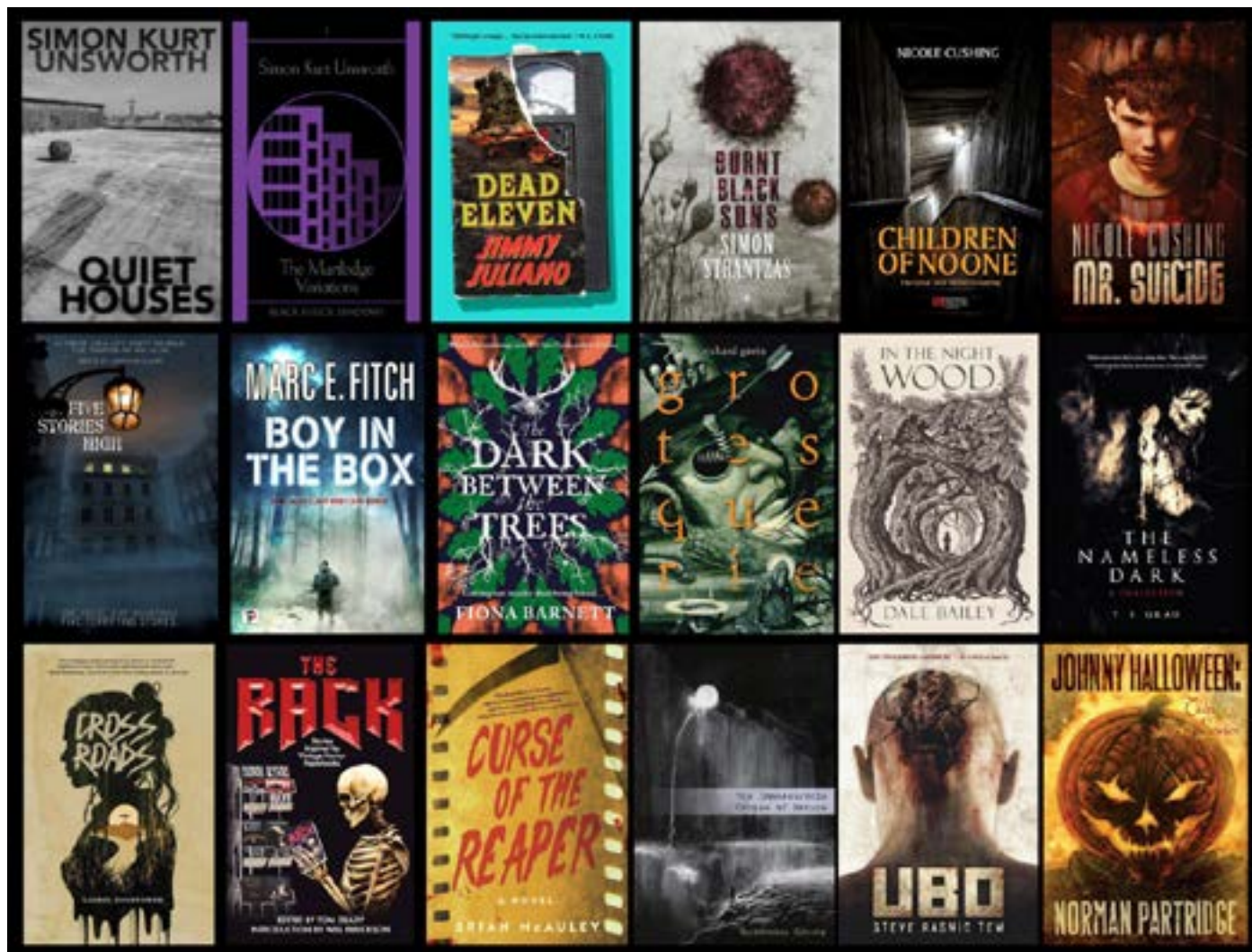
Станислав Крючков

Так вышло, что за последние два месяца я прочитал огромное количество не переводившегося на русский язык хоррора. В основном хорошего. И где-то посреди этого запоя мне пришла в голову мысль: написать полноценные отзывы на все понравившееся я, естественно не успею – так, может быть, мне притвориться настоящим книжным блогером и сделать к Хэллоуину «датский» пост с коротенькими характеристиками десяти лучших книжек, что я успел за это время прочитать?

Ну и, в общем, задачу эту я благополучно провалил. Но не потому, что не смог написать пост, а потому что перестарался. Даже после того, как я искусственно сузил себе пространство выбора, решив писать только об авторах, у которых не было официальных российских изданий, и только о книгах, вышедших в последние пятнадцать лет, ограничиться десятью книгами у меня не получилось, и список разросся до пятнадцати пунктов (пунктов! не книг!). А коротенькие характеристики в большинстве своем отказались оставаться коротенькими и разрослись в полноценные мини-отзывы.

В конечном итоге все это отняло у меня столько сил и времени, что я понял – настоящего книжного блогера из меня не выйдет. Но список – вот он, для всех, кого это может заинтересовать:

Пятнадцать (на самом деле больше) современных англоязычных книжек на Хэллоуин

1. Цикл Richard Nakata (Quiet Houses + The Martledge Variations) Саймона Курта Ансворта

Два сборника (формально, хотя скорее это роман и повесть в рассказах), объединенные центральным персонажем, исследователем паранормальных явлений Ричардом Накатой. В Quiet

Houses он собирает доказательства существования призраков, и часть вошедших в книгу текстов – это рассказы свидетелей, а часть – истории о встречах самого Накаты со сверхъестественным; параллельно мы узнаем о прошлом героя и о том, почему он занимается этой работой. В The Martledge Variations Наката переезжает в небольшой городок Мартледж

и проводит там некий эксперимент, а составляющие основную часть книги рассказы повествуют о столкновениях жителей города с призраками, происходивших в разные моменты истории (впрочем, тут не все так просто). Приятный главный герой, оригинальная теория о том, что такое призраки на самом деле, и большое разнообразие подходов к формату ghost story – от меланхолической мистики через психологический этюд к откровенному (хоть и не кровавому) хоррору; кстати говоря, один из текстов сборника *Quiet Houses – The Ocean Grand, North West Coast* – это один из любимейших моих рассказов как в поджанре «историй о привидениях», так и в литературе ужасов вообще.

2. Dead Eleven Джимми Джулиано

Спортивный журналист Харпер прибывает на небольшой остров Клиффорд в поисках сестры – та после постигшей ее семью трагедии уволилась с работы, заикнулась на острове, на котором никогда не бывала, переселилась туда, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. А Клиффорд – место весьма странное: мало того, что о нем почти нет информации в интернете, – его обитатели до сих пор живут и одеваются так, словно на дворе девяносто четвертый год, не пользуются современной техникой и смотрят исключительно записанные на видеокассеты старые передачи. И, судя по всему, это не просто причуда – у этого поведения есть какая-то зловещая причина.

Джимми Джулиано изначально завоевал популярность как автор крипипаст на Reddit, из-за чего я сперва отнесся к его дебютной книге настороженно, – то, что ты можешь собрать кучу лайков за интернетовскую страшилку, еще не значит, что ты способен написать хороший роман. Но слишком

уж любопытным было описание завязки; я рискнул попробовать – и остался крайне доволен. Джулиано действительно талантливый писатель, а его роман хорош не только оригинальностью замысла, но и его воплощением, и к тому же еще непросто устроен с точки зрения композиции: история Харпера перемежается письмами его сестры Уиллоу, реконструкциями событий, статьями, стенограммами аудиозаписей, перепиской живущих на острове подростков – и элементы эти расположены не всегда в хронологическом порядке, что позволяет автору постепенно выдавать читателю детали для решения головоломки. Вся эта конструкция в итоге оказывается на удивление прочной; для дебютного романа – немалое достижение.

3. Burnt Black Suns Саймона Странца

В 2014 году знатный лавкрафтовед и специалист в области хоррора С. Т. Джоши назвал эту книгу одним из лучших сборников «странных историй», которые он прочел за последние лет двадцать, а то и больше. Джоши, конечно, склонен к чрезмерно категоричным высказываниям, но *Burnt Black Suns* – и вправду отличная книжка. Это, мне кажется, редкий пример сборника, способного угодить и поклонникам «вирда», и любителям мейнстримного хоррора, – истории тут и впрямь странные, но сюжет в них никогда не растворяется в море тумана и полунамеков, а жестокие сцены и даже элементы боди-хоррора (которые, как я понимаю, были до этого для Странца нехарактерны) не затмевают более тонкие и литературные черты рассказов. А еще здесь есть оммажи Лавкрафту, Чамберсу и Лиготти (как с прямыми отсылками, так и просто стилизации), а весь сборник, хотя строгой внутренней концепции у него и нет, представляет собой

путь от невыносимого холода арктического острова в первом рассказе к невыносимой жаре мексиканского лета в заключительной повести; я такие детали очень люблю. И да, *Burnt Black Suns* отправляется в мою коллекцию идеальных названий сборников хоррора, где уже обитают, например, *The Wide, Carnivorous Sky* Лэнгана, *The Beautiful Thing That Awaits Us All* Баррона и *North American Lake Monsters* Баллинграда.

4. Цикл *The Great Dark Mouth (No One's Children + Mr. Suicide)* Николь Кушинг

Довольно условный мини-цикл из повести и романа, объединенных только образом некой сверхъестественной сущности – Великой Темной Пасти, способной не просто уничтожить человека, но сделать так, чтобы он никогда и не жил.

No One's Children – это более-менее традиционный околολиготтианский вирд-хоррор (в той степени, в которой слово «традиционный» вообще может быть применимо к околολиготтианскому вирд-хоррору): повесть о двух «художниках»-акционистах – садисте и нигилисте, которые, пользуясь своим совместным творением – лабиринтом, населенным выросшими в абсолютной темноте детьми, – пытаются доказать друг другу превосходство своих философий.

А вот *Mr. Suicide* – зверь совершенно иного рода. Это извращенный роман воспитания, история взросления безымянного юноши, которого с детства преследует нечто вроде персонификации самоубийства – тот самый Мистер Суицид; в попытках избавиться от него, герой становится последователем Великой Темной Пасти и ступает на совсем уж непроглядно-черную тропу. Николь Кушинг помнит о том, что хоррору вообще-то полагается быть

трансгрессивным, и всячески пытается заставить читателя заерзать. И речь не только о сценах жестокого насилия (хотя их тут есть), но и о нарушениях множества иных обывательских табу, от сексуальной фетишизации калек до – немислимо! – повествования от второго лица (это преступление дополнительно отягощается тем, что ассоциировать себя предлагается с крайне отталкивающим персонажем). Но если бы задача книги заключалась только в том, чтобы сделать читателю неприятненько да заявить, что любимым позитивным ценностям грош цена, говорить о ней не было бы никакого смысла, потому что нет ничего скучнее дешевой провокации. Главное достижение Кушинг – в том, что она, проехавшись катком по оптимистическому мировоззрению, внезапно совершает резкий разворот и проделывает то же самое с мировоззрением нигилистическим, приводя роман к восхитительному в своей абсурдности финалу.

Писательская смелость, отменный черный юмор, отличное чувство стиля и ритма – Кушинг, по-моему, одна из лучших авторов хоррора, которые сейчас работают. Но это, разумеется, чтение для очень специфической категории ценителей.

5. *Five Stories High* (Под редакцией Джонатана Оливера)

Антология из пяти повестей, формально объединенных одним местом действия – Айронгроув-лодж, пятиэтажным «нехорошим домом». Правда, учитывая, что Айронгроув-лодж способен возникнуть где угодно и каждому человеку демонстрирует новую свою грань, повести с тем же успехом могли бы быть о пяти разных домах – но это на самом деле не имеет особого значения, главное, чтобы тексты были хорошими. А это в основном так: составитель

Джонатан Оливер собрал отличную команду авторов, пусть некоторые имена и непривычно видеть на обложке сборника хоррора: Нина Аллан – последняя жена Кристофера Приста и, как и он, пишет в основном этакие романы-фокусы, требующие от читателя немалого умственного напряжения; Таде Томпсон в основном известен как автор научной фантастики, хотя частенько заглядывает и на территорию других жанров; К. Д. Паркер пишет необычное фэнтези без магии (а под настоящим именем – Том Холт – фэнтези юмористическое). Пожалуй, только Роберт Ширмен (в ипостаси прозаика – так-то он еще сценарист и драматург) и Сара Лотц (единственная из них, кого я прежде не читал) ассоциируются в первую очередь с хоррором, хотя и им случается работать в других жанрах.

Тексты у этой разношерстной компании тоже вышли совершенно друг на друга непохожие. Томпсон написал классическую историю о поселившейся в доме с привидениями семье и лишь по-своему обыграл привычные тропы. Лутц через монологи имеющих то или иное отношение к кровавому убийству людей постепенно раскрывает его истинную подоплеку. Герой Аллан, заподозрив, что его тетю во время отпуска подменило некое иное существо, на протяжении нескольких лет пытается разобраться в случившемся и в конце концов осознает, что это лишь часть куда более масштабных событий. Текст Ширмена – сюрреалистический ночной кошмар длиной в целую жизнь. Наименее удачно показал себя Паркер – замысел у его повести очень оригинальный, но вышла она на редкость затянутой и бесформенной (а еще в ней неоднократно говорится о том, что отец главного героя получил Нобелевскую премию по математике, – если это не баг, а фича, то я так и не смог уяснить, в чем ее смысл). Но даже у нее есть свои достоинства, а остальные

четыре повести хороши настолько, что с лихвой компенсируют недостатки.

6. Boy in the Box Марка Фитча и The Dark Between the Trees Фионы Барнетт

Как-то так получилось, что среди книг, которые мне хотелось включить в этот список, оказались сразу два романа, сюжет которых в общих чертах можно описать фразой «компания людей мотается по лесу, в котором живет Нечто Жуткое».

Boy in the Box – это история четверых друзей, которые однажды на ночной охоте случайно застрелили мальчика, неизвестно как оказавшегося в лесу. Других свидетелей рядом не было, и они решили тайно закопать тело и никому об этом не рассказывать. Прошло десять лет, один из четверки, не выдержав мук совести, покончил с собой, а остальные, узнав, что через тот самый лес собираются прокладывать дорогу, решают вернуться на место преступления и перезахоронить останки.

The Dark Between the Trees – роман об экспедиции пяти женщин (пара ученых-историков, пара рейнджеров и картограф), которые отправляются в закрытый от обывателей лес, где, по легенде, во время Английской гражданской войны пропал отряд «круглоголовых»; действие скачет между современностью и 1643 годом, и события прошлого отзываются неожиданным эхом в настоящем.

Несмотря на некоторое поверхностное сходство, эти романы на самом деле довольно сильно отличаются друг от друга. Boy in the Box традиционнее, значительно мрачнее (хотя формально у Фионы Барнетт трупов больше), а отдельными своими чертами напоминает книги Адама Нэвилла – как тематически близкий «Ритуал», так и некоторые другие. Зато The Dark Between the Trees куда оригинальнее

с точки зрения замысла – и не только потому, что здесь по лесу мотаются сразу две компании. Поэтому, как бы мне ни хотелось сделать список разнообразнее, я так и не смог выбрать лишь одну из этих книг – и в итоге решил сжульничать и включить их в один пункт.

7. *grotesquerie* Ричарда Гэвина

Да, название этого сборника пишется со строчной буквы. И да, это мучительно претенциозно. Но в случае Ричарда Гэвина некоторая претенциозность вполне оправдана.

Гэвин – мастер рассказов, подчиняющихся логике сна. Его сюжеты прихотливо извиваются и почти никогда не приходят к тому финалу, которого ожидаешь от них вначале, даже когда он берется за исхоженные вдоль и поперек темы вроде мстящих за свое убийство мертвецов, как в рассказе *Fragile Masks*. И даже в тех вещах, которые ближе к традиционному хоррору (например, *Patter of Tiny Feet*), или в тех, где мистика и ощущение тайны вообще отсутствуют (как в *Scold's Bridle: A Cruelty*), он создает атмосферу зыбкости и ненадежности окружающего мира. Но при этом Гэвин умеет делать так, чтобы в его рассказах, как и во сне, даже самое причудливое развитие событий не казалось неуместным и воспринималось как само собой разумеющееся. Это истории, в которых реальность в любой момент может разлететься на осколки и сложиться в новый, болезненно красивый и жуткий узор – иными словами, идеальное чтение для желающих от хоррора странного.

8. *In The Night Wood* Дейла Бейли

Еще одна история «про лес», но на этот раз решенная совершенно иначе. Она ближе к готическому роману: супруги-американцы Чарльз и Эрин после гибели дочери переезжают в Великобританию, во внезапно унаследованный особняк, в котором когда-то жил предок Эрин, викторианский писатель Кэдмон Холлоу, автор единственной книги, мрачной и не очень-то детской сказки, которая, как и сам роман, называется *In the Night Wood* и рассказывает о девочке, заблудившейся в таинственном лесу. И, разумеется, им предстоит узнать о том, что вдохновило Холлоу на эту книгу и как события прошлого связаны с тем, что происходит вокруг особняка сейчас.

Это, пожалуй, самая «тихая» книга в списке (настолько тихая, что я даже сомневался, можно ли ее вообще числить по ведомству хоррора, – но в итоге решил, что можно; да и, в конце концов, мой список, что хочу, то и делаю). И ее нельзя назвать непредсказуемой, она почти целиком состоит из знакомых элементов – тайны прошлого, «не ходите в лес, там пропадают люди», скорбь родителей по погибшему ребенку... Даже размышления о том, как истории соотносятся с реальностью и как они влияют на нее, не сказать что особенно оригинальны. Но все это искупается тем, что книга красиво написана и сделана, и ее попросту чертовски приятно читать. Как бы я ни приветствовал новизну и оригинальность, писательское мастерство всегда важнее, и умение сложить из знакомых элементов изящную мозаику тоже дорогого стоит.

9. The Nameless Dark Т. Э. Грау.

Главная характеристика сборника The Nameless Dark – это разнообразие. Разнообразие во всех отношениях (кроме одного, о котором чуть позже). Разнообразие подходов к хоррору: черноюморной анекдот, «странный» вестерн, хоррор исторический, психологический, космический. Разнообразие мест и исторических периодов: портовый город времен войны за независимость США; Лондон конца девятнадцатого века; Прага; современный Лос-Анджелес; Америка близкого будущего, поглощенная войной с религиозным терроризмом, и условно-сказочный городок, в котором из-за заводов уже очень давно не идет снег. Разнообразие персонажей: обожающий животных мальчик, живущий в трущобах с безвольной мамашей; заклеенный трусом капитан, некогда славившийся отвагой; единственный наследник семейства промышленных магнатов; рыбак из глубинки и та, что скрывалась за маской Джека-Потрошителя. Плюс к этому – превосходное авторское умение улавливать ощущение места и специфику речи, которое помогает декорациям и персонажам ожить.

Единственная моя претензия к сборнику заключается в том, что Грау, проявив себя как писатель-хамелеон, почему-то слишком часто (где-то в трети рассказов сборника) сводит свои сюжеты к лавкрафтовщине. И речь не о подражании, а о прямых заимствованиях, от топонимов (Аркхэм, Иннсмут) до конкретных образов вроде рыболодей. Это кажется мне несколько разочаровывающим, поскольку собственной фантазией он явно не обделен. Но сами по себе рассказы все равно хороши, так что недостаток это мелкий.

10. Crossroads Лорел Хайтауэр

Подозреваю, что на самом деле я не освоил достаточного количества материала, чтобы делать такие далекоидущие выводы, но по итогу моего хоррор-марафона у меня создалось впечатление, что центральная тема современного хоррора – это тема утраты. Понятное дело, что она присутствовала в жанре всегда – вспомним хотя бы «Кладбище домашних животных», чтобы далеко не ходить, – но чуть ли не в каждой второй более-менее свежей книге, за которую я брался, в центре внимания оказывался персонаж, который пытается, но все никак не может доползти до стадии принятия. В этом списке таких книг несколько – выше были In the Night Wood и Dead Eleven (и это не считая отдельных рассказов в сборниках), ниже будет еще кое-что – ну а самый, наверное, удачный подход к теме из тех, что мне попались, – это повесть Лорел Хайтауэр Crossroads.

Прошло уже почти два года с тех пор, как двадцатидвухлетний сын героини погиб в аварии, но она до сих пор не может смириться с потерей и регулярно ездит к деревянному кресту, который поставила на месте его смерти. Однажды, случайно поранившись, она проливает кровь на землю у креста – и той же ночью видит сына в окне. Разумеется, она повторяет это жертвоприношение снова и снова – что такое несколько капель крови в сравнении с возможностью вновь увидеться с ушедшим ребенком? – и, разумеется, очень скоро малых жертв оказывается недостаточно. Работая с таким материалом, очень легко скатиться в выжимание слезы из читателя, но Хайтауэр до эмоциональной манипуляции не опускается – она спокойно и уверенно описывает все подробности пути героини и столь

же спокойно приводит его к безжалостному во всех отношениях финалу.

11. The Rack (под редакцией Тома Диди)

Палповый хоррор времен жанрового бума семидесятых-восемидесятых переживает в последние несколько лет новый всплеск популярности благодаря книге Грейди Хендрикса и Уилла Эриксона Paperbacks from Hell и одноименной серии переизданий издательства Valancourt Books. Антология The Rack названа в честь стоек-вертушек, на которых когда-то выставлялись те самые «пейпербеки из ада», и на страницах ее собраны девятнадцать рассказов, отдающих им дань уважения, плюс одна история, написанная и опубликованная как раз в те времена – «Плот» некоего С. Кинга. Помимо него в сборнике участвуют Рональд Малфи, Ричард Чизмар, Филип Фракасси, Джефф Стрэнд и еще множество авторов, как популярных, так и относительно малоизвестных. Большая часть текстов – чистейший развлекательный палп с медведями-людоедами, мстительными куклами и тапочками-убийцами, но порой это пиршество по-хорошему дурного вкуса разбавляется сюжетами другого плана: например, рассказ Малфи ближе к психологическому хоррору, а один из лучших текстов сборника – I Am A House Demanding To Be Haunted Мерседес Ярдли – сказочно-поэтичная, но не лишенная кровавых эпизодов история о девушке, которая предпочла жизнь в доме с привидениями обществу «нормальных» людей с их навязчивыми разговорами о политике и травмах прошлого (и ее можно понять). И да, не все рассказы здесь одинаково хороши, есть совсем уж простенькие и однообразные, есть и пара откровенных неудач. Впрочем, даже это вполне вписывается в концепцию антоло-

гии: покупая книжку со стойки-вертушки, всегда рискуешь обнаружить что под жутенькой обложкой нечто малосъедобное. А уж требовать от палпа чего-то сложного и неодноразового вообще занятие бессмысленное – но тем приятнее редкие случаи, когда ты это там все-таки находишь.

12. Curse of the Reaper Брайана Маколи

Середина нулевых. Говард Браунинг, стареющий актер, когда-то игравший inferнального Жнеца в культовой серии слэшеров, узнает о том, что готовится римейк первого фильма – и что вместо него главную роль там будет играть более молодой и знаменитый актер Тревор Мейн, в детстве бывший звездой популярного ситкома, а сейчас больше известный своими проблемами с наркотиками и алкоголем. Казалось бы, для Говарда это отличный шанс наконец-то оставить своего самого известного – и висящего на нем мертвым грузом – персонажа в прошлом, но у самого Жнеца другие планы: он жаждет возвращения и вовсе не собирается расставаться с прежним лицом.

Для романа, отсылающего к слэшерам восьмидесятых, Curse of the Reaper неожиданно неспешен; он нагнетает напряжение постепенно и уделяет значительное внимание психологии двух главных героев, отлично прописанных и сложных, в целом симпатичных, но страдающих от глубоко укорененных недостатков, которые в сложившихся обстоятельствах вполне могут погубить их карьеру, а то и жизнь. Однако поклонники слэшеров обделенными не останутся: когда Жнец наконец переходит от угроз к делу, он делает это максимально эффектно, ну а до того, как это происходит, Маколи, отлично, судя по всему, ориентирующийся в жанре, перемежает основное действие отрывками из

вымышленных сценариев фильмов про Жнеца, в которых сочетаются точно подмеченные положительные и отрицательные черты трех самых известных слэшерных серий – «Хэллоуина», «Пятницы, 13-е» и «Кошмара на улице Вязов». Последний явно повлиял на замысел романа больше всего – Жнец, как и Фредди Крюгер, постоянно сыплет чернушными шуточками, да и сама идея о киноманьяке, который пытается вырваться в реальный мир, уже встречалась в «Новом кошмаре», но у Маколи получается обыграть ее интересно и по-своему.

13. The Immeasurable Corpse of Nature Кристофера Слэтски

По первым рассказам может показаться, что *The Immeasurable Corpse of Nature* – это серия текстов, метафорически изображающих невозможность справиться с потерей близкого человека (говоря же, центральная тема современного хоррора). Но постепенно сборник раскрывается, и становится ясно, что это – лишь часть темы, которую на самом деле разрабатывает Слэтски.

Как-то так само собой получилось, что над несколькими книгами в этом списке витает тень Томаса Лиготти – автора, поклонником которого я себя назвать не могу, хотя и очень его уважаю. Но если у Кушинг, Гэвина, Странцаса это ограничивается сходством некоторых идей и приемов или отдельными рассказами, написанными в качестве оммажа, то Слэтски вполне откровенно работает в русле пессимистической философии Лиготти. *The Immeasurable Corpse of Nature* – это экзистенциальный ужас как мировоззрение, выраженное в двенадцати рассказах, двух эссе и одной пьесе. (Впрочем, пьеса – это не совсем пьеса, по крайней мере, поставить ее принципиально невозможно, а одно

из эссе при ближайшем рассмотрении оказывается мрачной шуткой, отсылающей к более ранним рассказам Слэтски и постулирующей, что человек не обладает сознанием – а вот кинофильмы, возможно, да).

Однако Слэтски – именно последователь Лиготти, а не простой подражатель; у него свои подходы к темам предшественника, своя богатая фантазия и своя система образов (хотя лиготтианские фокусники и куклы кое-где все-таки возникают). Но самое главное отличие между ними – в отношении к собственным персонажам. Лиготти все-таки писатель слишком «головняковый», его герои – лишь средство донесения авторских концепций (да и как может быть иначе, если все они – лишь марионетки пустоты, бесконечно разыгрывающие лишние смыслы спектакли?). Слэтски своим персонажам сочувствует, все они живые, страдающие люди – и тем мучительнее читать об их столкновении с безжалостным и бесчувственным мирозданием.

14. Ubo Стива Резника Тема

Однажды ночью Дэниэла похищают таинственные существа, с виду напоминающие гигантских тараканов. Он оказывается в странном месте, откуда нет выхода. Кроме него здесь живет и множество других пленников – и каждого из них их тюремщики заставляют примерять на себя личины убийц, маньяков и тиранов, переживая самые кровавые события из перенасыщенной жестокостью истории человечества.

Ubo – очень странный жанровый гибрид, смесь психологического хоррора и мрачной научной фантастики. А еще это роман-головоломка, где все не то, чем кажется. И одновременно – исследование человеческой склонности к насилию. Требуется немало

мастерство, чтобы заставить построенный из таких разнородных и сложных деталей механизм работать... и, честно говоря, я не вполне уверен, что Тему, при всех его очевидных талантах, это удалось на сто процентов. Но даже так книжка у него получилась очень интересная и небанальная.

15. Johnny Halloween: Tales of the Dark Season Нормана Партриджа

Ну и раз список приурочен к Хэллоину, имеет смысл закончить его книжкой хэллоуинской тематики. В сборник Johnny Halloween вошли семь довольно разных текстов – здесь есть криминальный триллер, хоррор реалистический, хоррор мистический и даже автобиографическое эссе о том, каково было взрослеть в городке, рядом с которым орудовал маньяк Зодиак, – но все они имеют то или иное отношение к кануну Дня всех святых. А заканчивается книга приквелом к получившей премию Брэма Стокера повести Партриджа The Dark Harvest (тоже вполне хэллоуинской – я с удовольствием включил бы ее в этот список, если бы она не была написана чуть раньше 2010 года). Сборник коротенький, рассказы качественные, увлекательные и наполненные атрибутикой праздника – самое подходящее чтение для тоскливой октябрьской ночи.

Роман Демидов

© Источники:

RocketMan, https://t.me/RocketMan_kosmodrom

TheNewYorkerRu: <https://t.me/thenewyorkerru>

Александр Дубовский: DUBOVSKY CARTOON HUMOR NEWS, https://t.me/gopakcartoons_dubovsky

Александр Лукашин, mail

Алексей Андреев: Alex Andreev Art, <https://t.me/alexandreevarts>

Алексей Пак: Пацанские полки, https://t.me/boy_shelfs

Алексей Севериан: Книжная Берлога, https://t.me/book_bear_lair

Анастасия Шевченко: Заметки панк-редактора, <https://t.me/Umigame>

БВИ: Братия по Разуму, <https://t.me/bratrazum>

Василий Владимировский: speculative_fiction, <https://t.me/SpeculativeFiction>

Виктор Язневич, mail

Владимир Бабков: Игра слов, https://t.me/igraslov_vb

Дарья Бобьлёва: Ход грибной королевы, <https://t.me/inomirj>

Денис Лукьянов: Денозавр в мезозое, <https://t.me/denosavor>

Дмитрий Волчек: Митин журнал, https://t.me/mitin_zhurnal

Дмитрий Захаров: HeroПрактика, <https://t.me/Sixways>

Дмитрий Злотницкий: Фантастика с Дмитрием Злотницким, https://t.me/zlo_i_sff

Дэвид Лангфорд, Ansible, <https://news.ansible.uk/>

Екатерина Каретникова: #прокнижное, <https://t.me/karetni>

Инар Искендрова: Так говорил Лем, <https://t.me/lemtalking>

Макс Фрай: Ловец книг, https://t.me/lovez_knig

Мир фантастики, https://t.me/mirf_ru

Наталья Осояну: magie bizarre, https://t.me/magie_bizarre

Николай Караев: Звездные маяки капитана Норта, <https://t.me/starlighthousekeeping>

Николай Корнацкий: Звоните Гайдаю!, <https://t.me/badguydie>

Николай Подосокорский: Подосокорский, <https://t.me/podosokorsky>

Роман Демидов: A Shelter from Pigs on the Wing, <https://t.me/krukoobraznost>

Сергей Карелов: Малоизвестное интересное, <https://t.me/theworldisnoteasy>

Сергей Соболев, <https://fantlab.ru/user13240>

Станислав Крючков: Стас Крючков, <https://t.me/photoplenka>

Танда Луговская: Tanda_v_Telegrame, https://t.me/tanda_v_telegrame

Фант. Анекдот, <https://t.me/fanekot>

Фразы отовсюду, <https://t.me/frazyall>

Шамиль Идиатуллин: Idiatullin, <https://t.me/idiatullin>